

ISSN 1993–4750

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОБЫТИЯ В КОММУНИКАЦИИ И КОГНИЦИИ

7 (746)
2016

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Moscow State Linguistic University”

VESTNIK
of Moscow State Linguistic University

The year of foundation – 1940

Issue 7 (746)

LINGUISTICS

EVENTS IN COMMUNICATION AND COGNITION

Moscow
FSFEI HE MSLU
2016

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный лингвистический университет»

ВЕСТНИК
Московского государственного лингвистического
университета

Год основания издания – 1940

Выпуск 7 (746)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

СОБЫТИЯ В КОММУНИКАЦИИ И КОГНИЦИИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2016

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор серии «Языкознание»
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МГЛУ»

А. А. Гаджиев, д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)	Д. С. Маркес, Ph. D., проф. (Испания)
Н. П. Баранова, канд. пед. наук, доц. (Беларусь)	Т. В. Медведева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
З. К. Бурнацева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Л. В. Моисеенко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Б. Воронина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	А. И. Мусаев, д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Г. Р. Гаспарян, д-р филол. наук, проф. (Армения)	Л. А. Ноздрина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
К. В. Голубина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Р. К. Потапова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Гусейнова, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)	Ю. Е. Прохоров, д-р пед. наук, д-р филол. наук, проф. (Россия)
Н. А. Дудик, канд. филол. наук (МГЛУ)	О. А. Радченко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Ершов, Ph. D., проф. (Германия)	М. Н. Русецкая, д-р пед. наук, проф. (Россия)
М. С. Имомзода, д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)	Т. С. Сорокина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
К. М. Ирисханова, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	А. Н. Тарасова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. К. Ирисханова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)	И. И. Убин, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Я. Касюк, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)	Х. Ли-Янке, проф. (Швейцария)
И. А. Краева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	А. Д. Ченки, Ph. D., проф. (Нидерланды)
Г. Ф. Красноженова, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)	Н. А. Шулепов, д-р юрид. наук, проф. (МГЛУ)
С. С. Кунанбаева, д-р филол. наук, проф. (Казахстан)	М. Форстнер, Ph. D., проф. (Германия)
Ф. Г. Лодейро, Ph. D., проф. (Испания)	
Лю Лиминь, Ph. D., проф. (КНР)	

Редакционная коллегия выпуска 7 (746):

д-р филол. наук, проф. О. К. Ирисханова (*ответственный редактор*);
д-р филол. наук, проф. А. Ченки (*зам. ответственного редактора*);
д-р филол. наук, доц. И. А. Гусейнова;
канд. филол. наук, доц. М. В. Томская (*ответственный секретарь*)

Вестник входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. Эл № ФС77-59634 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андреева С. А.</i> Поэтическое преломление событий как ключ к поэтическому видению мира	11
<i>Белоглазова Е. В., Сергаева Ю. В.</i> Лингвокреативность в художественном и научном дискурсе	21
<i>Вафина Д. В.</i> Шутка как полимодальное коммуникативное событие	31
<i>Голубина К. В.</i> Ультракороткий рассказ как продукт межжанровой гибридизации (на примере современных американских ультракоротких рассказов)	41
<i>Гусейнова И. А.</i> Разворот к архаике, или к вопросу о месте и роли ретрособытия в литературном дискурсе	50
<i>Денисова В. А.</i> Влияние типов жестов на выражение предельности события	57
<i>Заботкина В. И.</i> Репрезентация событий в ментальных моделях и дискурсе	66
<i>Захарова А. Г.</i> Прецедентное имя Robin Hood как событийный фрейм	75
<i>Ильинова Е. Ю., Волкова О. С.</i> Когнитивно-дискурсивный аспект медиарепрезентации события	87
<i>Карпенко Е. И.</i> Имя и событие	96
<i>Киосе М. И.</i> Событийность в текстовых моделях непрямого наименования	105
<i>Комалова Л. Р.</i> Перцептивно-слуховой профиль (образ) агрессора	116
<i>Кузнецов В. Г.</i> Концепт «событие» в когнитивно-дискурсивном аспекте	127
<i>Куликова О. В.</i> Каузальность как основа репрезентации событийной цепочки в аргументативном дискурсе	134

<i>Левицкий А. Э.</i> Репрезентация события и проблема концептуализации информации	141
<i>Любимова Н. В.</i> Событийность альпийского текста как базовая категория жанра	156
<i>Манухина А. О.</i> События Альбигойской войны (1201–1229) через призму субъективного восприятия ее участников (на материале латинской хроники и провансальской поэмы XIII в.)	167
<i>Нагорная А. В.</i> Событийная семантика английских препозитивных словосочетаний с существительным «moment»	176
<i>Никуличева Д. Б.</i> Контрастивное исследование структуры коммуникативного события в копенгагенском проекте «Global English for Business Communication»	188
<i>Паршин П. Б.</i> О семантике категории «событие» в свете сочетаемости прилагательного «событийный»: событие снаружи и изнутри	200
<i>Потапова Р. К.</i> Перцептивно-слуховая дивергенция в оценке эмоционально-модального состояния иноязычного партнера по коммуникации	211
<i>Раренко М. Б.</i> Человек политический в фокусе	223
<i>Семина И. А.</i> Событие в аспекте широкозначности (на материале антропонимов современного французского языка)	233
<i>Сескутова И. К.</i> События в политическом дискурсе США: проблемы смыслоформирования	241
<i>Таривердиева М. А.</i> Отображение событий в языковой традиции	250
<i>Томская М. В.</i> Научная конференция как событие	256
<i>Трошина Н. Н.</i> О языковом аспекте когнитивного стиля	264

<i>Фадеева Г. М.</i>	
Рождественское телеобращение главы государства как медиасобытие	273
<i>Хахалева А. Ю.</i>	
Полиmodalные средства презентации коммуникативного события в интернет-дискурсе	286
<i>Шпетный К. И.</i>	
Стилистические характеристики ораторского дискурса в диахронии (Часть II)	296

CONTENTS

<i>Andreeva S. A.</i> Poetic Presentation of Events as a Key to Poetic World View	11
<i>Beloglazova E. V., Sergajeva J. V.</i> Linguistic Creativity in Fiction and Science	21
<i>Vafina D. V.</i> Joke as a Multimodal Communicative Event	31
<i>Golubina K. V.</i> Less is More: the American Short Story as a Hybrid of Several Genres	41
<i>Guseynova I. A.</i> The Return to the Archaic: on the Role of a Retro Event in Literary Discourse	50
<i>Denisova V. A.</i> How Gestures Types Influence the Expression of Event Boundaries	57
<i>Zabotkina V. I.</i> Event Representation in Mental Models and Discourse	66
<i>Zakharova A. G.</i> Precedent Name of Robin Hood as an Event Frame	75
<i>Ilyinova E. U., Volkova O. S.</i> Cognitive and Discursive Aspects of Event Media Representation	87
<i>Karpenko E. I.</i> Personal Name and Event	96
<i>Kiose M. I.</i> Indirect Naming Of Events In Text	105
<i>Komalova L. R.</i> Auditory-Perceptual Profile (Image) of an Aggressor	116
<i>Kuznetsov V. G.</i> Concept «Event»: Cognitive-Discourse Aspect	127
<i>Kulikova O. V.</i> Causality as a Foundation of a Sequence of Multiple Events Representation in the Argumentative Discourse	134
<i>Levitsky A. E.</i> Event Representation as the Case of Information Conceptualization	141

<i>Lyubimova N. V.</i>	
Eventfulness of Alpine Text as a Constituent Category of Genre	156
<i>Manukhina A. O.</i>	
The Albigensian War (1201–1229) in the Light of the Subjective Perception of Its Participants (Based on a Latin Chronicle and a Provençal Poem of the 13 th Century)	167
<i>Nagornaya A. V.</i>	
Event Semantics of the English Attributive Collocations with the Noun Moment	176
<i>Nikulicheva D. B.</i>	
Cross-Linguistic Study of the Communicative Event Structure in Copenhagen Project «Global English For Business Communication»	188
<i>Parshin P. B.</i>	
On the Semantics of Russian Category «Sobytiye» in the Light of Compatibility Patterns of Adjective «Sobytijnij»: Event from Outside and from Inside	200
<i>Potapova R. K.</i>	
Perceptual-Auditory Divergence in the Evaluation of Emotional-Modal States of Foreign Language Communication Partner	211
<i>Rarenko M. B.</i>	
A Politician in the Focus	223
<i>Syomina I. A.</i>	
Events and Nouns with General Meaning (Based on French Anthroponyms)	233
<i>Seskutova I. K.</i>	
Events in Political Discourse: Perception and Meaning Construction	241
<i>Tariverdieva M. A.</i>	
Representation of the Events in Linguistic Tradition	250
<i>Tomskaya M. V.</i>	
Academic Conference as an Event	256
<i>Troshina N. N.</i>	
On the Linguistic Dimension of Cognitive Style	264
<i>Fadeeva G. M.</i>	
Head of State Christmas Address as a Media Event	273

<i>Khakhaleva A. Yu.</i>	
Multimodal Means of Presenting a Communicative Event in Internet Discourse	286
<i>Shpetny C. I.</i>	
Linguostylistic Features of Oratory Discourse in Diachrony (Part II).....	296

УДК 82:81

С. А. Андреева

кандидат филологических наук, профессор кафедры стилистики английского языка факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: sandreeva1@yandex.ru

ПОЭТИЧЕСКОЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ СОБЫТИЙ КАК КЛЮЧ К ПОЭТИЧЕСКОМУ ВИДЕНИЮ МИРА¹

Поэтический взгляд на мир всегда отличается самобытностью; поэт может увидеть необычное в повседневном и глобальное в индивидуальном. Во время как для любовной или философской лирики свой взгляд является неперенным условием, а креативность – обязательным параметром, при ссылке на реальное историческое событие поэт не может не быть ограничен фактической информацией. Исследование рассматривает, каким образом поэтический текст передает фактическую информацию, не нарушая поэтические условности, и каким образом разрешается противоречие объективного существования события и субъективности поэтического текста.

Ключевые слова: поэтический текст; поэтический дискурс; поэзия; когнитивный диссонанс; интенциональный язык.

Andreeva S. A.

Ph. D. (Philology), Professor, Department of English Stylistics, Faculty of the English Language, MSLU; e-mail: sandreeva1@yandex.ru

POETIC PRESENTATION OF EVENTS AS A KEY TO POETIC WORLD VIEW

Poetic world view has the always been uniquely individual; a poet may see unusual in the ordinary and global in the individual. While one's personal approach is obligatory for love or philosophical poems, and creativity is a must, the poet cannot but be restricted by factual information when relying on a historic event. The research studies how a poetic text may convey factual information while preserving poetic conventions, and how the contradiction between the objectivity of the event and the subjectivity of poetic text may be resolved.

Key words: poetic text; poetic discourse; poetry; cognitive dissonance; intentional language.

Ю. С. Степанов указывает, что семиотически художественную литературу (и поэзию как ее квинтэссенцию) можно определить как сферу действия интенционального языка (языка, описывающего возможный мир) [2]. То есть при написании стихотворного текста, в основе

¹ В качестве источника методики исследования мы опирались на идеи, изложенные в [5].

которого лежит изложение реального исторического события, не может не возникнуть когнитивный диссонанс – реальное событие преподносится как часть возможного мира.

Целью нашего исследования стало рассмотрение того, каким образом поэтический текст выражает фактическую информацию, не нарушая поэтические условности, и каким образом разрешается противоречие объективного существования события и субъективности поэтического текста.

В качестве материала исследования были взяты два стихотворения разных авторов, связанных общей темой: «The Charge of the Light Brigade» А. Теннисона [6] и «The Last of the Light Brigade» Р. Киплинга [4]. Задача исследования состояла в том, чтобы изучить каким образом реальные события находят свое отражение в поэтическом тексте. Общеизвестно, что поэт – не документалист. Более того, в поэтическом тексте реальность может подвергаться трансформации, однако степень преобразований еще предстоит оценить. Наше исследование предполагает установить, какие элементы реальности вербализуются в поэтическом тексте, а какие опускаются, и имеются ли элементы, включаемые в поэтический текст произвольно, по воле автора.

Стихотворение А. Теннисона «The Charge of the Light Brigade» посвящено эпизоду Крымской войны, в ходе которой легкая кавалерия англичан атаковала русскую батарею. Во время ошибочно организованной лобовой атаки британцам удалось нанести некоторый ущерб российским войскам под Балаклавой, но основная задача не была достигнута, британцы были вынуждены отступить, понеся серьезные потери. Тем не менее атака была воспета как образец военного героизма – сначала английским военным журналистом, а потом А. Теннисоном, бывшим на тот момент поэтом-лауреатом, т. е. официальным поэтом Британской империи. Стихотворение имело успех и прочно вошло в английскую литературу, а отдельные строки из него по-прежнему остаются источником аллюзий в современном английском дискурсе.

Если взглянуть на описываемое событие с точки зрения фактической информации, то для передачи достоверной картины происходящего нам необходимо указать время и место действия, назвать участников и совершаемые ими действия.

Фактология события такова¹: время действия – 25 октября 1854 г., место – холмы к северу от Балаклавы (Крымский полуостров).

¹ Изложение фактических событий основано на [1; 3].

Участники: лорд Реглан, командующий британскими войсками; граф Лукан, командующий кавалерийской дивизией; граф Кардиган, командующий легкой кавалерией.

События: лорд Реглан через капитана Нолэна передал графу Лукану приказ: «Лорд Реглан желает, чтобы кавалерия быстро выдвинулась к линии фронта, преследуя противника, и попыталась воспрепятствовать неприятелю увезти прочь орудия. Отряд конной артиллерии также может присоединиться. Французская кавалерия находится на вашем левом фланге. Немедленно». Граф Лукан отдал приказ легкой кавалерии под командованием графа Кардигана выполнить это указание. В итоге силами легкой кавалерии англичане под огнем русских батарей атаковали хорошо укрепленные позиции в узкой долине вдоль Федюхинских гор и на первом этапе сумели уничтожить артиллерийскую службу. Однако вскоре была организована конная контратака, вынудившая англичан отступить под перекрестным огнем пехоты и артиллерии. В итоге за 20 минут боя из немногим более 600 кавалеристов погибли и попали в плен почти две трети численного состава (365 человек). Британцы потеряли также почти 500 своих лошадей. Свидетель и участник сражения, французский генерал Пьер Боске назвал такое ведение войны «безумием».

Существует версия о том, что капитан Нолэн при передаче приказа должен был устно сообщить «если возможно». Кроме того, капитан Нолэн весьма широким жестом показал предполагаемое направление атаки. В результате английская легкая кавалерия ошибочно атаковала хорошо укрепленные позиции, сумев добиться некоторых результатов только за счет внезапности.

Какую фактологическую информацию включил А.Теннисон в стихотворение?

Место и время атаки, равно как и конкретные участники, не указаны, хотя отдельные детали присутствуют. Автор называет боевую единицу (*the Light Brigade*), некоторые предметы рельефа (*valley*) и их протяженность (*half a league onward*), вооружения (*saber, cannon, shot, shell*) и перифрастическое указание на использование вооружений (*battery-smoke*), военные профессии и подразделения (*man, horse, soldier, army, gunners, Cossacks, the line*), действия кавалеристов (*rode, flashed their sabers, to saber, to charge, broke through the line*). Также автор, по-видимому, цитирует командующего кавалерией «Forward, the Light Brigade! Charge for the guns!», но не называет его, а лишь

указывает при помощи местоимения 3-го л. ед. числа. Сами кавалеристы именуется при помощи субстантивированного числительного *the six hundred* (6 раз), различных местоимений 3-го л. мн. числа (*they* – 7 раз, *them* – 7 раз, *their(s)* – 5 раз), а также существительных, где особый интерес представляет употребление артикля. Так, во второй строфе мы видим единственный случай выделения конкретного военнослужащего (*was there a man dismayed?*), однако уже в следующей строке существительное имеет определенный артикль, выполняющий обобщающую функцию (*the soldier* – не конкретный рядовой, а любой человек, имеющий именно боевой опыт); далее мы видим конкретные существительные с нулевым артиклем (*horse and hero*), своего рода собирательный образ кавалериста.

Мы убеждаемся в том, что для Теннисона основная фактологическая информация не представляет интереса: с одной стороны, все подробности известны, стихотворение написано вскоре после события и соответствующих публикаций в прессе, а с другой – поэт стремится придать событию символический характер. Поэтому в центре его внимания оказывается непосредственная кавалерийская атака.

Так, уже само название стихотворения начинает расставлять акценты и направлять наше внимание именно на траектор, а не на ориентир. Номинативное предложение *The Charge of the Light Brigade* ставит на первое место название процесса, а исполнитель действия оказывается синтаксически подчиненным. Также действие оказывается выдвинутым и в предложениях с инверсией (*Rode the six hundred* – 4 раза, а также *Boldly they rode and well; Right through the line they broke*). Кроме того, стихотворение изобилует предложениями с однородными сказуемыми и различными неличными формами глаголов (инфинитивами и причастиями), именуя не только основные, но и сопровождающие действия.

Помимо действий кавалеристов, стихотворение содержит перечисления действий иных участников событий – российских войск. Даже вооружения действуют как будто по своей воле (*Cannon behind them / Volleyed and thundered*). Наконец, ближе к концу стихотворения появляется метонимия *All the world wondered*, которая с современных позиций может считаться и гиперболой.

Наряду с действиями, стихотворение содержит большое количество обстоятельств места и обстоятельств образа действия – членов предложения, входящих в группу сказуемого (*in the valley of Death* –

3 раза, *the jaws of Death* – 2 раза, *the mouth of hell* – 2 раза), причем эти обстоятельства метафоричны (любопытно, что образность в стихотворении представлена небольшим количеством стилистических приемов, многие из которых несколько раз повторяются). Таким образом, действия и сопровождающие их обстоятельства занимают большую часть стихотворения, создают экспрессивность, выражают оценку: во второй строфе присутствует слово с отрицательной коннотацией *blunder*; ближе к концу стихотворения появляются слова с положительной коннотацией – существительные *hero*, *glory*, прилагательное *noble*, глагол в повелительном наклонении *honour*. При этом большая часть стихотворения посвящена описанию кавалерийской атаки, а последняя строфа расширяет событие до масштабов всей планеты и содержит призыв к соотечественникам сохранить память о героизме, как это и должен сделать поэт-лауреат, выражающий официальную точку зрения.

В стихотворении содержится фактологическая канва, но автор опускает известную читателям-современникам общую информацию и включает в текст такие подробности, которые способствуют драматизации дискурса, выдвигают в фокус основное событие – кавалерийскую атаку, создают у читателя представление о героизме участников, выполняя, тем самым, свою коммуникативную задачу прославления британских вооруженных сил.

Стихотворение Р. Кипплинга «The Last of the Light Brigade» написано 36 лет спустя и принципиально отличается от стихотворения А. Теннисона. Оно ставит своей задачей привлечь внимание к бедственному положению тех самых участников кавалерийской атаки под Балаклавой, которых поэт призывал чувствовать как героев.

Название стихотворения содержит аллюзию на название «The Charge of the Light Brigade», но замена существительного *charge* на прилагательное *last* полностью изменяет фокус в заглавии – в центре внимания – военное подразделение, а субстантивированное прилагательное *last* может иметь дополнительный отрицательный оттенок.

Текст содержит несколько лексических единиц из стихотворения Теннисона: название военного подразделения *The Light Brigade*, военный термин *soldiers*, название оружия *saber*, национальность противника *Russian*, а также аллюзию на строки из Теннисона *We think that someone has blundered* (в первом стихотворении *Not though the soldier knew someone had blundered*), повтор названия стихотворения

Теннисона, «вплетенного» в текст Кипплинга с измененным значением *the charge of the Light Brigade*. Также в стихотворении Кипплинга персонажи говорят о первом стихотворении и о его авторе: *Let us go to the man who writes / The things on Balaclava the kiddies at school recites; the Master-singer who had crowned them all in his song; You wrote o' the Light Brigade, sir. Here's all that isn't dead. / An' it's all come true what you wrote, sir, regardin' the mouth of hell*. О первом стихотворении язвительно пишет и сам Кипплинг в заключительных строках *Our children's children are lisping to «honour the charge they made» / And we leave to the streets and the workhouse the charge of the Light Brigade!*

Однако в целом стихотворение Кипплинга существенным образом отличается от произведения Теннисона – ввиду того, что второй поэт ставил перед собой совершенно иные задачи, для решения которых нужны были другие средства.

С точки зрения фактологической информации в стихотворении описана сама кавалерийская атака. Присутствуют такие военные термины, как *soldiers, the Russian sabers*, в то время как *Balaclava* – географическое название, *troopers* – солдат кавалерии, *Troop-Sergeant* – воинское звание, отсутствуют у Теннисона. Употребляется слово *blundered* (ошибочность атаки была предметом обсуждения и даже расследования) и выражение *the charge of the Light Brigade*. При этом присутствует цитата из стихотворения Теннисона («honour the charge they made»). По-видимому, все эти лексические единицы были необходимы Кипплингу для того, чтобы помочь читателю выстроить ментальное пространство события тридцатишестилетней давности, в которое входит и знание о кавалерийской атаке, и о написанном о ней стихотворении.

Второй уровень фактологической информации представляет собой подлинный рассказ о посещении Теннисона оставшимися в живых участниками кавалерийской атаки – героями его стихотворения. При этом Кипплинг не называет имен – ни поэта, ни военнослужащих. Поэт именуется при помощи перифраза *the man who writes / The things on Balaclava the kiddies at school recites; the Master-singer who had crowned them all in his song*. Военнослужащие называются *twenty broken troopers; shiftless soldiers; a regiment ten-file strong; a desolate little cluster, the last of the Light Brigade; the poor little army; twenty heroes*. При этом видно, что большинство наименований включают отрицательную оценочную лексику, за исключением последнего

сочетания, содержащего положительную коннотацию (*heroes*) и повторяющего слово из последней строфы стихотворения Теннисона. Также Киплинг вводит конкретное действующее лицо – *an old Troop-Sergeant*, который беседует с поэтом и просит его написать продолжение, поскольку оставшиеся в живых герои сражения голодают. Помимо существительных, именующих персонажей, стихотворение Киплинга, как и стихотворение Теннисона, содержит большое количество местоимений 3-го л. мн. числа (*they*). На этом фоне особо выделяется референция в речи главного персонажа *Here's all that isn't dead*, поскольку он использует глагол *to be* в форме 3-го л. ед. числа, который применим к единичным предметам, но не к группе людей. Он таким же образом говорит о себе и своих боевых товарищах, практически отказывая им в праве считаться людьми.

В целом, использование местоимений в стихотворении Киплинга сложнее, чем у Теннисона, что связано с основной целью стихотворения. Однако мы рассмотрим местоимения немного позже.

Стихотворение Киплинга, как и Теннисона, содержит прямую речь. У Теннисона это приказ командира к началу атаки; у Киплинга это диалог, который мог бы состояться между военнослужащими и Теннисоном, причем даны только реплики сержанта; об ответах поэта можно догадаться, потому что скорее всего они представляют собой вежливую беседу между хозяином и гостями. Основная фактологическая и оценочная информация содержится в словах сержанта. Из них явствует, что сержант, скорее всего, относится к низшему социальному слою. Это видно из особенностей его произношения (*beggin' your pardon; an' we thought we'd call an' tell; and couldn't you tell 'em how? o' the fight*) и употребляемой им лексики (*nigh*). Вместе с тем, данный персонаж цитирует строчки из стихотворения Теннисона, хотя не всегда точно и зачастую с грамматическими ошибками (*The things on Balaclava the kiddies at school recites*, где нарушено согласование между подлежащим и сказуемым). Кроме того, он владеет книжной лексикой (просит написать *to be continued* или *see next page*, пользуясь выражениями, которые могут быть встречены либо в журнальных публикациях романов с продолжением или в текстах иных стилей) и даже способен оценить образность в стихотворении (цитирует метафору и проводит параллели между поэтическим описанием и своей жизнью: *An' it's all come true what you wrote, sir, regardin' the mouth of hell*). Более того, он сам прибегает к стилистическому

приему антитезы в своем монологе (*You wrote we were heroes once, sir. Please, write we are starving now*). При этом стилистический прием расположен в сильной позиции – в конце монолога – и является его логичным завершением.

Наряду с диалогом стихотворение Киплинга содержит «переплетенные» элементы повествования и описания. Ввиду этого стихотворение изобилует существительными (*bed, night, food, money* (2), *service, trade, life, art, famine, song, wolf, door, heads, sabers, want*), прилагательными и причастиями (*broken, shiftless, last, long, deathless, little, scarred, lined, grey, keen*), некоторые из которых являются эпитетами (*deathless song*) и метафорами (*keen were the Russian sabers*). Вместе эти средства создают статичную картину, которая передается также глаголами, обозначающими состояние или владение (*were, lacked, had, felt*) или мыслительные процессы (*knew*); глаголы, обозначающие действия, остаются в меньшинстве (*lived, asked, sent*).

Из стилистических ресурсов Киплинг широко использует антитезу (*thirty million English – twenty broken troopers; life fleeting – art long; dying of famine – lived in deathless song; keen the Russian sabers – want was keener*), параллелизм (*they had neither food nor money; they had neither service nor trade*), полисиндетон (*that were scarred and lined and grey; limping and lean and forlorn*), хиазм (*Keen were the Russian sabers, but want was keener than they*), разные модели инверсии (*by the garden gate they stayed; in garments tattered and frayed*).

В дальнейшем на смену синтаксическим средствам приходят лексические: преобладают слова с отрицательной коннотацией (*desolate; tattered and frayed; they shambled; poor; limping and lean and forlorn*; и в последней строфе *babble* вместо нейтрального *talk* в первой; *workhouse*); эпитеты (*deathless song; toil-bowed back; weary shoulders; fatted souls*); метафоры и сравнения (*the heart of the Master-singer grew hot with the ‘scorn of scorn’; the fatted souls of the English were scourged with the thing called Shame; verses that swept the land like flame*). При этом метафоры и сравнения передают преимущественно действия поэта, которого посетили последние оставшиеся в живых участники сражения.

Иные же средства применяются к описанию самих ветеранов. Лексические стилистические приемы также сопровождаются фонетическими приемами (аллитерацией), что дополнительно привлекает к ним внимание. В целом, увеличение количества стилистических

приемов к концу стихотворения в сочетании с усилением отрицательной оценки ведут к нарастанию общей экспрессивности текста, подводя читателя к принятию точки зрения Киплинга. Не случайно поэтому в двух последних строчках поэт использует местоимения *we* и *our*, подчеркивая, что он и читатели – единомышленники.

Употребление личных местоимений последовательно и легко поддается пониманию и интерпретации. В первых шести строфах преобладает местоимение 3-го л. мн. числа *they*, относящееся к участникам сражения. В диалоге между поэтом и сержантом местоимение 1-го л. ед. *we* относится к военнослужащим (собирательно), местоимение 2-го л. *you* указывает на их собеседника. В предпоследней строфе местоимение *they* уже относится к метонимии *fatted souls of the English*, а в последней строфе местоимение *we* уже включает как поэта, так и его единомышленников-читателей. Смена референта для личных местоимений – сигнал об изменении перспективы.

В целом, стихотворение Киплинга изобилует деталями, которые создают картину события и выражают отношение поэта к нему, но исследователями подвергается сомнению сам факт события. Не исключено, что оно было выдуманно автором, и, возможно, именно его нереальность обуславливает столь подробное описание. Наряду с детализацией происходящего необходимо отметить нарастание как общей экспрессивности текста, так и усиление отрицательной оценки, что также позволяет предположить, что именно выражение оценки события было основной коммуникативной задачей поэта.

Итак, сравнительный анализ двух стихотворений показал, что оба поэта не включили в текст стихотворения основную фактологическую информацию о сражении. По-видимому, Теннисон опирался на знания современников о недавно произошедшей битве, а Киплинг писал о событии, которое вошло в общекультурный запас англичан и ввиду этого могло быть активировано при помощи нескольких ключевых концептов.

Оба поэта насыщают текст второстепенными деталями, не обязательно правдивыми или имевшими место в действительности. Критерий выбора – решение определенных коммуникативных задач. Теннисон стремится нарисовать картину военного героизма, а для Киплинга рассказ о событии является отправной точкой для выражения оценки деятельности его современников.

Название поэтического произведения задает выбор типа бинарной оппозиции – динамичных траектора и ориентира (у Теннисона)

и статичных фигуры и фона (у Киплинга). Этот выбор определяет лингвистические средства в тексте. У Теннисона преобладают глаголы и неличные формы глагола, а для Киплинга важнее именные средства (имена существительные и прилагательные), а также лексические стилистические приемы. Однако синтаксические стилистические приемы присутствуют у обоих поэтов, поскольку позволяют акцентировать внимание на отдельных аспектах рассказываемых историй и таким образом решать те или иные коммуникативные задачи.

Представляется интересным применить предложенный алгоритм анализа к другим парным стихотворениям для дальнейшего изучения того, каким образом в поэтическом произведении представление реальных событий сопряжено с раскрытием индивидуального видения мира поэтом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атака легкой бригады. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D1%82%D0%B0%D0%BA%D0%B0_%D0%BB%D1%91%D0%B3%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%B1%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%B0%D0%B4%D1%8B
2. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М. : Наука, 1985. – 336 с.
3. Charge of the Light Brigade. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Charge_of_the_Light_Brigade
4. *Kipling R.* The Last of the Light Brigade. – URL: http://www.kiplingsociety.co.uk/poems_brigade.htm
5. *Papafragou A.* The representation of events in language and cognition // E. Margolis and S. Laurence (Eds.) // *The Conceptual Mind*. – Boston, MA : MIT Press, 2015. – P. 327–346.
6. *Tennyson A.* The Charge of the Light Brigade. – URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poems/detail/45319>

УДК 81'42

Е. В. Белоглазова, Ю. В. Сергаева

Белоглазова Е. В., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории языка и переводоведения, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; e-mail: raemahet@gmail.com

Сергаева Ю. В., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; e-mail: sergaeva@gmail.com

ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ И НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается реализация стратегии лингвокреативности в художественном и научном текстах. Эта стратегия присуща рассматриваемым типам дискурса, но функционирует в них по-разному. В обоих случаях основная цель привлечения стратегии – снижение предсказуемости и повышение информативности текста. Однако реализация стратегии в научном и художественном дискурсах имеет как универсальные черты, так и особенности. Так, научный дискурс демонстрирует особые словотворческие модели; особые функции.

Ключевые слова: лингвокреативность; словотворчество; метафора; фокусирование; событийность, амбигуация.

Beloglazova E. V.

Doctor of Philology, Professor, Department of Theory of Language and Translation, Saint-Petersburg State University of Economics;
e-mail: raemahet@gmail.com

Sergajeva J. V.

Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia; e-mail: sergaeva@gmail.com

LINGUISTIC CREATIVITY IN FICTION AND SCIENCE

The paper deals with the strategy of linguistic creativity in scientific and fictional texts. It is shown that this strategy is present in both types of discourse and is used to reduce predictability and enhance informativity of the texts. In scientific discourse the strategy is realized through specific word-building patterns and has unique functions.

Key words: linguistic creativity; coinage; metaphor; focusing; eventfulness; ambiguation.

Введение

Любому речевому произведению свойственны избыточность и предсказуемость, лежащие в основе таких имманентных свойств текста как когезия, когерентность, ситуативность, воспринимаемость, интертекстуальность, т. е. практически всех стандартов текстуальности, выделенных еще В. Дресслером и Р. де Бограндом [2].

Примером избыточности и предсказуемости текста может служить следующий фрагмент из «Похождений бравого солдата Швейка» – письмо пани Мюллер из концентрационного лагеря, в котором цензура вымарала ненадлежащие куски, остающиеся, тем не менее, на 100% восстановимыми из контекста:

Милая Аннушка!

Нам здесь очень хорошо и все мы здоровы. У соседки по койке сыпной ХХХ, есть и чёрная ХХХ. В остальном же всё в порядке. Еды у нас достаточно и мы собираем на суп картофельную ХХХ. Слышала я, что пан Швейк уже ХХХ, так ты как-нибудь разузнай, где он лежит, чтобы после войны мы могли украсить его могилу. Забыла тебе сказать, что на чердаке в тёмном углу в ящике остался щеночек фокстерьер. Вот уже несколько недель, как он ничего не ел, с той поры, как пришли меня ХХХ. Я думаю, что уже поздно и пёсик уже отдал ХХХ душу¹.

Итак, избыточность – это норма, гарантирующая успешность коммуникации в условиях шумов и помех. В то же время она неизбежно снижает информативность текста и, как следствие, его привлекательность для адресата, заставляя отправителя обращаться к различным стратегиям снижения предсказуемости.

Однако будет ошибочно полагать, что снижение предсказуемости автоматически влечет повышение информативности и привлекательности текста, что прекрасно иллюстрирует пример, приводимый персонажем Стивена Фрая:

Hold the newsreader's nose squarely, waiter, or friendly milk will countermand my trousers².

Можно смело констатировать, что мы имеем неожиданную комбинацию языковых знаков, несущую, тем не менее, смысл, стремящийся к нулю.

¹ Гашек Я. «Похождения бравого солдата Швейка». Глава X [эл. книга].

² Телевизионное шоу «A Bit of Fry & Laurie», BBC. Series 1, Episode 2, 20 January, 1989.

Продуктивными нам видятся два пути решения проблемы излишней предсказуемости текста.

Во-первых, игра с текстотипом, примером которой может служить следующая трансформация прецедентного текста на основе неожиданного текстотипа математической учебной задачи:

Определите, с какой силой варенье действует на лапки мухи, если ее масса составляет 0,5 г. (<http://znaniya.com>)

Во-вторых, насыщение текста непредсказуемыми элементами.

Обе стратегии можно считать проявлениями лингвокреативности в широком ее понимании. Однако в настоящей статье мы сосредоточимся на последней стратегии, которую рассмотрим на материале научного и художественного дискурсов – во многом несопоставимых дискурсивных пространствах, которые одновременно и роднит, и дифференцирует то, как в них функционирует данная речевая стратегия.

Словотворчество в художественном дискурсе

Креативность, в том числе, лингвокреативность, в первую очередь ассоциируются именно с художественной литературой: инновация – то, что отличает «серьезную» литературу от «массовой» [3, с. 83–84].

В значительной степени она вызывается стремлением снизить предсказуемость, гладкость текста за счет эффекта остранения, о чем свидетельствует сравнение черновиков Дж. Джойса с окончательной версией текста романа:

First draft: A glass of O'Connell's famous old Dublin ale.

Final draft: A glass of Danu U'Dunnell's foamous olde Dobbeln ayle.

В то же время словотворчество может быть призвано обогащать текст не только формально, но и содержательно. Как отмечает психолог Дж. Джейнс (J. Janes), «сознание постоянно стремится выстроить элементы в историю, обрамляя события в “до” и “после”»¹.

Так, словотворчество в следующих примерах призвано придать текстам событийность, повышая за счет этого их информативность и фокусируя адресата на действии:

Действие: a hopping of frogs, a leap of leopards.

Действие + местонахождение: a paddling of ducks, a flush of ducks.

Действие/состояние + отношение: a comfort of cats, a glaring of cats, a bask of alligators.

¹ Цит. по: [1].

Подобную лингвокреативную стратегию, призванную дать творческую номинацию различным группам людей, животных и совокупностям предметов, порой именуют «one of the craziest oddities of the English Language» [4].

Лингвокреативная стратегия может стать стратегией текстообразования:

What can we call?

A buddle of pups? A wriggle of pups?

A squirm, a shove, a muddle of pups?

A drowse of pups. A sprawl of pups.

A totally out of this world of pups.

And all gathering the energy to become

A rush, a plunge, a stampede of pups! [6].

Словотворчество в научном дискурсе

Научный дискурс – сфера активного словотворчества; и речь идет не только и не столько о сухих терминах, основанных на заимствовании и словосложении, сколько о собственно креативных единицах, базирующихся на творческом переосмыслении иных понятий.

А. Метонимия:

– Draghi effect: the calming effect of Mario Draghi, the President of the European Central Bank, on global financial markets.

– Fisher effect: economic theory proposed by economist Irving Fisher that describes the relationship between inflation and both real and nominal interest rates (<http://www.investopedia.com>).

Б. Метафора:

1. Антропонимическая метафора:

– Robin Hood Effect: phenomenon where the less well-off gain at the expense of the better-off.

– Yellow knight: company that was once making a takeover attempt but ends up discussing a merger with the target company (желтый – цвет трусости); ср.: White/Gray/Black knight (<http://www.investopedia.com>).

2. Зоометафора:

– Elephants: large institutions that have the funds to make high volumes trades.

– Dead cat bounce: a small, short-lived recovery in the price of a declining security.

– Alligator spread: unprofitable spread that occurs as a result of large commissions charged on the transaction, regardless of favorable market movements.

– Cockroach Theory: when a company reveals bad news to the public, there may be many more related negative events that have yet to be revealed.

– Lion economies: A nickname given to Africa's growing economies, which had a collective GDP of \$1.6 trillion in 2008, close to Russia's or Brazil's.

– Tiger economy: A nickname given to the economies of Southeast Asia. Some of the tigers are Indonesia, Singapore, Malaysia, Thailand, South Korea and China.

– Tortoise economy: An economy that is growing slowly or not at all over time. The classic example of a tortoise economy is the Japanese economy during the Lost Decade in the 1990s.

– Stalking-Horse Bid: an initial bid on a bankrupt company's assets from an interested buyer chosen by the bankrupt company.

– Bear hug: An offer made by one company to buy the shares of another for a much higher per-share price than what that company is worth.

– Butterfly spread: A neutral option strategy combining bull and bear spreads.

– Gorilla: a firm has large control of the pricing and availability of its products, relative to its competitors in the industry.

– Hawk: A policymaker or advisor who is predominantly concerned with interest rates as they relate to fiscal policy.

– Killer bee: An individual or firm that helps a company fend off a takeover attempt (<http://www.investopedia.com>)

3. Литературная метафора (прецедентное имя):

– Mad Hatter: A CEO whose ability to lead a company is highly suspect.

– Goldilocks economy: an economy, which is not so hot that it causes inflation, and not so cold that it causes a recession.

– Leprechaun leader: corporate manager or an executive who is a mischievous and elusive creature said to possess buried treasures of money and gold.

– Jekyll and Hyde: strengths and weaknesses of a company's financial statements (<http://www.investopedia.com>).

Вышеприведенные словотворческие модели являются общими для научного и художественного дискурсов. Отличительной, особой для научного дискурса, является словотворческая модель с буквенными сокращениями, которые могут иметь как метафорическую, так и метонимическую природу.

Буквенные метафоры обычно несут значение «по форме напоминает X»:

J-curve, S-curve, S-wave, V slide – type of diagram reminding in shape of the corresponding letter.

O-sign: evidence of morbidity in that the mouth is wide open in the shape of an “O”.

Q-Sign- Extreme morbidity evidenced by the tongue hanging out in the shape of a “Q”.

См. также U-turn, U-bend, L-angle, T splint, T pipe, T maze, T-bandage, T-screw, T-track, V thread, V weld, X weld, Y-splice, Y-track.

Буквенная метонимия: K-ratio, где *K* восходит к *Lars Kestner* – специалисту по статистике.

Рассмотренные выше случаи можно рассматривать как положительные или семантически-обогащающие, так как словотворчество в них приводит к повышению информативности.

Еще одной отличительной чертой словотворчества в научном дискурсе является использование метафоры с противоположной целью – затемнения или искажения смысла и, соответственно, снижения информативности.

На ненейтральность и необъективность научной метафоры обращали внимание многие исследователи. Так, Р. Авив описывает историю научного познания сознания как последовательность метафор:

In the 1600s, consciousness was like a clock, in perpetual and regular motion. Two hundred years later, when chemistry was the fashionable science, consciousness was a compound structure that could be broken down into its elements—individual sensations and thoughts. By the industrial era, when Freud was beginning to develop his theories of mind, consciousness functioned like a steam engine: when emotional pressure and strain became too great, secret underground forces were recklessly released [1].

С. Сонтаг отмечает: то, что наше мышление не может обойтись без метафор, не значит, что все метафоры хороши; мышление – это интерпретация, но порой это неверная интерпретация [7, с. 5].

Исследовательница описывает распространенную практику трактовать социальные явления в терминах физиологии. Впрочем, обратное тоже возможно, примером чему служит аналогия между клеткой и государством, положенная Вирчоу в основу своей клеточной теории [там же, с. 6–7).

С. Сонтаг исследовала метафорический ореол, окружающий такие болезни, как туберкулез, рак [7] и СПИД [8]. Автор отмечает, что на заре европейской медицины, биологические терминопонятия были заимствованы из области искусства – музыки, археологии. Причем отчасти они были антиэвристичны, как, например, трактовка тела как храма; иные же получали научное развитие (например, метафора ТЕЛО – ФАБРИКА).

К глубоко укорененным в историю метафорам С. Сонтаг относит трактовку тела как крепости, обреченной неизбежно пасть под натиском смерти. От этой аналогии лишь шаг до восприятия болезни как врага, атакующего крепость. Эта метафора зазвучала по-новому, когда современная медицина смогла взглянуть болезням в лицо, рассмотрев истинных врагов – микроорганизмов, давших новую почву образу вторжения, на которое тело реагирует мобилизацией внутренних ресурсов, а медицина – агрессивной терапией.

Яркие примеры этой метафорической стратегии приводит и А. Д. Нейпир:

When faced with a foreign invader, the immune system mounts either of two defenses. One, humoral immunity, involves primary B cells. These white cells recognize a particular antigen, then make antibodies that bind to that molecule. The other depends heavily on T cells... that can destroy tumors and cells infected with viruses and bacteria. These assassins, including natural killer cells, become part of the cell-mediated immune response.

T helper cells are the sergeants that roust T or B cells into action. As helpers form in the thymus, each becomes sensitive to just one antigen trigger. They drift in the bloodstream or hang out in lymph nodes in a “naïve” state until they meet the antigen they were primed to recognize. At that moment, a helper cell’s fate is sealed as either a TH1 or a TH2, or so some researchers think. If it becomes a TH1, the cell then readies cytolytic T cells to do battle, generating the TH1 response. As a TH2 cell, it initiates humoral immunity.

These beneficial assassins can destroy a cell that has been tricked into harboring pathogens where antibodies and TH2 components can’t get at them.” (Pennisi, 1994)¹.

С. Сонтаг заключает, что военные метафоры в медицине приводят к навешиванию ярлыков, в результате же заклеяемыми оказываются не только болезни, но и страдающие от них люди [7, с. 11]. Так, туберкулез совершенно иррационально оказался окружен ореолом

¹Цит. по: [5, с. 358].

возвышенности и романтичности, в то время как СПИД и больные им вызывают в обществе отвращение.

Можно было бы предположить, что более точные науки демонстрируют большую точность и объективность терминологии. Однако анализ экономической терминологии опровергает эту гипотезу.

Мы часто сталкиваемся с непрозрачностью термина-неологизма. В основе такой непрозрачности может лежать расхождение, а то и противоречие между научной и языковой картинами мира, приводящее к оксюморонному эффекту.

Так, именно оксюморонами являются такие формулировки, как *flat curve* (плоская кривая), *zero slope* (нулевой наклон), *voluntary export restraints* (добровольное ограничение экспорта).

К непрозрачности терминологии приводит злоупотребление акронимизацией, отчасти связанной с нежеланием употреблять слова и обороты, вызывающие негативное отношение: *inflation* (инфляция), *recession* (рецессия), *depression* (депрессия), *deflation* (дефляция). Это вызвало к жизни продуктивные аббревиатурные модели: *B-word* (B = bubble), *I-word* (I = inflation), *R-word* (R = recession) и т. д.

В заголовке статьи «The Return of the Dread-I» «I» заменяет *inflation*. Но аббревиатура может менять свое значение в зависимости от контекста, что не сопровождается формальными проявлениями. Так, в других окружениях «I» может соотноситься с *impeachment*, *illegal*, *Islamic*.

Ряд терминов оказываются неточными, т.е. их внутренняя форма направляет интерпретацию по ложному пути.

Неточность термина часто обусловлена нарушением принципа нейтральности. Эмоциональная вовлеченность участников экономических отношений не может не отражаться на языке, где термины развивают прагматические значения, сильно сказывающиеся на их дальнейшей судьбе.

Так, термины, описывающие неблагоприятные ситуации и процессы и вызывающие негативное эмоциональное отношение со стороны экономической общественности, оказываются в положении табу, а на их место приходят эвфемизмы, в которых негативный аспект значения затушевывается или вовсе уходит.

Например, *delayering* подразумевает удаление из структуры компании звена средних менеджеров и имеет прямым следствием увольнение, безработицу. Это негативный аспект значения гораздо менее

очевиден в сменившем его термине – *empowerment* (расширение полномочий менеджеров младшего звена, после увольнения их непосредственного начальства). Здесь также сказывается тот факт, что на деле расширяются не столько полномочия, сколько обязанности.

Downsizing был вытеснен *rightsizing* в виду потенциально депрессивного значения элемента *down*.

На смену *outplacement* пришло *inplacement* (в значении трудоустройство уволенных), хотя первый термин был более точен – ведь имеющиеся в виду люди оказывались вне компании [6].

В логистике употребляется термин *shrinkage* (букв. ‘усадка’, ‘усушка’), вызывающий ассоциации с естественными явлениями уменьшения объема вещества в результате потери влаги и других физических процессов, и скрывающий тот факт, что причиной убытков послужили не физические свойства товара, а «человеческий фактор» – ошибки персонала, воровство.

Неточная терминология, парадоксально, встречается даже в сфере учета, т. е. там, где все должно быть предельно четко. Так, *creative accounting* означает то, что цифры были подделаны для сближения картины действительного с картиной желаемого.

Вывод

Лингвокреативность – многоликая стратегия, призванная в целом снизить предсказуемость текста и таким образом повысить его информативность. Она присуща как художественному, так и научному дискурсу, однако функционирует в них по-разному.

Так, словотворчество в научном дискурсе имеет как универсальные черты, так и особенности, а именно – особые словотворческие модели и особые функции (например, функция амбигуации). В художественном тексте наращение информативности является следствием соотнесения с субъективно переживаемым событием. В научном тексте оно соотносится с объективным понятием. Однако в научном тексте мы также сталкиваемся со случаями соотнесения с необъективным или неопределенным понятием, где снижение предсказуемости не приводит к увеличению информативности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Aviv R. There is Only Awe // n+1 Magazine. – URL: <https://nplusonemag.com/online-only/online-only/there-is-only-awe/>

2. *Beaugrande de R., Dressler W.* Introduction to text linguistics. – London: Longman, 1981. – 270 p.
3. *Eco U.* Interpreting Serials // The Limits of Interpretation. – Indiana University Press, 1990. – P. 83–100.
4. Collective Nouns // Fun with Words. A Celebration of the English Language. – URL: <http://rinkworks.com/words>.
5. *Napier A. D.* Nonsell Help: How Immunology Might Reframe the Enlightenment // Das V. (ed.) Living and Dying in the Contemporary World: A Compendium. – Univer. of California Press, 2016. – P. 354–367.
6. *Ortega C.* What Can We Call Them? // Puppies! – N. Y., 1998.
7. *Resche C.* Equivocal Economic Terms or Terminology Revisited // Meta: Translators' Journal. – Vol. 45. – # 1. – 2000. – P. 617–632.
8. *Sontag S.* AIDS and Its Metaphors. – Farrar: Straus & Giroux, 1989. – 162 p.
9. *Sontag S.* Illness as Metaphor. – Farrar: Straus & Giroux, 1978. – 87 p.

УДК 81(06)(08)

Д. В. Вафина

соискатель кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: mercyinyou@mail.ru

ШУТКА

КАК ПОЛИМОДАЛЬНОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ СОБЫТИЕ

Статья посвящена описанию шутки как полимодального коммуникативного события. В основе производства шутки лежат когнитивные механизмы перспективизации, которые позволяют выявить несколько статусов субъекта перспективы как одного из ее компонентов. Статус субъекта перспективы может совпадать или не совпадать на вербальном и невербальном уровнях, что приводит к построению разных видов перспективы.

Ключевые слова: шутка; перспектива; точка обзора; языковая перспектива; жестовая перспектива; жесты перспективы участника; жесты перспективы наблюдателя; жесты перспективы нарратора; жесты двойной перспективы.

Vafina D. V.

Postgraduate Student, Department of General and Comparative Linguistics,
MSLU; e-mail: mercyinyou@mail.ru

JOKE AS A MULTIMODAL COMMUNICATIVE EVENT

The article describes a joke as a multimodal communicative event. Cognitive mechanisms of perspectivization control the production of a joke and elicit four types of a viewpoint subject as one of its' components. The status of a viewpoint subject may not be the same both on verbal and non-verbal levels, which leads to constructing different types of viewpoint.

Key words: joke; viewpoint; vantage point; linguistic viewpoint; gestural viewpoint; character viewpoint gestures; observer viewpoint gestures; narrator viewpoint gestures; dual viewpoint gestures.

Описание шутки как полимодального коммуникативного события предполагает рассмотрение взаимодействия языковых и неязыковых средств достижения комического эффекта. Традиционно шутка определяется как цельный вербальный текст ограниченного объема с комическим содержанием [5]. Использование шуток особенно характерно для спонтанной речи, когда в режиме реального времени участники коммуникации обмениваются шутливыми репликами, представляя описываемые объекты и ситуации (а иногда и самих себя) с неожиданной точки зрения. В настоящей работе анализируется спонтанная шутка, под которой мы понимаем юмористически или иронически окрашенный фрагмент текста (высказывание), создающий

комический эффект в определенный момент диалогического общения. Спонтанные шутки анализируются на материале интервью из русско- и англоязычных радио-, телепередач и печатных СМИ с известными актерами, режиссерами, музыкантами, политиками и др.

Характерной особенностью включения шутки в спонтанную речь является использование жестов. Жестовый компонент в спонтанной речи добавляет динамичности процессу коммуникации, в котором шутка выступает в роли целостного коммуникативного события. *Коммуникативное событие* – это относительно самостоятельный заверченный фрагмент речевой деятельности, состоящий из цепочки коммуникативных актов и нацеленный на реализацию определенной интенции. В нашем случае спонтанные шутки как коммуникативные события призваны рассмешить коммуникантов – непосредственных участников общения, а также зрителей, слушателей или читателей, выступающих в роли дистанцированных наблюдателей. Таким образом, шутка рассматривается как полимодальное коммуникативное событие, встроенное в более крупный фрагмент устной диалогической речи.

Анализ материала показал, что в основе производства и понимания шутки лежат когнитивные механизмы перспективизации, которые обеспечивают ее встраивание в спонтанный дискурс на вербальном и невербальном уровнях.

В когнитивной лингвистике понятие «перспектива» связано, прежде всего, с вопросами распределения внимания и фокусирования, осуществляемого при помощи языковых и неязыковых средств в любых актах коммуникации [11; 14]. Вслед за О. К. Ирисхановой под перспективизацией мы понимаем дискурсивный процесс конструирования образа объекта с точки зрения коммуниканта, который фокусируется на определенных свойствах данного объекта [2].

В когнитивных исследованиях наряду с субъектом перспективы выделяются такие ее компоненты, как объект, точка обзора, ракурс, масштаб и др. В зависимости от свойств данных компонентов перспектива может быть нескольких видов и реализуется через разные механизмы [11; 14; 1; 4].

В настоящем исследовании мы рассматриваем субъект перспективы, так как полагаем, что параметры, связанные с данным компонентом, определяют характер перспективизации в шутке. К таким параметрам относятся не только фоновые знания и интенции субъекта, но и его отношение к описываемому событию. При этом мы исходим из целесообразности выделения четырех типов субъекта перспективы

в зависимости от позиции субъекта (его физической или ментальной точки обзора) относительно референта. Градация данных типов связано с тем, является ли субъект участником события, свидетелем, рассказчиком / нарратором или же совмещает несколько статусов.

В работе мы следуем идеям Ф. Паррилл, которая отмечает, что перспектива может выстраиваться на трех различных уровнях: концептуальном, языковом и жестовом. Концептуальная перспектива относится к ментальному представлению местоположения говорящего, основанного на визуальном восприятии [13].

Например, говорящий до описания какого-то определенного события, сначала выбирает способ ментального его представления с позиции участника либо с позиции наблюдателя. Затем посредством языковых средств выражает концептуальную перспективу, что приводит к построению языковой перпективы. В работах А. Тверского, Дж. Тейлора, У. Чейфа приводится набор лингвистических средств, которые помогают выстроить ту или иную перспективу. Например, выбор местоимений 3-го л. помогает выразить перспективу наблюдателя события. При этом выбор слов, выражающих определенность и категоричность оценки, способствует построению точки зрения, которая доминирует над остальными, как это происходит, например, в цитируемом далее фрагменте радиопередачи, в котором преобладает перспектива наблюдателя, оценивающего ситуацию (*неглупые люди*) в финальной реплике фрагмента. Передача представляет собой шуточный диалог между ведущими (М. Шацем и Т. Лазаревой) и гостем передачи китаеведом Б. Виноградским:

Ш.: А как будет Татьяна Лазарева по-китайски?

В.: Тха-тха-я-на, это будет четыре иероглифа. Тха-тха-я-на. Ла-дза-лие-фу.

Ш.: О!

В.: Ла-дза-лие-фу.

Ш.: Что значит «фу»?

Л.: Почему «фу»-то вдруг в конце? (обиженно)

В.: А в конце в русской фамилии всегда ставится «фу».

Ш.: А потому что они неглупые люди, а? (смеются).

В последней реплике комический эффект достигается за счет того, что субъект перспективы одновременно занимает позицию двух наблюдателей-китайцев и свою собственную (т. е. ведущего передачи и мужа Т. Лазаревой). Двойная перспектива помогает высветить и связать воедино свойства разных ее объектов: с его точки зрения

«китайцы неглупые»), а с точки зрения китайцев – вполне оправданно сопровождать фамилию междометием, обладающим в русском языке отрицательной коннотацией *фу* (см. рис. 1).

Таким образом, слушатель делает умозаключение о том, что жена оценивается говорящим так же, как и китайцами. В данном примере слияние точек зрения приводит к юмористическому эффекту, поскольку роль наблюдателя, уверенного в осведомленности китайцев о плохом характере жены, кажется неправдоподобной и комичной.

В приводимом далее диалоге из радиопередачи «Подъем» участвуют трое говорящих (С. Доренко, А. Оношко и слушатель), которые относят себя к непосредственным участникам события и выстраивают перспективу с помощью личных местоимений. Они позиционируют себя как автолюбители, которых волнует проблема ручных радаров, применяемых для измерения скорости на дорогах.

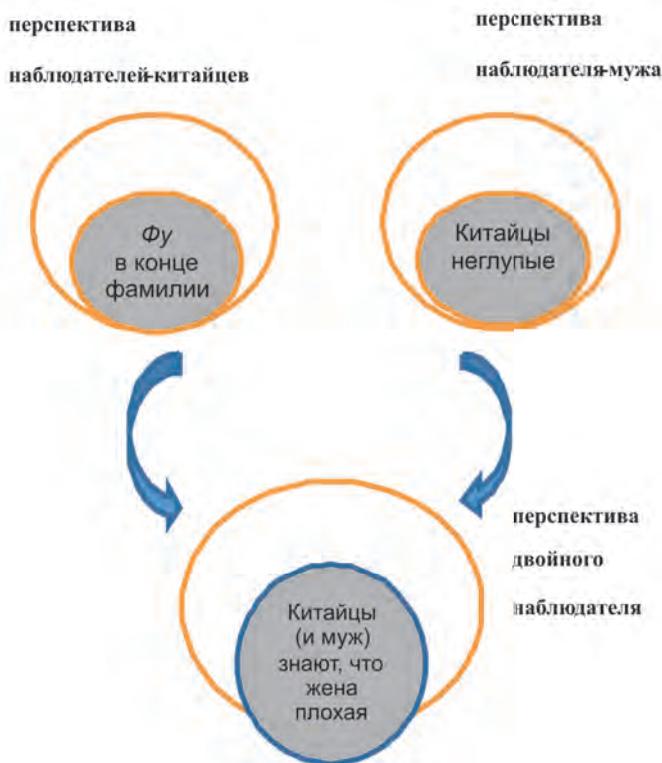

Рис. 1

- Д.: ... Хочу спросить у вас. Вы-то хоть за возвращение ручных радаров на дороги? Алло, здравствуйте!
- С.: Здравствуйте, Сергей! Я тоже за возврат...
- О.: А вы возите наличные с собой или на сбер будете бросать прямо сотруднику?
- С.: Нет-нет, подождите! Тут знаете, в чем дело? Сергей правильно обозначил, что инстинкты, они станут острее, наоборот, на дороге. Так хоть раньше как? Предупреждали, там, помигиванием фарами на дороге, когда куда-то едем, да?
- Д.: Да! Да!
- С.: А теперь мы едем, мы не знаем, где камеры, и мы попадаем...
- Д.: Да! Да! Разобщенность, конечно. Атомизация общества...Мы все по-отдельности...
- С.: И это объединяет нацию, и опять мы будем как бы вместе все и будем предупреждать.
- Д.: Да, да! *Единая преступная группа, конечно!* Спасибо Вам большое! (смеются). *Единая преступная группа!* Да...

В конце беседы С. Доренко меняет точку обзора и начинает рассматривать ситуацию с позиции стороннего наблюдателя. Этот эффект достигается в результате дистанцирования от ситуации и оценки ее участников с точки зрения «третьей стороны» – правоохранительных органов («единая преступная группа»).

Жестовая перспектива также выстраивается в соответствии с определенной точкой обзора и может совпадать или не совпадать с перспективой, выстраиваемой в языковом компоненте. Д. МакНил выделяет в жестовой перспективе две точки обзора: участника события и наблюдателя. Жесты, задействованные в построении первой перспективы, называются жестами перспективы участника (Character Viewpoint Gestures), а жесты, отвечающие за построение второй перспективы – жестами перспективы наблюдателя (Observer Viewpoint Gestures) [12]. Ф. Паррилл добавляет также жесты перспективы нарратора (Narrator Viewpoint Gestures) и жесты двойной перспективы (Dual Viewpoint Gestures) [13].

Как показало наше исследование, указанные виды жестов реализуются в устной речи, содержащей спонтанные шутки. Более того, построение перспективы в данном типе коммуникативного события нередко не совпадает с перспективой, выстраиваемой в жестовом компоненте. Приведем фрагмент из телепередачи «The conversation with Amanda de Cadenet», в котором жестовая и языковая точки зрения

выстраиваются в условиях смены позиции говорящего с нарратора на участника. Ведущая передачи Аманда беседует с Хилари Клинтон о муже (см. рис. 2):

- A.: I was thinking about your husband. And... do you have like rules about not talking shop all the time?
C.: (laughing)
A.: Oh, you don't even need it... (laughing) It's like... *OK, we have twelve hours of this personal time. And that's ours.*
C.: We tried to. We really tried to. We both are interested in the same things. It's not all shop in terms of... oh, what's happening in the election... It's more like "Did you see that real indeed article?" We are constantly talking about the country and the world and what we could do to make a contribution...

Рис. 2

Ведущая с позиции нарратора задает гостье вопрос о муже (*I was thinking about your husband, do you have...*), который в данном событии не участвует и не является свидетелем. Это подтверждается вопросительной формой предложения, что указывает на незнание того, как обстоят дела у интервьюируемой. Аналогичная перспектива выстраивается в жестах. На рисунке 2 мы видим типичный жест-регулятор, который применяется для поддержания и регулирования процесса коммуникации и не отражает информацию, содержащуюся в языковом компоненте.

При помощи данного жеста говорящий хочет привлечь внимание слушающего к новому фрагменту обсуждения, ожидая дальнейшей реакции от собеседника. Однако далее, не дожидаясь ответной реплики,

говорящий решает выбрать неожиданную точку обзора и построить дополнительную перспективу участника события. Выстраивая перспективу участника и приняв на себя роль собеседника, он использует местоимения первого лица для построения языковой перспективы и дейктический жест (указание на время на часах от лица супружеской пары) – для построения жестовой перспективы (см. рис. 3).

Рис. 3

Таким образом, построение языковой и жестовой перспективы ведется с двух разных точек обзора: сначала наблюдателя за событием, затем – участника. Возможность комбинирования двух перспектив в жестах была отмечена в работе Ф. Паррилл и названа исследователем жестами двойной перспективы (Dual Viewpoint Gestures) [13].

Анализ материала показал, что в шутках построение разных перспектив в языке и жестах часто не совпадает. В приводимом далее фрагменте передачи «Белая студия» говорящий (С. Соловьев) вербально конструирует ситуацию с позиции наблюдателя, используя местоимения третьего лица и жесты перспективы наблюдателя (жесты-регуляторы и дейктические жесты, обозначающие расположение людей и предметов в описываемом событии). Далее языковая перспектива наблюдателя сохраняется, но жестовая перспектива строится с позиции участника события. Говорящий использует жесты-иллюстраторы, копирующие игру на фортепиано:

С.: Вы знаете, была абсолютно гениальная сцена. Мы снимали в Ассе 2 в филармонии. А Сережа Шнуров, очень близкий мне друг и интеллигентнейший человек, вот, он пришел, у него не было никаких сцен, он пришел послушать просто. В 3 часа мы закончили. Перешли

через дорогу в гостиницу Европейская и решили выпить по кружке пива. Сели, значит, выпивать пива, после чего, каким образом они оказались за роялем оба, неизвестно – Юрий Абрамович [Башмет] и Сережа Шнуров. И стали играть Шуберта. Стали играть Шуберта в четыре руки. В это время, ну кто мог слушать, кроме меня (смеются). Ну еще, значит, бармен и еще ряд девушек наилегчайшего поведения, которые из-за колон так с таким интересом... *И они вдвоем играли в четыре руки*, после чего Башмет сказал: «Серег, вот здесь переходи в си бемоль», не останавливая игры, и Шнуров ему сказал: «*Юр, вот мне лично, на хрен, не нужен этот си бемоль, но из-за уважения к тебе я перейду*» и перешел (смеются).

3.: Разговор двух интеллигентных людей... (смеются).

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

На рисунках 4 и 5 изображены жесты перспективы наблюдателя, что совпадает с перспективой наблюдателя в языковом компоненте. Жест, представленный на рисунке 4 относится к жестам-регуляторам, которые служат для привлечения внимания слушающего к определенному моменту описываемого события.

Жест на рисунке 5 относится к дейктическим жестам-иллюстраторам, указывающим на конкретные предметы, описываемые в ситуации (бармен, девушки). Однако жест, отображенный на рисунке 6,

является жестом-кинетографом, иллюстрирующим игру на фортепиано, что свидетельствует о смене точки обзора говорящего, который выстраивает жестовую перспективу уже с позиции участника события.

Такое разноплановое выстраивание перспективы в языке и жестах характерно для спонтанного дискурса, когда смена статусов говорящего в вербальном и невербальном компонентах приводит к комическому эффекту в описываемом событии.

В целом, исследование спонтанных шуток в полимодальной коммуникации показало, что комический дискурс реализуется вербальными и жестовыми средствами, причем оба компонента вносят неодинаковый вклад в достижение комического эффекта, который достигается за счет смены перспективы.

При построении перспективы в жестах точка обзора может не совпадать с языковой, что усиливает комический эффект. Вербальные средства (личные имена, местоимения третьего лица, формы глагола прошедшего времени) участвуют в построении перспективы нарратора как отстраненного рассказчика. Жесты-иллюстраторы (кинетографы, пространственные и дейктические жесты), сопровождающие шутовую речь, выстраивают перспективу с позиции участника, непосредственного наблюдателя или того и другого одновременно. В отличие от них, жесты-регуляторы, как правило, поддерживают перспективу нарратора, задаваемую в вербальном компоненте, и привлекают внимание слушающего к фрагменту высказывания, содержащего юмористический элемент.

Таким образом, в шутке как полимодальном коммуникативном событии в зависимости от выбора точки обзора субъектом перспективы выстраивается перспектива разных типов: участника, наблюдателя, нарратора и двойная перспектива. Смена или слияние разных перспектив в устном диалогическом дискурсе создает эффект комического.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 319 с. (Studia philologica).
2. *Ирисханова О. К.* О понятии перспективизации в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. – 2013. – № 15. – С. 43–58.
3. *Женнет Ж.* Повествовательный дискурс // Фигуры. – Т. 2. – 1998. – С. 60–280.

4. *Ржешевская А. А.* Языковые средства построения перспективы в дискурсе конфликта (на материале английской драмы): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2014. – 202 с.
5. *Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 544 с.
6. *Шабес В. Я.* События и текст: Монография. – М.: Высшая Школа, 1989. – 175 с.
7. *Шмид В.* Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
8. *Wal M.* Narratology: Introduction to the Theory of Narrative. – University of Toronto Press, 2009. – 264 p.
9. *Ekman P., Friesen W.* The repertoire of nonverbal behavior: categories, origins, usage, and coding // *Semiotica*. – 1969. – # 1 (1). – P. 49–98.
10. *Kotthoff H.* Irony, quotation, and other forms of staged intertextuality // *Perspective and Perspectivation in Discourse* / C. F. Graumann, W. Kallmeyer (eds). – John Benjamins Publishing Company, 2002. – P. 201–229.
11. *Langacker R. W.* Concept, image and symbol: the cognitive basis of grammar. – Berlin ; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1991. – 383 p.
12. *McNeill D.* Hand and Mind: What gestures reveal about thought. – Chicago: University of Chicago Press. 1992. – 423 p.
13. *Parrill F.* Interactions between discourse status and viewpoint in co-speech gesture // *Viewpoint in language. A multimodal perspective* / B. Dancygier, E. Sweetser (eds). – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012. – P. 97–112.
14. *Talmy L.* Toward a cognitive semantics. – Vol. I: Concept structuring system. – Cambridge: MIT Press, 2000. – 495 p.
15. *Tobin V., Israel M.* Irony as a viewpoint phenomenon // *Viewpoint in language. A multimodal perspective* / B. Dancygier, E. Sweetser (eds). – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012. – P. 25–46.

УДК 18'38

К. В. Голубина

кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры стилистики английского языка, заведующая кафедрой лексикологии факультета английского языка МГЛУ; e-mail: golukseniya@yandex.ru

**УЛЬТРАКОРОТКИЙ РАССКАЗ
КАК ПРОДУКТ МЕЖЖАНРОВОЙ ГИБРИДИЗАЦИИ
(на примере современных американских
ультракоротких рассказов)**

Статья посвящена анализу относительно молодого жанра ультракороткого рассказа с когнитивно-дискурсивных позиций на примере ультракоротких рассказов современных американских писателей. Автор рассматривает жанровый статус ультракороткого рассказа как гибрида, в котором, с одной стороны, объединяются характеристики прозы и поэзии, с другой – прослеживаются черты публицистического дискурса.

Ультракороткие рассказы, отобранные в качестве иллюстративного материала для данной статьи, отличает компрессия, суггестивность, отсутствие развития персонажа или персонажей и отношений между ними, калейдоскоп дискурсивных форм, неожиданная развязка, «моментальность». В статье предпринимается попытка рассмотреть ультракороткие рассказы с позиций (де)фокусирования для уточнения их межжанровых характеристик. Автор обращает особое внимание на авторские стилистические приемы, приобретающие благодаря маленькому объему рассказа особую дискурсивную значимость.

Ключевые слова: ультракороткий рассказ; жанр; гибридикация; когнитивно-дискурсивный; суггестивность; стилистический прием.

Golubina K. V.

Ph.D. (Philology), Professor, Department of English Stylistic, Head of the Department of English Lexicology, Faculty of the English Language, MSLU; e-mail: golukseniya@yandex.ru

**LESS IS MORE: THE AMERICAN SHORT STORY
AS A HYBRID OF SEVERAL GENRES**

The article examines the genre of a short-short story from a cognitive discursive perspective. The author analyses contemporary American short-shorts as genre hybrids that mix prose, verse and publicist discourse.

The short-shorts used in the analysis are brief, compressed, suggestive fictional stories that capture "a moment" of a larger narrative and mostly sketch characters, mix various discourse forms and surprise readers with an open, often ironic ending. In an attempt to better describe the hybridism of short-shorts, the author looks at

the mechanisms of (de)focusing at work in these stories. Novel stylistics devices are given special attention since they gain discursive prominence in short-shorts.

Key words: short-short story; genre; hybridisation; cognitive discursive; suggestive; stylistic device.

Isn't odd how much more one sees in a photograph than in real life?

Вирджиния Вульф о своем увлечении фотографией

В статье предпринята попытка рассмотреть относительно молодой жанр ультракороткого рассказа с точки зрения межжанровой гибридизации. Одной из основных проблем теории жанров является соединение теоретической, идеальной модели типа произведения, его реального воплощения автором и восприятия читателем. В классической теории жанров малые формы изучены достаточно глубоко, однако ультракороткий рассказ стал предметом специального рассмотрения относительно недавно, особенно в связи с ростом популярности этого жанра благодаря возможностям Интернета. Все больше ультракоротких рассказов публикуется и создается специально для интернет-среды, что усложняет и без того непростую задачу жанровой атрибуции текста.

Уточним, что мы используем термин «жанр» с достаточно высокой степенью условности и с осознанием того, что и сам термин, и кроющееся за ним понятие по-разному трактуется исследователями в области теории жанров в России, Европе, Америке, Англии и Австралии. Использование терминов «гибридизация» и «гибридный», по мнению ряда ученых, рассматривающих жанры с социокогнитивных позиций, не отражают сути процесса. Заимствованные из биологии, эти термины, как и обозначаемые ими понятия, подчеркивают внешние характеристики явления и предполагают оппозицию «гибрид – чистая линия», в то время как зарождение, развитие и трансформация жанра требует рассмотрения этого понятия в динамике, с учетом социокультурных и идеологических факторов.

О проблеме жанровой классификации

О сложности жанровой классификации и синкретических формах в литературе написано немало, и было бы преувеличением утверждать, что гибридные формы являются чем-то новым или необычным.

В английском языке, по мнению Р. Фаулера, не существует общепринятого эквивалента для термина «жанр» – термины «вид», «тип», «форма» и «жанр» используются различным образом, что указывает

на некоторую путаницу в теории жанров [10]. Г. фон Вильперт указывает на исторические причины возникновения различных переходных форм (родов и жанров), затрудняющих упорядочение текстов в определенные подвиды. По его мнению, жанровая атрибуция имеет значение только для литературоведения и не влияет на суть литературного произведения [17].

Жанр часто предстает в неразрывной связи с жизненной ситуацией, в которой он функционирует, в частности, с аудиторией. Установка на аудиторию определяет ряд ключевых моментов: объем произведения, его тональность, тематику и композиционную структуру. В жанре также можно увидеть «образ» мира: либо общий, либо индивидуально-авторский. В теории жанров отдельно обсуждается вопрос о соотношении художественной реальности и действительности, в которой находится читатель/зритель. В России новый взгляд на проблему жанра оформился в виде концепции «завершения» у М. М. Бахтина. Напомним, что вслед за М. М. Бахтиным в классической теории под жанром понимают тематически, стилистически и композиционно устойчивый тип высказывания (текста), определяемый спецификой сферы общения [1]. В общих чертах такое понимание жанра прослеживается во многих современных исследованиях.

С возникновением новых жанров (жанровых гибридов) определение данной формы становится еще более затруднительным, особенно если оно базируется на традиционной, не-полимодальной модели «содержание и форма» или на модели «содержание, форма, функциональность» [4, с. 6]. Современные западные исследователи жанра предлагают считать предсказуемость [там же] и воспроизводимость доминирующей характеристикой жанра (ср. с устойчивостью типа высказывания у М. М. Бахтина). Брюс выделяет две категории жанров – социальные, характеризующиеся их общей социальной функцией (личные письма, романы или научные статьи), и когнитивные, выделяемые по их риторической функции [там же].

Рассуждая о жанре, Хаймс определяет его как устойчивые, признанные в определенном культурном контексте категории коммуникации [3]. По мнению Эриксона, приверженца ситуативного подхода, «... жанр – коммуникативный шаблон (паттерн), созданный под непосредственным влиянием индивидуальных, социальных и технологических факторов, которые неявно присутствуют в воспроизводимой коммуникативной ситуации. Жанр структурирует коммуникативный

процесс, создавая «общие» ожидания о форме и содержании общения и таким образом облегчая производство и воспроизводство коммуникации [9]. Ситуативный подход к анализу жанров оказал непосредственное влияние на классическое и виртуальное жанроведение.

Большой интерес вызывает вопрос о размытости, даже исчезновении жанровых границ [8]. Если смотреть на жанры сквозь призму исторического развития и как на зыбкие, нефиксированные системы, то можно создать классификацию не только типов текстов, но и социально-политических контекстов, в рамках которых конструируется дискурс этих текстов. В «Законе жанра» Даррида заявляет, что жанр базируется на «принципе контаминации ... паразитирующей экономии» [6, с. 59], иначе говоря, нарушение закона жанра заключается в самом законе.

По утверждению Грегсона, исследователя постмодернистской европейской литературы, можно рассматривать эту форму «волшебного реализма» как гибридный жанр, поскольку в нем сказка скрещивается с традиционным европейским реалистическим романом [11]. Нюннинг, в свою очередь, пишет о распространении гибридных жанров, в которых факты становятся частью художественного вымысла (так называемые новая журналистика и нехудожественные произведения, псевдоисторические и документальные романы и прочие комбинации) [14].

Стоквелл считает возможным рассматривать жанры с разных точек зрения: социальной, исторической, функциональной, политической, стилистической, с точки зрения авторства или в любых комбинациях [16]. Это предполагает отсутствие системы в терминологии данной области исследований, последовательности и логичности жанровой атрибуции. По этой причине текст можно отнести к разным жанрам в зависимости от того, какие его характеристики – общая тональность, композиционная структура, цель, тип воздействия на читателя или другие – попадают в фокус внимания исследователя [7]. Удивительно, но такой подход к жанру означает, что в реальности, в отличие от теории жанра, предписывающей достаточно жесткие границы и характеристики и рассматривающей жанр как некий контейнер с определенным наполнением, тексты различной принадлежности легче вступают в самые необычные комбинации.

Основные характеристики ультракороткого рассказа

В литературоведении рассказ определяется как малая форма эпической прозы, восходящая к фольклорным жанрам (сказке, притче) и родственная новелле и очерку [2]. В общих чертах рассказ повествует о каком-то одном событии, случае, жизненной ситуации в развернутой и завершенной форме. В коротком рассказе объемом в несколько страниц изложен, как правило, один небольшой сюжет.

Первыми опубликованными англоязычными короткими рассказами в современном понимании являются “The Two Drovers” В. Скотта (1827), “Twice-Told Tales” Н. Гоуторна (1837) и “The Piazza Tales” Мелвилла (1856). В Европе и России расцвет короткого рассказа связан с творчеством А. П. Чехова. Именно глубоко психологический «чеховский рассказ», возникший в противовес так называемому событийному (*event-plot story*), по стилю наиболее близок современному ультракороткому рассказу. Блестящие образцы ультракоротких рассказов можно найти у О’Генри, Э. Хемингуэя, Р. Брэдбери, А. Кларка, У. Уитмана, К. Шопина, С. Моэма и многих других признанных англоязычных писателей.

В русскоязычных исследованиях ультракороткий рассказ фигурирует и под другими названиями – рассказ-миниатюра, маленький рассказ. В англоязычных исследованиях для данной формы используются такие термины, как *short-short (story)*, *sudden fiction*, *new sudden fiction*, *flash fiction*, *prose poem*, *microfiction*, *postcard fiction*, *nanofiction*, *the hundred-word “drabble”*, *skinny story*, *micro tale*, *twitterature* и др. Данные названия не являются синонимами и по мнению ряда исследователей означают разные подвиды ультракороткого рассказа.

Одним из главных критериев выделения жанра ультракороткого рассказа является его объем – от 6 до 2000 слов. Другими характеристиками считаются: нарушение или отступление от традиционной композиционной структуры, неожиданная, ироничная или просто открытая развязка, отсутствие развития персонажа (персонажей) и отношений между ними, повышенная по сравнению с коротким рассказом компрессия и суггестивность, калейдоскоп композиционно-речевых форм, смешение различных жанров вплоть до «поглощения» жанра рассказа иной разновидностью малой формы.

Анализ

В данном разделе статьи представлен фрагмент анализа ультракороткого рассказа «Sparkles» Луизы Эйзер (Louise Yeiser), опубликованного в E-zine в 2007 г.

Sparkles

I remember summers in Cape Cod at my grandmother's cottage, sitting on a stool, watching a white curtain curving, flowing, waving into a sunny room that smelled like cedar and pine, and standing in front of a three-tiered rack of baubles, staring at rows and rows of coloured, flashing birth stones, fashioned into rings and necklaces, each for a dollar. I fell into the bright, endless spectrum of radiant rubies, precious peridots and luscious, lavender amethysts, and I liked it. "Mom, please?" I begged. "No, they're only glass," mom would reply absentmindedly, as she filled her red basket with paper towels, tissues, and Pond's cold cream that felt like Crisco icing on her cheeks at night, offering me no safe landing for a goodnight kiss. Glass or stone, no matter. I wanted the twinkling on my finger, around my neck, so I could sit on my stool and be the magic, and move the sparkle through the sunbeams of the window with the curtain, and turn it this way and that, and continue my forever freefall.

В рассказе всего 6 предложений, 176 слов, но даже в этом маленьком пространстве создается мощный эстетический эффект. Несколько структурно-композиционных форм взаимодействуют друг с другом в рамках трех фреймовых структур – двух пространственных (бабушкин дом и магазин) и третьей, сценарной «ритуал перед сном», в центре которой находится событие «поцелуй (его невозможность) мамы перед сном». При развертывании дискурса данного рассказа в фокус попадает описание чувственного восприятия девочки, рассказчицы от первого лица – восприятие цвета, запаха, характера движения. Восприятие девочкой окружающего мира вербализовано через стилистические приемы эпитета, синестезической метафоры (*luscious, lavender amethysts*), художественного сравнения (*Pond's cold cream that felt like Crisco icing on her cheeks*), параллельных конструкций, повтора ing-форм, градации (*sitting on a stool, watching a white curtain curving, flowing, waving into a sunny room*), указывающей на длительность, текучесть действий, отсутствие временных рамок; и аллитерации (*watching a white curtain; of radiant rubies, precious peridots and luscious, lavender amethysts...; flashing birth stones, fashioned into...*).

Лексические повторы в первом случае глагола *fall* и прилагательного *endless* (*I fell into the bright, endless spectrum*), использованного в переносном значении для образной передачи чувства восхищения девочки, и словосочетания *continue my forever freefall* в заключительном предложении рассказа придает ему оттенок волшебной сказки, у которой отсутствует логическое завершение.

Калейдоскоп композиционно-речевых форм, наличие рассказчика – главного героя, богатство языка и присутствие большого количества авторских стилистических приемов в сочетании с открытой развязкой позволяет причислить это произведение к жанру короткого рассказа (вымысла). Указанные фреймы поддерживаются социально-культурным контекстом: предоставленная себе девочка фантазирует, живет в вымышленном мире, идет за покупками с мамой и мечтает, чтобы та купила ей «блестящие камушки», но сталкивается с прагматичным отказом, ритуал прощания перед сном нарушен. Эти социокультурные контексты позволяют читателю конструировать смысл дискурса, а автору совершать когнитивные «скачки», предельно сжато, «курсивом», представить свой вымышленный мир, полагаясь на общие с читателем знания реальности и жанровых особенностей короткого рассказа.

Вместе с этим привлечение этого социокультурного контекста возвращает нас в реальность, придает рассказу элементы автобиографичности. Данное произведение было размещено в интернет-издании (E-zine), и в соответствии с конвенциями электронной коммуникации читатели могли оставить свой комментарий на веб-странице. Автор первого комментария недвусмысленно классифицировал этот текст как автобиографическую заметку.

Данный пример можно рассматривать с позиции гетероглоссии (М. М. Бахтин) как одновременно художественное и нехудожественное произведение. Это позволяет нам объяснить, почему читатели причисляют его к разным жанрам. На всех уровнях этого крохотного произведения прослеживается контраст – между вымышленным миром героини, ее ожиданиями и внутренней действительностью рассказа, между красочностью описания вымышленного мира героини и нарочитой приземленностью и скупостью описания похода за покупками, между ожиданиями читателя и эстетическим эффектом произведения, между конвенциональными характеристиками короткого рассказа и особенностями конкретного текста.

По мнению О.К.Ирисхановой, нарративное дефокусирование в новелле приводит к интересным трансформациям фабулы и поддерживается на лексико-семантическом и синтаксическом уровнях [2]. Как показало наше небольшое исследование, в ультракоротком рассказе неаддитивные стратегии дефокусирования, работая на очень маленьком «физическом» объеме текста, приводят к самым неожиданным результатам. Из-за отсутствия полноценного сюжета становится труднее проследить фабульно-сюжетные трансформации, они уступают место игре языковых форм. По нашим наблюдениям, одной из наиболее любопытных особенностей ультракороткого рассказа является жанровая «мимикрия», при которой привычные, ожидаемые характеристики жанра уходят на второй план, а на первое место выдвигаются неожиданные, характерные для других жанров черты.

В отличие от своего предшественника – короткого рассказа XIX и XX вв. – ультракороткий рассказ нарушает привычные жанровые границы и объединяется с другими жанрами как устного, так и письменного дискурса. Анализ примеров показал, что можно выделить несколько гибридных форм, в которых ультракороткий рассказ маскируется под анекдот, заголовок массмедийной статьи, часто скандального, сенсационного характера, загадку, басню, стихотворение, дневниковую запись автобиографического характера, а также новые интернет жанры блога, личной странички, My Space, YouTube и некоторых других. Смешанная форма определенно влияет на отбор содержания произведения, на то, что попадает в фокус в авторском отображении действительности, и то, как читатель на этой основе конструирует смысл дискурса ультракороткого рассказа.

Isn't odd how much more one sees in a short-short than in real life?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблемы речевых жанров // Собр. соч.: в 7 т. – М. : Русские словари, 1996. – Т. 5. – С. 159–206.
2. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 319 с.
3. Щитицина Л. Ю. Дигитальные жанры: проблема дифференциации и критерии описания // Коммуникация и конструирование социальных реальностей: сб. науч. ст. – Ч. 1. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2006. – С. 377–378.
4. Vateman J. A. Multimodality and genre: A foundation for the systematic analysis of multimodal documents. – London : Palgrave Macmillan, 2008. – 196 p.

5. *Biber D., Conrad S.* Register, Genre, and Style. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 354 p.
6. *Derrida J., Ronell A.* “The Law of Genre.” *Critical Inquiry*. – Vol. 7. – # 1, On Narrative (Autumn, 1980). – P. 55–81 Published by: The University of Chicago Press Stable. – URL: <http://www.jstor.org/stable/1343176>
7. *Devitt A. J.* Writing Genres. – Carbondale, IL: Southern Illinois UP. – 2008, 242 p.
8. *Duff D.* “Key Concepts.” *Modern Genre Theory* / Ed. David Duff. – Harlow: Longman, 2000. – 287 p.
9. *Erickson T.* Social Interaction on the Net: Virtual Community as Participatory Genre. Proceedings of the Thirtieth Annual Hawaii International Conference on Systems Sciences (ed. R. Sprague), IEEE Press, 1997. – URL: http://faculty.washington.edu/farkas/TC510-Fall2011/EricksonSocialInteractionOnNet_VC_As_Genre.pdf
10. *Fowler R.* A Dictionary of Literary Terms. – London ; N. Y. : Routledge, 2006. – 262 p.
11. *Gregson I.* Postmodern Literature. – London : Arnold, 2004. – 192 p.
12. *Guimarães J. F. N.* (ebook). The Short-Short Story. A New Literary Genre. – Strategic Book Publishing & Rights Agency, 2012. – 709 p.
13. *Hutcheon L.* A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction. – N. Y. [a.o.]: Routledge, 1988. – 284 p.
14. *Nünning A.* Mapping the Field of Hybrid New Genres in the Contemporary Novel: A Critique of Lars Ole Sauerberg, Fact into Fiction and a Survey of Other Recent Approaches to the Relationship between ‘Fact’ and ‘Fiction’. *Orbis Litterarum*. – 48.3, 1993. – P. 281–305.
15. *Shepard R., Thomas J.* (Editors). New Sudden Fiction: Short-Short Stories from America and Beyond, Norton & Company, Incorporated, W. W. – 2007. – 320 p.
16. *Stockwell P.* Cognitive Poetics. – London–N. Y. : Routledge, 2002. – 193 p.
17. *Wilpert G. von.* Sachwörterbuch der Literatur. – Stuttgart : Alfred Kroner, 1989. – 1054 S.

УДК 81-13, 81-37, 81-42

И. А. Гусейнова

доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка переводческого факультета МГЛУ; e-mail: ginnap@mail.ru

РАЗВОРОТ К АРХАИКЕ, ИЛИ К ВОПРОСУ О МЕСТЕ И РОЛИ РЕТРОСОБЫТИЯ В ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена малоизученному с позиций лингвистических теорий феномену *ретро*, который рассматривается нами как один из способов реализации архаики в литературном дискурсе. Существенную роль в визуализации ретро играет событие, вербализуемое преимущественно при помощи прецедентных единиц и вышедших из употребления слов. Ретрособытие нередко транслирует профессиональное или социально значимое знание, осмысление которого требует когнитивных усилий со стороны читателя. Ретро является специфическим кодом, структурирующим пространство текста.

Ключевые слова: ретро; ретродетектив; архаика; жанр; дискурс; событие; адаптация.

Guseynova I. A.

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of the German Language, Faculty of the Translation and Interpreting, MSLU;
e-mail: ginnap@mail.ru

THE RETURN TO THE ARCHAIC: ON THE ROLE OF A RETRO EVENT IN LITERARY DISCOURSE

The paper discusses the phenomenon of retro, which has been understudied in linguistics so far. In this research it is viewed as a means of representing the archaic in the literary discourse. An important role in visualizing retro is played by an event usually verbalized by precedent units or words that are no longer in use. A retro event often represents knowledge of professional or social significance, thus its understanding requires a cognitive effort on the part of the reader. The core idea is that retro is a special code that structures the textual space.

Key words: retro; retro crime fiction; archaic element; genre; discourse; event; adaptation.

Введение

Анализ современного ретродетектива с жанроведческих позиций показывает, что сегодня насчитывается около 40 известных отечественных авторов, которые работают в этом жанре. Данная цифра свидетельствует о динамичном развитии данного направления

в литературном дискурсе и его перспективности. На сегодняшний день интенсивно ведется разработка типологии детективного жанра, что подтверждает регулярное возникновение новых детективных серий, а также их дальнейшая популяризация в жанрах телесериала, документально-архивных расследований и т. п. Сегодня принято различать психологический, иронический, фантастический, политический, шпионский, исторический и другие виды детектива.

Далее остановимся на дискурсивной характеристике ретродетектива, напомним, что компонент «ретро» служит обозначению всего старинного, воспроизводящего старину или прошлое. Отметим также, что в научной литературе отечественные детективные произведения причисляются к ретродетективу в том случае, если описываемое в них действие происходит на территории России до революции 1917 г.

Дискурсивно-аналитическая характеристика компонента «ретро»

Анализ современных отечественных детективов свидетельствует о том, что они обладают рядом преимуществ, которые обеспечивают им их жанровую жизнеспособность. Во-первых, они в любой момент при соответствующем подходе и наличии инновационных технологий могут быть трансформированы в тот формат, который наиболее полно отвечает предпочтениям и вкусам целевой аудитории. Во-вторых, жанровые характеристики обеспечивают требуемые изменения оптимальным образом, поскольку жанр обладает творческим потенциалом, который может быть раскрыт в различных типах сред. В-третьих, феномен «событие», визуализируется при помощи определенного, довольно ограниченного, репертуара языковых средств.

В контексте вышесказанного можно утверждать, что компонент «ретро» находится на пути к освоению культурного пространства книжного рынка. Обращение к историческому прошлому, воссоздание атмосферы в стиле ретро способствует привлечению внимания к культурной составляющей современной жизни, а также к формированию как индивидуальных жизненных пространств, так и культурного пространства целых социумов, предлагая многочисленные варианты обустройства среды обитания в мегаполисе и за его пределами. Ретро позволяет современному человеку оценить события прошлого, понять истоки настоящего, проинтерпретировать современность и оказать влияние на формирование гуманитарного пространства. Отметим то

немаловажное обстоятельство, что предпочтение отдается доступным источникам, которые можно найти либо в семейной библиотеке, либо в наиболее распространенных информационно-коммуникационных ресурсах. В этом свете ретродетективы являются теми ресурсами, которые отвечают критериям доступности и, таким образом, источниками информации. Ретро позволяет обычному человеку превратиться в творца – создателя социального и виртуального пространств, пребывание в котором доставит ему удовольствие и позволит сохранить культурную преемственность, выступающую связующим звеном с будущими поколениями. Ретро предполагает привлечение различных источников, имеющих отношение к прошлому и, как ни парадоксально это звучит, к будущему. Дело в том, что фантастические сюжеты часто выстраиваются на исторических фактах, выдуманных или реальных событиях, основанных на сакральных, мифологических или сказочных сюжетах. В этом смысле ретро формирует культурное наследие любого национально-культурного сообщества.

В контексте сказанного выше особое звучание приобретает лозунг Оруэлла о том, что «кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, управляет прошлым» [6, с. 16]. *Современное* или *настоящее* сегодня призвано дать ответ как минимум двум вызовам – постмодернизму и информатизации.

Напомним, что постмодернистский вызов предполагает пересмотр традиционных ценностных и философских систем. Применительно к компоненту «ретро» данное положение, усиленное лингвистическими воззрениями, приводит к тому, что прошлое можно трактовать не как историческое событие, а как роман (например, ретродетектив, научно-фантастический роман и т. п.). Кроме того, исторический компонент в ретродетективе не может быть подвергнут в силу их специфики верификации. С точки зрения любой науки этот факт свидетельствует о наличии некоторого субъективного начала, поскольку исторические события в хрониках или летописях и иных исторических документах пишутся людьми, нередко со слов других людей – представителей своего этносоциума и определенной эпохи.

Информатизация, в свою очередь, обеспечивает человеку доступ фактически к любым данным – как проверенным, так и нуждающимся в дополнительной проверке. Каждый читатель или пользователь виртуальной Сети имеет возможность выбрать ту информацию, которая является для него наиболее приемлемой. В результате множественной

интерпретации компонент «ретро» приобретает свойства, характерные художественному вымыслу, отдаваясь от реального историко-культурного контекста. Для придания достоверности ретро автор апеллирует к фонду энциклопедических и мифологических знаний, поддерживая таким образом баланс между прошлым и настоящим, исторической правдой и вымыслом.

Компонент «ретро», находясь на стыке информационного и развлекательного подхода, в результате интеллектуальных усилий автора превращается в некий гибрид, который может быть причислен в широком смысле к индустрии инфотейнмента. Но «чтобы развлечение было качественным, кто-то все равно должен “откопать” в архивах интересные факты, написать научные книги, на основе которых потом будут созданы мифы, легенды, исторические реконструкции» [6, с. 16]. В центре внимания читателя ретродетектива оказывается история повседневной жизни главного героя или эволюция сознания основного персонажа, помещенные в определенные экстремальные ситуации, типичные для описываемой исторической эпохи. Так, без претензии на строгую научную или историческую достоверность автор предоставляет любознательному читателю знакомство с прошлым, позволяя ему создавать воображаемые миры и конструировать целые ментальные пространства.

Возросший интерес ученых к компоненту «ретро» во многом обусловлен функциями современной литературы, направленной на осуществление **когнитивно-прагматического** воздействия. Ретро вбирает в себя феномены, которые являются знаковыми для национально-культурного общества. В подтверждение данного тезиса приведем конкретные примеры, символизирующие эпоху или, уже, время, в котором разворачиваются **события**.

Для привлечения внимания массового читателя к событию нужен **неожиданный ход**. Для его осуществления среди многого другого используются и **прецедентные единицы** [2, с. 16], которые в анализируемых нами текстах нередко функционируют в виде прецедентных феноменов или, в более узком смысле, в виде **прецедентных имен**. Для анализа ретродетектива существенным является тот факт, что прецедентные имена способны образовывать референциальную цепочку, а также формировать ассоциативные ряды у читателя, обеспечивающие в ретродетективе преемственность между прошлым и современностью.

Использование прецедентных единиц встречается у разных авторов данного жанра. Например, главным действующим лицом в ретродетективе Н. Филатова «Последний выстрел камергера» [5] является Федор Иванович Тютчев, известный широкому кругу читателей скорее как поэт, поэт-переводчик, благодаря которому в XIX в. российский читатель смог познакомиться с произведениями известных немецких классиков – Г. Гейне и другими. Культурно-просветительская деятельность Ф. И. Тютчева открыла русскому читателю зарубежные книжные новинки, а зарубежный читатель благодаря эссе и статьям Ф. И. Тютчева, опубликованным в германской и французской прессе, узнавал о культурных, политических и экономических событиях в России. Однако из упомянутого романа российский, т. е. современный читатель, одновременно узнает, что Ф. И. Тютчев был также блестящим дипломатом, выполнявшим различные сверхштатные поручения по линии иностранного ведомства. Ср.:

Действительно, в Мюнхене Федор Тютчев оказался исключительно благодаря протекции давнего друга семьи, однорукого ветерана наполеоновских войн графа Александра Ивановича Остермана-Толстого. Приглядевшись к молодому губернскому секретарю, только что поступившему в иностранное ведомство, граф порекомендовал его на должность сверхштатного чиновника русской миссии при баварском дворе [5, с. 42].

Второй способ воссоздания события мы условно обозначим термином «вкрапление». Знание о быте и исторических фактах «вкрапливается» в основное повествование, что позволяет постепенно познавать культурно-исторический фон. Например, в одном из диалогов главного персонажа с извозчиком речь идет о наименовании улицы:

«Чертольской поедем? – буркнул наконец. Какая тебе Чертольская, свет? Нет больше Чертольской, – вразумил Семейка. – А есть Пречистенка. Государь ей так зваться указал. – Отродясь на Москве прозвания улицам не меняли, – возразил извозчик. – Было Чертолье и будет Чертолье. Стало быть, государь на богомолье в Новодевичий поедет, к Пречистой Смоленской Богоматери, а все по дороге будут непристойно черта поминать? – спросил Семейка. – Гляди, притянут тебя в Земской приказ, свет! Там-то научат, что улица *Пречистенкой* зовется!» [3, с. 122].

Из ретродетективов можно почерпнуть много полезной информации, касающейся бытового обустройства, например Москвы, включенного в основную сюжетную линию. Ср.:

Московские дома строились на один лад. Может, у кого из богатых бояр и князей и были диковинки – мебель из Польши, расписанные звездами потолки, немецкие часы весом в полпуда, с серебряными болванами и с боем, а обустройство простого человека было конюхам знакомо досконально. Они старательно обыскали и подклет, и верхнее жилье, и горенку, и чуланы, и по клетям прошли... [3, с. 350].

Напомним, что словом «подклет» обозначали нижний – цокольный или полуподвальный этаж жилища горожанина, к которому вел отдельный ход, и который служил преимущественно для хозяйственных нужд. Одновременно отметим, что традиция расписывать потолки звездами сейчас в моде, равно как и приобретение иностранной мебели. Эти факты также служат поддержанию связи между прошлым и настоящим, удерживая читателя на стыке реального и фикционального миров.

Третий способ, позволяющий воссоздать прошлое, – это использование **вышедших из употребления слов**. Нередко автор ретродетектива при описании внешности персонажа обращается к **эпитетам**, либо вышедшим из активного употребления, либо имеющим узкую сферу их применения. Ср.:

Бывший агент был одет в белую коленкоровую рубашу с косым воротом и дымчатые плисовые штаны [1, с. 124–125].

Данный прием используется также при описании бытовых деталей, например предметов мебели или интерьера. Ср.:

Извините за беспорядок, господа, – сказал Евгений Александрович сдавленным голосом и опустил на фаевую козетку, стоявшую возле буфета, – вовсе не уместный здесь предмет мебелировки [1, с. 77–78].

Не каждый читатель вспомнит, что под коленкором понимается тонкая хлопчатобумажная ткань или бумажное полотно, которое было в ходу в середине и конце XIX в., а фэй – это плотная ткань с мелкими поперечными рубчиками, однако использование данных лексем служит читателю сигналом того, что **событие** разворачивается не сейчас, а в прошлом. Автор ретродетектива не утомляет читателя нагромождением слов, смысл которых может быть ясен не всем, но он дает комментарий, уточняющий назначение, например, *козетки*, ср. «вовсе не уместный здесь **предмет мебелировки**».

Четвертый способ вербализации связан с презентацией профессионально значимого знания. Например, из ретродетектива можно

почерпнуть информацию, обрисовывающую круг задач или занятий институции – организации или учреждения. Например, в XVII в. Приказу тайных дел вменялось выполнять разные «забавные» идеи государя, как-то: *вести дневальную книгу, где каждый день делать записи о погоде; «озаботили также подъячных надзором за изготовлением лекарств, что казалось нелепицей лишь на первый взгляд: те, кто вернулся с польской войны, рассказывали, как в тех краях научились травить ядами неугодных людишек»* [4, с. 6].

Заключение

Вопрос, поставленный в заглавии к данной статье, заключает возможный ответ, побуждающий к дискуссии и дальнейшему анализу феномена «ретро»: архаика как ключевой элемент, вобравший в себя черты и свойства прошлого, позволяет путем вербализации компонента «ретро» осуществить плавный переход из прошлого в настоящее и даже будущее. Архаика, реализуемая в *ретро*, размывает границы между столетиями, обеспечивая «текучесть» знания и возможность его перехода из одной эпохи в другую, из одного исторического события в другое, оставляя при этом современным читателям и авторам место для фантазий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилин В. Четвертая жертва сирени. – СПб.: Амфора, 2016. – 383 с. – Серия «Ретродетектив».
2. Моисеенко Л. В. Лингвокогнитивные основы теории прецедентности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2015. – 52 с.
3. Трускиновская Д. Деревянная грамота. – СПб.: Амфора, 2016. – 446 с.
4. Трускиновская Д. Персидский джид. – СПб.: Амфора, 2016. – 447 с.
5. Филатов Н. Последний выстрел камергера. – СПб.: Амфора, 2016. – 319 с. – Серия «Ретродетектив».
6. Филошкин А. Мы ее теряем? Вызовы науке истории в XX веке // Литературная газета. – № 17 (6551), 27 апреля – 3 мая 2016 г. – С. 16.

УДК 811.11

В. А. Денисова

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ; аспирант Свободного Университета Амстердама; e-mail: denisova_valeriya@bk.ru

ВЛИЯНИЕ ТИПОВ ЖЕСТОВ НА ВЫРАЖЕНИЕ ПРЕДЕЛЬНОСТИ СОБЫТИЯ¹

В статье рассмотрены жестовые параметры, передающие категорию аспекта в полимодальной коммуникации. Анализ, проведенный на материале русского языка, показывает, как жестовые схемы предельности применяются на практике, а также в каких типах жестов обнаруживается соответствие между жестовыми схемами предельности и вербальным выражением глагольной категории аспекта.

Ключевые слова: типы жестов; репрезентативные жесты; событие; полимодальность; исследование жестов.

Denisova V. A.

Postgraduate Student, Department of General and Comparative Linguistics, MSLU, VU Amsterdam; e-mail: denisova_valeriya@bk.ru

HOW GESTURES TYPES INFLUENCE THE EXPRESSION OF EVENT BOUNDARIES

The paper focuses on the gesture parameters that express the category of aspect in multimodal communication. The analysis of Russian oral narratives reveals how boundary schemas in gestures can be used in practice and in what kinds of gesture the correlation between boundary schemas and verbal expression of the category of aspect can be found.

Key words: gesture types; representational gestures; events; multimodality; gesture studies.

Жесты, сопровождающие речь, все чаще привлекают внимание современных лингвистов. Роль жестов в коммуникации сложно переоценить: с их помощью мы передаем и получаем информацию, а иногда полностью заменяем ими слова. Их многообразие может поставить исследователя в затруднительное положение, так как не всегда легко определить функцию и тип жеста, описать его форму, а также выявить, какие его параметры связаны с той или иной лингвистической категорией.

¹Исследование выполнено в МГЛУ при поддержке РФФ (№ 14-48-00067).

В XX в. появилось немало работ, посвященных классификации жестов по различным параметрам. Одной из наиболее важных является классификация А. Кендона, основанная на понятии конвенциональности. А. Кендон в одной из своих работ описал различные типы жестов, позже Д. МакНил опубликовал свою интерпретацию этой классификации, которую назвал «континуум Кендона» [4; 8].

По мнению Д. МакНила, у самой низкой отметки на шкале континуума конвенциональности находится *жестикуляция*, или спонтанные жесты, сопровождающие речь. Они используются носителями всех исследованных языков для различных целей, например, выделения наиболее важной информации, более подробного описания предмета или указания направления движения [8]. Далее следуют *жесты, заменяющие речь*, которые, в отличие от первых, не синхронизированы с речью, а занимают свое место в предложении наравне со словами, т. е. говорящий может заменить жестом некоторые слова, например, «вверх», «вниз», «направо», «налево» [там же].

Выше на шкале конвенциональности находятся *жесты-эмблемы*, которые имеют стандартное значение. Нередко они связаны с культурой, как, например, кивок головой, который у носителей русской культуры означает согласие, в то время как в Болгарии имеет противоположное значение [8].

Следующая категория включает в себя *пантомиму* – историю, рассказанную с помощью жестов.

И, наконец, крайней точкой континуума являются *жесты языков глухих*. Они имеют свою грамматическую структуру и организованы с учетом синтаксических особенностей предложения [там же].

Континуум Кендона описывает все существующие жесты, которые может воспроизводить говорящий. Наше исследование посвящено спонтанным жестам, которые, в свою очередь, делятся на подтипы. Наиболее известной типологией таких жестов является классификация Д. МакНила.

Среди спонтанных жестов исследователь выделяет *иллюстративные* и *неиллюстративные*. Иллюстративные жесты имеют, прежде всего, репрезентативную функцию, т. е. с их помощью наглядно изображаются события и предметы, о которых идет речь. К ним Д. МакНил относит *иконические* и *метафорические* жесты [8].

Иконические жесты по форме и манере движения напрямую связаны с описываемым событием. Примером такого жеста может служить резкое хватательное движение, синхронизированное с фразой

«вытащил его из машины»). Как отмечает С. Кита, в иконических жестах наблюдается высокая степень изоморфизма между формой жеста и тем, что передается с его помощью [5].

Метафорические жесты обычно передают абстрактные идеи. Д. МакНил приводит следующий пример: говорящий произносит фразу «это был мультфильм о Сильвестре и Твити» и при этом держит ладони друг напротив друга. Создается впечатление, что в руках у него коробка, т. е. в данном случае жанр мультфильма представлен в виде контейнера [8].

Как иконические, так и метафорические жесты выполняют в коммуникации репрезентативную функцию. К. Мюллер выделяет четыре типа репрезентации в жестах. Первый тип, *рисунок*, проявляется, когда говорящий чертит в воздухе предмет, о котором идет речь. Второй тип, *форма*, связан с формой руки, т. е. говорящий может, например, сложить руки в форме горы. При третьем типе, который носит название *игра*, говорящий сам изображает некое действие, например, открытие двери. Применяя четвертый тип, *собственно репрезентацию*, говорящий может использовать, например, ладонь, чтобы изобразить поверхность стола, лист бумаги или книгу [9].

К неиллюстративным Д. МакНил относит *дейктические* и *ритмические* жесты [8]. Дейктические, или указательные, жесты представляют собой указание на некий объект, точку в пространстве или во времени. Они часто изучаются в контексте детской коммуникации, в которой являются важным элементом передачи информации [3; 6].

Ритмические жесты, в свою очередь, передают ритм речи, также с их помощью можно дополнительно подчеркнуть важную информацию. В последние годы исследователи отмечают, что ритмические жесты могут частично передавать семантику события. Так, например, Д. Яп и Д. Казасанто, изучая семантику ритмических жестов, провели интересный эксперимент¹. Испытуемым было предложено прочесть историю и пересказать ее собеседнику так, как будто эти события произошли с ними. В содержании каждой истории был элемент, связанный с движением вниз или вверх. В одних историях движение выражено буквально («самолет взлетел»), в других – метафорически (цены упали). В третьем типе историй содержание не предполагало прямой связи с движением в пространстве (оценки улучшились).

¹ Yap D. F., Casasanto D. Semantics of beat gestures // Paper presented at the 7th annual conference of the International Society for Gesture Studies. – Paris, 2016.

Однако подобные события метафорически представлялись как движение вверх или вниз. Результаты исследования показали, что направление жестов испытуемых отображало направление движения, о котором шла речь в рассказе, т. е. в случаях, когда речь шла, например, о падении цены, жесты имели направление сверху вниз.

Таким образом, классификация Д. МакНила применима к широкому диапазону жестов, выполняющих различные функции в зависимости от контекста.

На первом этапе нашего исследования были приняты во внимание все типы спонтанных жестов, на втором – отдельно рассмотрены репрезентативные жесты. В рамках исследования также было проанализировано 10 видеозаписей диалогов с элементами монолога около 10 минут каждая¹.

В нашем эксперименте испытуемым было предложено рассказывать друг другу истории из своей жизни на определенные темы. Сначала в качестве подготовительной фазы участники говорили о своем любимом месте, городе или стране. Далее следовала основная часть эксперимента, в которой участникам предъявлялся первый блок тем, предполагающих рассказы о некоем длительном событии: о бюрократической волоките, трудностях при заказе еды в ресторане в другой стране, сложностях при засыпании, о том, как они помогали другу или шли к поставленной цели и т. д. После рассказов по выбранным из первого блока темам участники эксперимента переходили ко второму блоку, в котором речь шла о внезапных событиях. Говорящим предлагалось рассказать о том, как они стали свидетелями аварии, победы на спортивном мероприятии, акта доброты, странного события, ссоры или чего-то неожиданного.

Записанные на видеокамеру диалоги были проанализированы в программе ELAN. В данной программе были созданы примечания к видеозаписям о времени и виде употребляемых глаголов, а также характеристиках синхронизированных с ними жестов. Для описания характера жестов мы использовали жестовые схемы предельности / неопределенности, выделенные К. Мюллер [10]. Идея предельности в данном случае связана с наличием энергетического импульса в жесте. Так, предельные жесты содержат один или несколько энергетических импульсов, в то время как неопределенные жесты являются плавными или циклическими.

¹ Модель впервые была использована А. Ченки, Р. Беккером и др. [2].

На первом этапе мы рассматривали все жесты, синхронизированные во времени с глаголами, кроме адапторов, т. е. кроме тех, когда говорящие, например, поправляли одежду или волосы.

Наша гипотеза основывалась на теоретическом положении о том, что глаголы совершенного вида, выражающие предельные события, предполагают наличие границ в описываемом событии, в то время как глаголы несовершенного вида, выражающие неопредельные события, – их отсутствие [1; 7; 11]. Мы предположили, что предельные жестовые схемы, имеющие четкий энергетический импульс, будут соотноситься с глаголами совершенного вида. И, соответственно, неопредельные жестовые схемы, которые представляют собой плавные движения, – с глаголами несовершенного вида.

Нами было обнаружено 302 глагола, синхронизированных с жестами, 61 % которых составляли глаголы несовершенного вида и 39 % – глаголы совершенного вида. Рассмотрев характер жестов, которые сопровождали эти глаголы, мы получили следующие результаты: 122 глагола совершенного вида и 180 глаголов несовершенного вида были синхронизированы с жестами; 60 % глаголов несовершенного вида и 62 % глаголов совершенного вида использовались с предельными жестовыми схемами (см. рис. 1).

Таким образом, результаты подтверждают наше предположение о том, что большая часть глаголов совершенного вида соответствует предельным жестовым схемам, однако употребление глаголов несовершенного вида с жестовыми схемами противоречит нашей гипотезе.

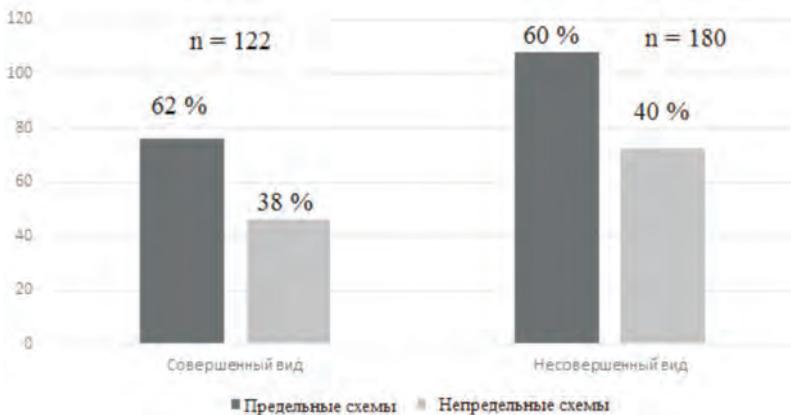

Рис. 1

Более подробный анализ материала показывает, что причины несоответствия можно объяснить некоторыми особенностями жестов: а именно, их тенденцией к взаимному уподоблению и функциональным типом жеста. Было замечено, что жесты, следующие друг за другом, часто имеют схожие схемы, т. е. за предельным жестом обычно следует еще один предельный, вне зависимости от глагола. Подобное употребление жестов показывает, что, с одной стороны, они имеют тенденцию к уподоблению, а с другой – можно предположить, что говорящий представляет некоторые события как единые макрособытия, которые он видит либо предельными, либо непредельными.

Еще один параметр, который следует учитывать при подобном анализе, – функциональный тип жеста. Предельность событий, так же как и категория аспекта, неразрывно связана не только с грамматическими параметрами, но и с семантикой глагола, поэтому следует принимать во внимание жесты, передающие семантику описываемого события.

Неиллюстративные жесты, дейктические и ритмические, не передают в полной мере семантику глагола. Согласно исследованиям Д. Ф. Япа и Д. Казасанто [12], ритмические жесты могут передавать ее частично, но, в целом, форма жеста и семантика события не являются изоморфными. Более того, ритмические жесты по характеру всегда являются предельными вне зависимости от семантики синхронизированного с ними во времени слова, так как в них присутствует энергетический импульс.

Иллюстративные жесты выполняют репрезентативную функцию и, соответственно, существует прямая связь между подобным жестом и речью. Для рассмотрения схем предельности / непредельности на материале жестов, имеющих репрезентативную функцию, мы провели второй этап исследования. Для этого было выделено три типа жестов. К первому мы отнесли все нерепрезентативные жесты. Ко второму – жесты, синхронизированные во времени с глаголом и передающие его семантику. Так, например, глагол *протягивает* во фразе *протягивает шарик вот этому маленькому ребенку* был синхронизирован с жестом, иллюстрирующим данное действие (см. рис. 2). Ко второму типу также относятся репрезентативные жесты, синхронизированные с глаголом, но передающие семантику предшествующего или следующего за ним слова, например глагол во фразе *поднимались*

Рис. 2

Рис. 3

в гору был синхронизирован с жестом, при котором говорящий рисует в воздухе очертание горы (см. рис. 3).

Мы предположили, что жесты, передающие семантику существительного, могут не соответствовать схемам предельности, несмотря на то, что во времени они синхронизированы с глаголом. А репрезентативные жесты, передающие семантику глагола, должны в большинстве случаев соответствовать выделенным жестовым схемам.

Результаты проведенного анализа показывают, что при рассмотрении репрезентативных жестов, которые иллюстрируют глагол, в большинстве случаев наблюдается соответствие по схемам предельности (см. рис. 4). Также было обнаружено 34 спонтанных жеста, синхронизированных с глаголом и иллюстрирующих предшествующее или последующее имя существительное. В большинстве случаев (62 %) подобные жесты не соответствовали выделенным схемам предельности.

Таким образом, при рассмотрении предельности события, выражаемой аспектуальными формами глагола в сочетании с жестами, следует обращаться к глагольной семантике. Проведенный анализ показывает, что в репрезентативных жестах, передающих значение синхронизированного с ними глагола, чаще присутствует связь с видом глагола: при употреблении глагола совершенного вида в жесте присутствует один или несколько энергетических импульсов, в то время как жесты, синхронизированные с глаголами несовершенного вида преимущественно плавные или циклические. Подобный результат позволяет говорить о том, что в русском языке категория аспекта

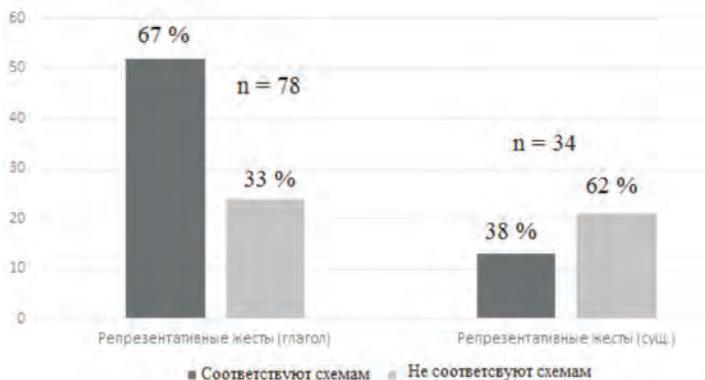

Рис. 4

имеет не только грамматическую, но и семантическую составляющую, являясь лексико-грамматической категорией.

В то же время в ряде случаев соответствие между жестовыми схемами и предельностью события обнаружено не было. Одной из причин подобного несоответствия является тенденция жестов к взаимному уподоблению, вследствие которого схожие жестовые схемы часто повторяются. Также следует отметить, что многие события в нашем корпусе являются комплексными, что осложняет определение их характеристик. В связи с этим в дальнейших исследованиях представляется важным учитывать особенности подобных событий в их сочетании со спонтанными жестами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 840 с.
2. Becker R. et al. Speech and gesture // Proceedings of GESPIN 2011: Gesture and speech in interaction / ed. C. Kirchof. – 2011. – 5 p.
3. Butterworth G. Pointing is the royal road to language for babies // Pointing: Where language, culture, and cognition meet / ed. S. Kita, 2003. – Mahwah, NJ: Erlbaum. – P. 9–33.
4. Kendon A. Gesture: visible action as utterance. – N. Y. : Cambridge University Press, 2004. – 400 p.
5. Kita S. How representational gestures help speaking // Language and Gesture / Ed. David McNeill, 2000. – Cambridge : Cambridge University Press. – P. 162–185.

6. *Liszkowski U., Carpenter M., Tomasello M.* Reference and attitude in infant pointing // *Journal of Child Language*. – 2007. – № 34. – P. 1–20.
7. *Lyons J.* *Semantics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977. – Vol. 2. – 897 p.
8. *McNeil D.* *Hand and mind: What gestures reveal about thought*. – Chicago: University of Chicago Press, 2004. – 416 p.
9. *Müller C.* Iconicity and gesture // *Oralité et gestualité : Communication multimodale et interaction* / eds. Serge Santi et al. – Montreal ; Paris: L'Harmattan, 1998. – P. 321–328.
10. *Müller C.* *Beredete Hände. Theorie und Sprachvergleich redebegleitender Gesten // Körperbewegungen und ihre Bedeutungen* / eds. Thomas Noll and Caroline Schmauser. – Berlin: Berlin Verlag, 1998. – P. 21–44.
11. *Smith C.* *The Parameter of Aspect*. – Dordrecht : Kluwer Academic, 1997. – 349 p.

УДК 81'33

В. И. Заботкина

доктор филологических наук, профессор, проректор по международному сотрудничеству РГГУ, руководитель НОЦ когнитивных программ и технологий; e-mail: zabotkina@rggu.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОБЫТИЙ В МЕНТАЛЬНЫХ МОДЕЛЯХ И ДИСКУРСЕ

В статье анализируется репрезентация событий в рамках дихотомии «ментальные модели – дискурс». Процесс конструирования ментальных моделей событий представлен двумя фазами: мультимодального восприятия события (доконцептуальный этап) и конструирования новой модели события. В качестве материала для анализа выступает дискурс, описывающий события культурной жизни. Ментальные модели данного типа событий представляют собой сложные многомерные структуры представления интегрированного знания.

Ключевые слова: события; ментальные модели; дискурс; репрезентация.

Zabotkina V. I.

Doctor of Philology, Professor, Vice-Rector for International Cooperations of the Russian State University for Humanities, Director of the Centre of Cognitive Programs and Technologies; e-mail: zabotkina@rggu.ru

EVENT REPRESENTATION IN MENTAL MODELS AND DISCOURSE

The paper concentrates on the analysis of event representation within the dichotomy “mental models – discourse”. The process of construing mental models of a particular event is analysed in two stages: multimodal perception of events (non-conceptual stage); construing a new event model stored in a short-term memory. The emphases are on the cultural events mental models, which present multidimensional, integrated knowledge structures.

Key words: event; mental models; discourse; representation.

Проблема репрезентации событий восходит своими корнями к философии античности. Концепт события рассматривался философами в связи с «причинностью», как понятием, лежащим в основе действия. Попытки изучения репрезентации событий были также предприняты в рамках лингвистики и психологии. Особое значение данный концепт приобрел в связи с появлением когнитивной мегапарадигмы.

Как известно, ментальная репрезентация – ключевое понятие когнитивной науки, относящееся как к самому процессу представления (репрезентации) мира в уме человека, так и к единице подобного представления [8].

Несмотря на предпринятые попытки анализа репрезентации событий в лингвистике [18; 19; 23; 17], вплоть до последнего времени эта проблема не получила адекватного освещения из-за того, что рассмотрению подвергались изолированные аспекты данного феномена. Необходимо объединить и синтезировать эти попытки, представив более глобальную картину функционирования репрезентаций событий в еще большем разнообразии их форм и типов [8].

Именно такая цель преследуется в данной публикации, в которой репрезентация событий будет представлена с точки зрения когнитивной лингвистики, когнитивной психологии, искусственного интеллекта, философии, нейронаук.

Мы рассматриваем когнитивную науку как многомерную систему интеграции различных уровней, в которой выделяем две оси: вертикальную и горизонтальную. По вертикали можно выстроить различные уровни интеграции отдельных дисциплин, концептуальных доменов:

- локальная интеграция на уровне отдельно взятой области знания (например, когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике) (Е. С. Кубрякова и ее школа);
- на уровне кластера наук (например, интеграция между отдельными дисциплинами в рамках наук гуманитарного профиля – когнитивная социология, история);
- взаимодействия кластеров наук (т. е. синтеза гуманитарного и естественно-научного знания).

На всех уровнях интеграции действуют междисциплинарные стратегии:

- *методологическая* – методы двух наук дают принципиально новую методологию, которая не является результатом простого сложения существующих методов;
- *эмпирическая* – исследователи из различных областей наук в основном совместно собирают научные данные, а затем всесторонне их анализируют;
- *теоретическая* – происходит синтез новых теорий и/или моделей.

Иными словами, по вертикали происходит интеграция отдельных дисциплин, концептуальных доменов, а по горизонтали – в зависимости

от различных типов знания: теоретического, эмпирического и методологического.

Таким образом, когнитивная наука представляет собой интеграцию интеграции. Главное в этой структуре – интеграция полученного знания и взаимодействие между уровнями. Поэтому любая проблема должна быть рассмотрена силами и методами отдельной дисциплины когнитивного цикла, и в результате получено новое интегрированное знание. Именно исходя из данной многоуровневой структуры и будет решаться проблема репрезентации событий с позиции когнитивной науки.

Рассмотрим процесс репрезентации событий в рамках дихотомии «ментальные модели – дискурс». Заметим, что в большинстве случаев в теории формализованных когнитивных рассуждений (как части теории искусственного интеллекта) событие рассматривалось как атомарная неделимая сущность. Событие случилось, и о том, что оно произошло, мы судим по внешним по отношению к самому событию явлениям, которые данным событием инициированы. Внутренняя структура события, как правило, в рамках формальной системы не рассматривалась. Например, в работе М.Георгефа, Д.Морли и А.Рао [20] события помещаются в рамки ситуационной семантики. В работах Дж.Барвайса и Дж.Пери [14; 15] события понимаются как сущности, которые переводят одну ситуацию в другую. Фактически, событие отождествляется с парой ситуаций: первый элемент пары – ситуация, которая была до события, второй элемент – ситуация, которая образовалась после него. Понятно, что внутренняя структура события при таком подходе не исследуется [2].

В других работах события представлены более детально [12]. В них они могут иметь начало и конец и длиться некоторое время. Кроме того, вводятся операции, позволяющие комбинировать события, составлять сложные из простых. Однако и в этих работах элементарное событие сводится просто к изменению значения некоторого параметра. Разумеется, технология, описанная в вышеуказанных работах, вполне работоспособна и может использоваться в прикладных системах. Однако те задачи, которые мы хотели бы поставить перед человеком, занятым поиском закономерностей в окружающем его мире, таким образом не решаются [2].

Сведения о событии человек получает как непосредственно из контакта с реальным миром, так и из дискурса. При этом основное

средство передачи информации – это повествовательное предложение. Здесь нам представляется уместным напомнить общеизвестную модель семантики предложений Ч. Филмора «Дело о падеже» [18].

Рассмотрим процесс репрезентации событий на примере явлений культуры. Как указывалось в наших предыдущих работах [5; 6], мы рассматриваем триаду «явления культуры – ментальные модели – дискурс», исходя из идеи В. Н. Телия о взаимосвязи культуры и ментальных структур: «Культура семиотически бытует в человеке в виде ментальных структур знакового тела, отражающих артефакты» [11, с. 680]. Иными словами, знания о культуре хранятся в ментальных моделях, которые не являются точными копиями артефактов реального мира. Человек активно конструирует ментальные модели на основе: а) восприятия; б) индивидуального субъективного опыта [1]; в) уже существующих моделей; г) общего социокультурного знания [8; 16].

Мы ментально организуем постоянный «поток сознания», сегментируя жизнь на последовательности ментальных моделей, репрезентирующих отдельные эпизоды и события нашей деятельности. Данные эпизоды и их модели являются динамичными по своей природе. Меняются место, время, участники, цели и вид деятельности [27].

Ментальные модели «языковятся», в терминах Е. Ф. Тарасова «овнешняются» при помощи языковых средств [9; 10] (ср. с идеей Г. Гийома о том, что «язык овеществляет ментальное» [4, с. 71]¹).

Вопрос о взаимоотношении культуры, когниции (знания) и реального мира рассматривается также в рамках когнитивной антропологии, которая основывается, в основном, на теориях и методах когнитивной психологии и когнитивной лингвистики. Когнитивная антропология занимается изучением концептуальных систем через лингвистические выражения (репрезентации) в различных языках и культурных контекстах. Из последних публикаций в этой области стоит упомянуть монографию под редакцией Д. Кроненфельда [22].

Как указывалось выше, мы рассматриваем триаду «явления культуры – ментальные модели – дискурс». Ментальные модели отражают явления культуры на первичном уровне репрезентации, в то время как дискурс репрезентирует мир/явления культуры посредством языка (вторичный уровень репрезентации). Рассмотрим последовательно эти уровни.

¹Цит. по: [7, с. 92].

Анализ ментальных моделей неизбежно предполагает рассмотрение вопроса о том, как происходит взаимодействие между существующим знанием и новым знанием о мире. В соответствии с Г. Пиаже [24], новая информация (знание) интегрируется в существующие ассимилирующие схемы (модели). Если возникает конфликт между новым и существующим знанием, происходит аккомодация (приспособление) имеющейся схемы (модели) к новому знанию. Эта структурная аккомодация ведет к появлению новых фигуративных концептов. Рассмотрим последовательно этапы конструирования ментальных моделей события.

Первый этап. Мультиmodalное восприятие событий (доконцептуальный этап). На данном этапе модели телесны и мультиmodalны и включают в себя зрение, слух, осязание и осознание нашего тела [21; 26].

Прямой, мультиmodalный, опыт, вовлеченный в восприятие события, составляет только начальную, базовую, в основном подсознательную и доконцептуальную часть процесса конструирования ментальной модели, которая определяет наше осознанное понимание события [13; 25; 16].

Второй этап. Конструирование новой модели события, которая хранится в краткосрочной памяти по аналогии с существующими ментальными моделями, хранящимися в долгосрочной памяти.

Ментальная модель события может быть представлена в виде фрейма/скрипта, включающего в себя следующие компоненты:

- пространственные и временные параметры;
- участники/агенты;
- причина;
- действие;
- цели, задачи;
- отношения между участниками/субъектами события;
- эффект.

Анализируя репрезентации событий культуры, мы убеждаемся, что ментальные модели культурных событий более сложны по структуре и представляют собой многомерные, интегрированные репрезентации знаний.

Ментальная модель события культуры включает в себя следующие компоненты:

- эффект;

- инструмент (музыкальные инструменты, голос, кисть и т. д.);
- пространственные и временные параметры;
- участники / агенты;
- причина;
- действие;
- цели, задачи;
- отношения между участниками / субъектами события.

Главный элемент модели культурного события – «эффект», который включает в себя эстетические, эмоциональные и ассоциативные компоненты. Профилирование компонента «эффект» происходит в модели культурного события.

В ментальной модели культурного события в категории «участники» наблюдается асимметрия в дихотомии «создатель – зритель»: на одного или нескольких создателей произведений культуры, артефакта или события приходится несколько тысяч наблюдателей / зрителей. Анализ данной асимметрии будет представлен ниже.

Далее мы рассматриваем взаимосвязь между репрезентацией культурных событий в ментальных моделях и дискурсе. Здесь мы пытаемся ответить на вопрос о том, как знание о культурном событии, представленное в ментальной модели, выражается в дискурсе.

Для вербальной репрезентации событий в дискурсе существует множество различных языковых инструментов: лексикон, грамматические времена, событийная фразеология и т. д. Мы полагаем, что существует корреляция между схемами, определяющими ментальные модели события, и схемами, лежащими в основе построения дискурса (ср. с мнением Т. ван Дейка о том, что интенциональная роль ментальных моделей для производства дискурса заключается в том, что пользователи языком способны соотнести дискурс и его значение с событиями реального мира, которые он репрезентирует) [16].

Мы сконцентрируемся на анализе дискурса, содержащего лексику, репрезентирующую новые направления в искусстве (как вид культурного события).

В последние десятилетия среди новых форм искусства выделяются:

- концептуальное (process art, antiform art, impossible art) – это форма искусства, где работы отражают идею или понятие в сознании художника во время процесса написания картины;
- компьютерное (цифровое искусство);

– минимализм (minimalism, rejected art, reductivism, ABC art) – вид искусства, при котором происходит редуцирование формы, цвета и т. д. до простых базовых элементов;

– кинетическое (kinetic art) – искусство, отражающее движущиеся объекты;

– люминистское (luminist art) – форма искусства, при которой используется проектирование цветного электронного освещения для создания изображений, движущихся образов, мигающих объектов и т. д.

Можно также упомянуть такие известные всем виды искусства, как оп-арт (op art), поп-арт (pop art), софт арт (soft art).

Рассмотрим два отрывка из журналов *Time* и *Americana Annual*, передающих концепт люминистское/люминальное искусство:

(1) The new luminal art has suddenly emerged as both international and popular. A record 42,000 visitors showed up when Kansas City's Nelson Gallery staged a month-long "Sound Light Silence" show last November»;

(2) Although interest in kinetic and luminist art remained high there was a reaction against the technologically elaborate and sensation-rich work of recent years. Many artists turned to projects designed to give subtle aesthetic experiences devoid of sophisticated engineering or aggressive electronics.

Как видно из приведенного отрывка (1), все компоненты ментальных моделей культурного события репрезентированы в полной мере в дискурсе, описывающем события. На первый план выдвигается категория участников, где эксплицитно выражена асимметрия дихотомии «создатель – зритель». В тексте ссылаются на 42 тыс. зрителей, присутствующих на данном событии.

В отрывке (2) наблюдается профилирование компонента «эффект»: отрицательный эмоциональный эффект эксплицитно выражен через прилагательное *aggressive*.

Таким образом, культурное событие:

- происходит;
- наблюдается и воспринимается (мультимодально);
- репрезентируется в ментальных моделях;
- репрезентируется в дискурсе;
- вызывает эмоциональные переживания и воспоминания.

Из вышесказанного следует вывод о необходимости создания в рамках когнитивной лингвокультурологии междисциплинарного

подхода, который позволил бы проанализировать способы получения знания, его выражения, хранения в ментальных моделях, его использования и передачи в различных типах дискурса, в различных ситуациях общения, в различных сообществах и культурах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анохин К. В.* Когнитом: в поисках общей теории когнитивной науки // Шестая междунар. конф. по когнитивной науке: тез. докл. / под общ. ред. Б. Величковского, В. Рубцова, Д. Ушакова, Калининград, 27–27 июня 2014 г. – Калининград ; Литва: Standartu Spaustuve, 2014. – С. 26–28. – URL: www.conf.cogsci.ru; www.cogsci.ru
2. *Анишаков О., Гергей Т.* Представление событий в теории формализованных когнитивных рассуждений / Репрезентация событий: интегрированный подход с позиций когнитивных наук: Коллективная монография. – М.: Языки славянской культуры, 2016. (*в печати*)
3. *Выготский Л. С.* Собр. соч.: в 6 т. – М.: Педагогика, 1982–1984. – 488 с.
4. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики / общ. ред., послесл. и коммент. Л. М. Скрединой. – М.: Прогресс, 1992. – 224 с.
5. *Заботкина В. И.* Слово и смысл. – М.: РГГУ, 2014. – 428 с.
6. *Заботкина В. И., Боярская Е. Л.* Роль прайминга в разрешении полисемии // Когнитивные исследования языка. – Вып. IX: Взаимодействие когнитивных и языковых структур: сб. науч. тр. – М.; Тамбов: Институт языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2011. – С. 70–77.
7. *Красных В. В.* Роль и функции языка как объект современных интегративных исследований (психолингвистический, лингвокультурологический, психолингвокультурологический и комплексный общегуманитарный подходы) // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 2. – С. 90–97.
8. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
9. *Тарасов Е. Ф.* Введение // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Институт языкознания РАН, 1993. – С. 6–15.
10. *Тарасов Е. Ф.* Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. – 2004, № 2. – С. 34–47.
11. *Телия В. Н.* Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков-микротекстов // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 674–684.
12. *Artikis A., Skarlatidis A., Portet F., Paliouras G.* Logic-based event recognition // Knowledge Eng. Review. – 2012. – 27(4). – P. 469– 506.
13. *Audi R.* Epistemology: a contemporary introduction to the theory of knowledge, 3rd ed. – N. Y.: Routledge, 2010. – 432 p.

14. *Barwise J., Perry J.* Situations and Attitudes. – Cambridge : Massachusetts, MIT Press, 1983. – 352 p.
15. *Barwise J.* The Situation in Logic (CSLI Lecture Notes No 17). – Stanford, 1989. – P. 322.
16. *Dijk T.A. van.* Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach. – Cambridge : Cambridge University Press, 2014. – 407 p.
17. *Evans V. & Green M.* Cognitive Linguistics: An Introduction. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. – 256 p.
18. *Fillmore Ch. J.* The Case for Case // E. Bach and R.T. Harms (eds) Universals in Linguistic Theory. – London: Holt, Rinehart and Winston, 1968. – P. 1–25.
19. *Fillmore Ch. J.* Frame semantics // Linguistics in the Morning Calm. – Hanshin, Seoul : Linguistics Society of Korea, 1982. – P. 111–138.
20. *Georgeff M., Morley D., Rao A.* Events and processes in situation semantics // Situation Theory and Its Application. – Vol. 3 (CSLI Lecture Notes # 37). – Stanford, 1993. – P. 119–140.
21. *Glenberg A.M. Robertson D.A.* Indexical understanding of instructions // Discourse processes 1/1. – Taylor & Francis Group, 1991. – P. 1–26.
22. *Kronenfeld D. B. et al.* (ed.) A Companion to Cognitive Anthropology. – Chichester, West Sussex ; Malden, MA : Wiley-Blackwell, 2011. – 607 p.
23. *Pederson E.* Linguistic Relativity” // The Oxford Handbook of Linguistic Analysis / Bernd Heine and Heiko Narrog (eds.). – Oxford : Oxford University Press, 2010. – P. 733–752.
24. *Piaget J.* La Psychologie de l’Intelligence. – P.: Librairie Armand Colin, 1947. – 204 p.
25. *Raftopolous A.* Cognition and perception. – Cambridge : MA : MIT Press, 2009. – 448 p.
26. *Varela F. J., Thompson E., Rosch E.* The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience. – Cambridge (MA) : The MIT Press, 1991. – 328 p.
27. *Zacks J. M., Swallow K. M.* Event Segmentation // Current Directions in Psychological Science. – 2007. – # 16 (2). – P. 80–84.

УДК 811.111 Англ

А. Г. Захарова

аспирант кафедры лексикологии факультета английского языка МГЛУ;
преподаватель кафедры английского языка №1 МГИМО МИД России;
e-mail: anastasiya_1147@mail.ru

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ *ROBIN HOOD* КАК СОБЫТИЙНЫЙ ФРЕЙМ

В центре внимания статьи находятся события, репрезентируемые прецедентным именем *Robin Hood* и его дериватами, представленными в форме фреймовых моделей как схем, служащих для описания знаний, хранящихся в сознании человека. Задача статьи – объяснить гибкость человеческого мышления на основе производных, образованных от прецедентного имени, показать, как конструируются новые значения и концепты, и определить, какие когнитивные процессы лежат в основе этого процесса.

Ключевые слова: событие; прецедентное имя; фрейм; слот; (де)фокусирование.

Zakharova A. G.

Postgraduate Student, Department of English Lexicology, Faculty of the English Language, MSLU; Lecturer, English Language Department № 1, MGIMO;
e-mail: anastasiya_1147@mail.ru

PRECEDENT NAME OF ROBIN HOOD AS AN EVENT FRAME

The article discusses events which are represented by the precedent name Robin Hood and its derivatives conceptualized as frame models serving to describe knowledge stored in the mind of a person. The aim of the article is to foreground the flexibility of human mind on the basis of derivatives from precedent names. Furthermore, one of the tasks is to show which cognitive processes underlie the emergence of new concepts and meanings.

Key words: event; precedent name; frame; slot; (de)focusing.

В современной науке *событие* является одним из самых исследуемых и широко применяемых понятий. Его можно рассматривать, как минимум, с трех точек зрения: философской, психологической и лингвистической. Считается, что именно философия стала первой разрабатывать и изучать это понятие. Термин связывают с именем выдающегося философа М. Хайдеггера, который одним из первых попытался осмыслить и описать категорию «со-бытие» [10]. В своей работе «Закон тождества» М. Хайдеггер уточняет, что слово «событие» (Ereignis) выросло из органичности языка. Оно означает лишь то, что мы называем «случай» или «происшествие». То, что им обозначается,

имеет место как единичное, единственное [13]. Событие, происходя всего лишь однажды, становится частью бытия индивидуума. Это род первоначального различения, предшествующий бытию, длительность, в которой бытие становится тем, что оно есть [12].

На почве такого глобального определения выросло новое понимание события уже в другой науке – психологии. Здесь выделяют события рутинные, повторяющиеся каждый день, и необычные, значительные, влияющие на жизнь человека [6]. Вопрос отношения между восприятием вещей и восприятием событий всегда играл значительную роль в исследовании процессов восприятия в психологии [14]. В последнее время акцент ставится на изучение перцептивной репрезентации события, в том числе то, как лингвистическое кодирование события влияет на его восприятие человеком. Кроме того, психологами активно изучается распределение внимания при развертывании события, то, как долго и какие его элементы могут удерживаться в центре внимания человека одновременно.

Важно отметить, что в лингвистике нет унифицированного определения термина «событие». Так, Н. Д. Арутюнова полагает, что событие – это вежа, а иногда и поворотный пункт на жизненном пути. Его нельзя не заметить. События, в отличие от действий, поступков рассматриваются как нечто, происходящее спонтанно, независимое или не полностью зависящее от воли человека. События всегда личностны и социальны, то есть они не только происходят в жизни людей, но в них должны принимать участие люди. Можно заключить, что события обладают тройкой локализацией: они локализованы в некоторой человеческой сфере, определяющей систему отношений, в которую входят; они происходят в некоторое время и имеют место в некотором реальном пространстве [1]. Эта точка зрения пересекается с позицией Н. А. Самойленко, которая считает, что события – это результаты какого-то действия, изменение положения дел, акты, связанные в реальном времени и пространстве [11].

Многие исследователи рассматривают понятие «событие» в оппозиции с понятием «ситуация». Например, О. Н. Дубровская полагает, что уточнение содержания понятия «события» в научных текстах происходит при включении его в систему «ситуация – событие – факт». Ссылаясь на теорию когнитивных моделей Т. ван Дейка, О. Н. Дубровская заключает, что ситуация состоит из действий и событий. Она создает некий фон, является контекстом, в котором реализуется событие.

По окончании события мы можем анализировать его «извне». Если мы говорим о ситуации, то всегда находимся как бы «внутри» нее. Кроме того, событие отличает от ситуации его обязательная темпоральная ограниченность [5].

Устойчивый интерес к проблеме события и событийности сохраняется у когнитивных лингвистов. События часто концептуализируются как аналоги объектов, хотя эта аналогия неполная. Так же как и у объектов, у событий есть части, составляющие. Подобно объектам они разворачиваются во времени и пространстве. Составляющие событий разделяются резкими разломами в контурах действия, так же как части объектов различаются разрывами в пространственном контуре. В отличие от действий и состояний, у событий обязательно присутствует цель или интенция. В когнитивной лингвистике категории событий признаются очень насыщенными, информативными и комплексными категориями, поскольку включают в себя взаимодействие и взаимовлияние разнообразных объектов, людей и мест. Несмотря на свою сложность и многокомпонентность, события могут быть названы просто, например: выборы, концерт, война. Ученые-когнитологи утверждают, что одна из функций языка заключается в том, чтобы «выкраивать» (carve out) сущности в непрерывном времени и пространстве так, чтобы к ним можно было бы отсылаться в их отсутствие [9].

К одной из таких сущностей относится сложный событийный фрейм *Robin Hood*. В центре этого фрейма-события стоит прецедентное имя, то есть «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к числу прецедентных, или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная, имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств [4, с. 108]. В данном случае мы имеем дело с известным героем британского эпоса Робин Гудом, благородным предводителем лесных разбойников, который грабил богатых людей и отдавал всё бедным.

Вслед за Г. Ф. Ковалёвым мы определяем прецедентность как «феномен первичного образца», представляемого для оценки и сопоставления [9]. Прецедентность имени Робин Гуд можно обосновать по нескольким критериям. Во-первых, оно 754 раза упоминается в корпусе современного американского английского языка (СОСА). Во-вторых, этот эпический герой послужил прототипом главного героя романа

В. Скотта «Айвенго», произведений А. Дюма «Робин Гуд – король разбойников» и «Робин Гуд в изгнании» и Дональда Энгуса «Робин Гуд». В-третьих, существует театральная постановка с одноименным названием «Робин Гуд – лесной разбойник», а также несколько фильмов, таких как «Робин Гуд и его веселые парни» (1908), «Разбойник и Королева» (1946) и «Робин и Мэриан» (1976), где сюжет английской средневековой баллады видоизменяется, но герой остается прежним. Вследствие того, что имя Робин Гуд встречается в ряде работ не только британских, но и американских и российских авторов, можно сделать вывод, что это прецедентное имя вышло за рамки национальной прецедентности и стало универсально-прецедентным, т. е. понятным и распознаваемым большим количеством людей. Теперь оно входит в коллективное когнитивное пространство многих народов и закреплено в современной лингвокультуре многих стран.

Интересно, что прецедентное имя является триггером событийного сценария произведения, который вызывает к жизни содержание, события сказки, баллады или романа. Соответственно, у человека актуализируются имеющиеся знания о данном персонаже и пространственно-временной контекст, в котором происходило действие. На наш взгляд, прецедентные имена представляют собой случаи антономасии, под которой К. Р. Каграманов понимает особое средство непрямой языковой номинации, использование которого ведет к возникновению специфического класса имен, обладающего характеристиками как нарицательного, так и собственного имени и определенными структурно-семантическими и прагматическими признаками [8, с. 5]. Пользуясь терминологией лингвосомиотики, можно утверждать, что в нашем случае сохраняется старое означаемое и появляется новое означаемое, что позволяет экономить языковые средства и апеллировать к уже известным персонажам и сценариям при наименовании нового объекта.

Антономасийное прецедентное имя Робин Гуд можно представить как событийный фрейм, который включает в себя целый набор слотов. Однако на примерах *Robin Hood tax*, *Robin Hoodlum* и *Robin Hooder* видно, что слоты имеют тенденцию модифицироваться, что приводит к реинтерпретации события и искажению прототипического образа Робин Гуда. За счет чего еще происходит намеренная деформация образа и события? Постараемся дать ответ на этот вопрос.

Опираясь на идеи Дж. Лакоффа, мы рассматриваем события как идеализированные когнитивные модели (ИКМ). Причем в данном случае мы имеем дело с двумя моделями, одна из которых описывает прецедентный феномен, а другая – образовавшийся дериват. Таким образом, эти модели взаимодействуют, в результате получается событийный фрейм, который строится на основании метафоры, то есть переносе образной схемы одной концептуальной сферы в другую путем построения алгоритма образной ситуации [2, с. 167].

Прежде чем перейти непосредственно к анализу производных, следует представить прототипический событийный фрейм имени *Robin Hood – Робин Гуд*, т. е. тот инвариант, который изначально присутствует в сознании человека. При составлении фреймовой организации мы использовали фреймовую структуру события О. Н. Дубровской (слоты Агенса, Коллаборанта, Пациенса) и добавили свои (слоты Целеполагания, Способа, Бенефицианта, Времени и Места), наиболее полно отражающие схему события (см. рис. 1).

Заметим, что изначально само имя Робин Гуд позволяет «играть» со своей семантикой. Слово *robin* переводится как «малиновка», но, возможно, имя героя основывается на игре слов *Rob in hood* – «грабить в капюшоне». Значения слов *hood* и *robin* обыграны в популярном телесериале «Робин из Шервуда» («Robin of Sherwood», Великобритания, 1984–1986).

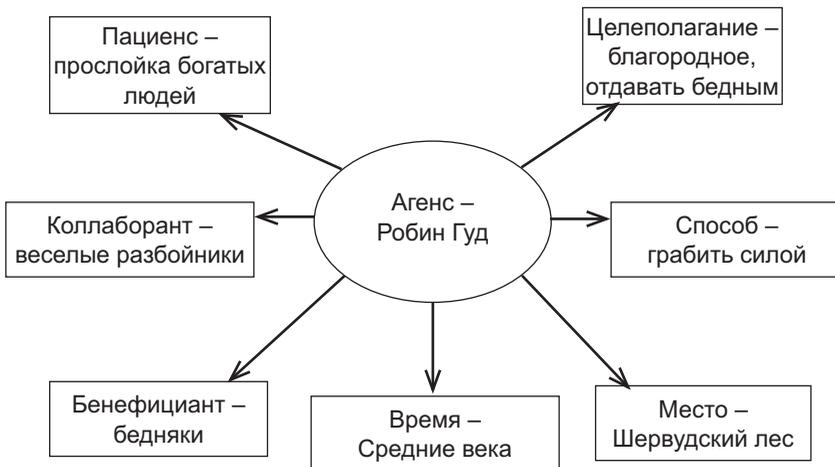

Рис. 1. Событийный фрейм *Robin Hood*

Неудивительно, что данное универсально-прецедентное имя создает плодотворную почву для образования дериватов.

Рассмотрим дериват *Robin Hood Tax* – небольшой налог на финансовые транзакции, который был введен для борьбы с бедностью и решения проблем с климатом. Сам термин придумал министр финансов Италии Джулио Тремонти в 2008 г. Предполагалось, что этим налогом должны облагаться только обеспеченные люди, а прибыль идти на помощь бедным. Фреймовую организацию этого производно можно представить следующим образом (см. рис. 2).

На схеме видно, что слоты Агенса, Целеполагание, Пациенс и Бенефициант доминируют. Данная структура удерживается скрепой Целеполагание, так как все действия и усилия объединены и направлены на достижение глобальной цели – помощь бедным людям, которая пересекается с архетипической целью. Слоты Место, Способ, Коллаборант и Время дефокусируются, уходят на второй план. Характерно, что слоты манифестируют неожиданную наполненность. Видно, что их содержание абсолютно противоречит содержанию соответствующих слотов инвариантного фрейма. Этим обусловлена метафоризация и общая реинтерпретация события. По мнению Е. Е. Голубковой, при использовании антономасии происходит компрессия по выделенному эталонному признаку, своего рода когнитивная экономия.

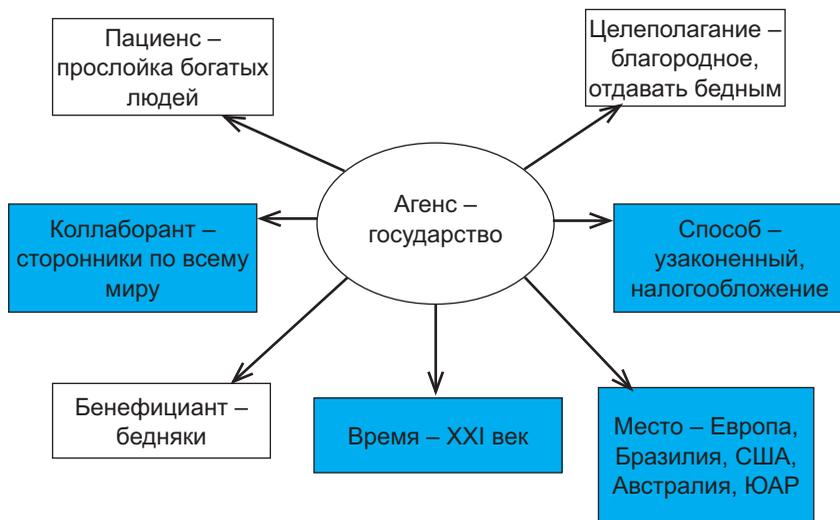

Рис. 2. Событийный фрейм *Robin Hood Tax*

Такие примеры производных от прецедентных имен, как *Robin Hood Tax*, иллюстрируют своеобразную когнитивную экономию. Зная, что производное от прецедентного имени приживется и «примется» гораздо быстрее в лингвокультурной среде, чем абсолютно новое слово с новым значением, автор решает создать дериват именно от антономасийного прецедентного имени. Таким образом, это экономит когнитивные усилия и время на разгадку нового слова и концепта.

Не менее интересным является дериват *Robin Hoodlum*. Так назывался американский анимационный короткометражный фильм 1948 г., в котором происходит абсолютное искажение архетипического образа Робин Гуда и его «веселых компаньонов» (*Meru Men*). В фильме главный герой изображается настоящим вредителем, наделенным негативными чертами характера. Зловредный лис *Robin Hoodlum* запугивает окружающих и ведет в целом антиблагородную деятельность. Событийный фрейм *Robin Hoodlum* выглядит следующим образом (см. рис. 3).

Во фреймовой организации данного деривата происходит фокусировка внимания на слотах Целеполагание и Способ, которые демонстрируют абсолютно иную наполненность. Все остальные слоты выводятся из фокуса.

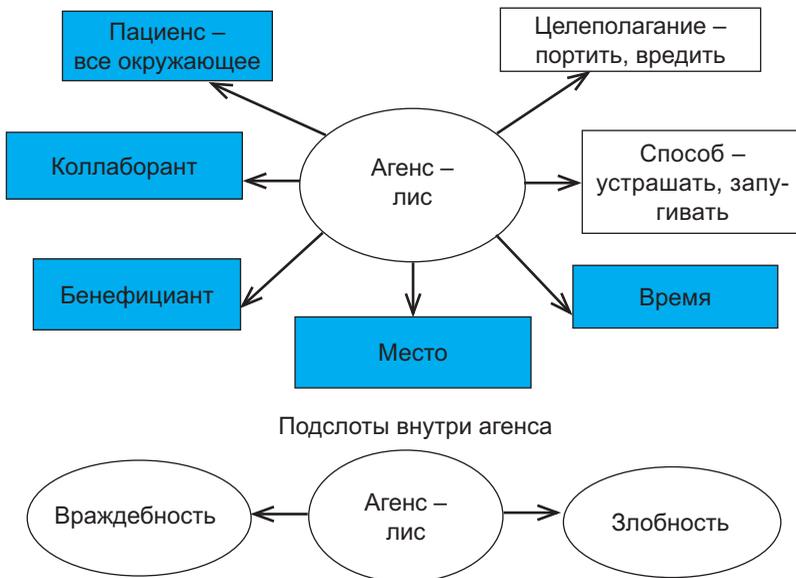

Рис. 3. Событийный фрейм *Robin Hoodlum* (мультфильм)

Это обеспечивает кардинально иное прочтение производного, общее событие переоценивается, образ полностью искажается. Дериват получается в результате словосложения *Robin + Hoodlum* (хулиган, гангстер), благодаря чему общее выражение переосмысливается. У человека, впервые сталкивающегося с этой лексемой, возникают негативные ассоциации и интерференции, которые подтверждаются в процессе просмотра фильма. Нетривиальная трактовка образа входит в противоречие с уже имеющимися знаниями о благородном Робин Гуде, легенде английских баллад. Вследствие фокусирования только на двух слотах и двух релевантных подслотах, а также выведения из фокуса всех остальных слотов инвариантного фрейма происходит концептуальная перестройка фрейма-события. Этому способствует также появление другого слова *Hoodlum*, которое содержит словоформу *Hood*. Надо отметить, что этим словом мы называем не только персонажа и конкретизируем его качества, но и по аналогии представляем всё событие, однако для одинаковой его оценки и интерпретации коммуниканты должны обладать «обоюдным кодом» ('shared code'), или «обоюдным знанием».

Интересно, что дериват *Robin Hoodlum* полисемантичен. Это и название произведения писательницы Кеклы Магун «*Shadows of Sherwood: A Robyn Hoodlum Adventure*», в роли главного персонажа выступает 12-летняя дерзкая, смелая девочка-мулатка, борющаяся за справедливость. На протяжении нескольких глав книги Робин отчаянно ищет своих родителей, помогает бедным, проводит головокружительные секретные операции, участвует в гонках. Таким образом, Кекла Магун «перезагружает» старинную легенду о Робин Гуде, смешивая уже прижившийся образ с новым, современным представлением, тем самым обеспечивая иное прочтение всем известного произведения. Фреймовая организация этого событийного производного представлена на рисунке 4.

Проанализировав фреймовую структуру производного, можно заключить, что образ смелой дружелюбной бунтарки Робин, которая стремится подружиться со всеми и заботиться о всех, не стыкуется с прототипическим образом, вследствие чего возникает когнитивный диссонанс, нестыковка представлений. Рассогласованность происходит потому, что слоты Целеполагание, Пациент и Способ демонстрируют неожиданное содержание, а внутри Агенса (Деятеля) выделяют подслоты: мулатка, гимнастка, женский пол, 12 лет, дружелюбная,

заботливая и бунтарь, которые релевантны для концептуального анализа деривата. Это уже имевшиеся подслоты с новым содержанием, на которые происходит перефокусировка.

Автор акцентирует внимание читателей на внутреннем потенциале цветных рас, а также на способности детей противостоять и отвечать вызовам современности, бороться за дружбу и мир. Подслоты являются скрепами данного событийного фрейма, однако специфичным является в данном случае тот факт, что в одно и то же время они

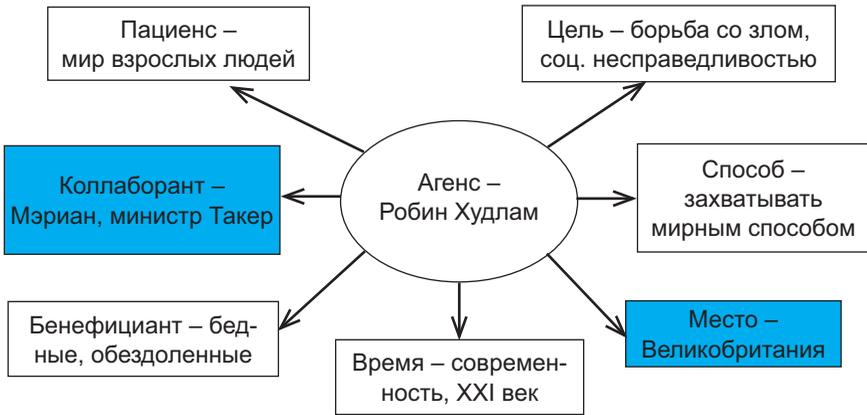
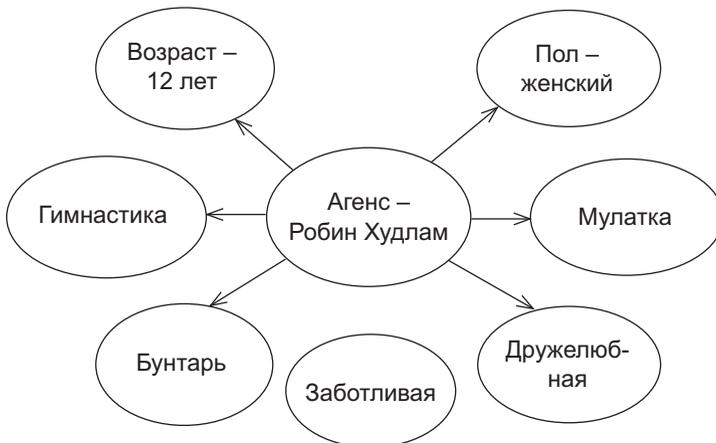

Рис. 4. Событийный фрейм *Robin Hoodlum* (книга)

Подслоты внутри агенса

сопровождаются аттенциональным сдвигом, то есть дефокусируются – тем самым подчеркивается, что современным Робин Гудом может стать любой человек, невзирая на пол, возраст и цвет кожи. Другими словами, здесь наблюдается своеобразная аттенциональная «игра». По нашему мнению, слоты Место и Коллаборант выводятся из фокуса, так как не играют роли при концептуализации события. Кроме того, для семантики производного *Robin Hoodlum* характерна четкая аксиологическая высвеченность: проецируются исключительно положительные свойства героини, тем самым персонаж и его действия получают положительную оценку.

Тема извечной борьбы между имущими и неимущими, а также помощи ближнему сокрыта в производном *Robin Hooder* (*Робин Гудер*). Так до недавних пор называли тайцев, которые уезжают на заработки в другие страны и регулярно отсылают деньги домой. Сейчас это слово стало почти эвфемизмом неприглядного «гастарбайтера», так как применяется и к представителям других национальностей, которые работают за рубежом и таким образом кормят свою семью на родине. Концептуальная схема данного деривата представлена на рисунке 5.

В данном событийном фрейме, на наш взгляд, наиболее выражено работает механизм метафоры: осуществляется перенос наиболее значимых элементов концептуальной сферы *Robin Hood* в сферу *Robin Hooder*. Однако, как и в предыдущих примерах, образный перенос сопровождается изменением наполненности некоторых слотов. В данном примере это слоты Пациенс, Бенефициант, Место и Время.

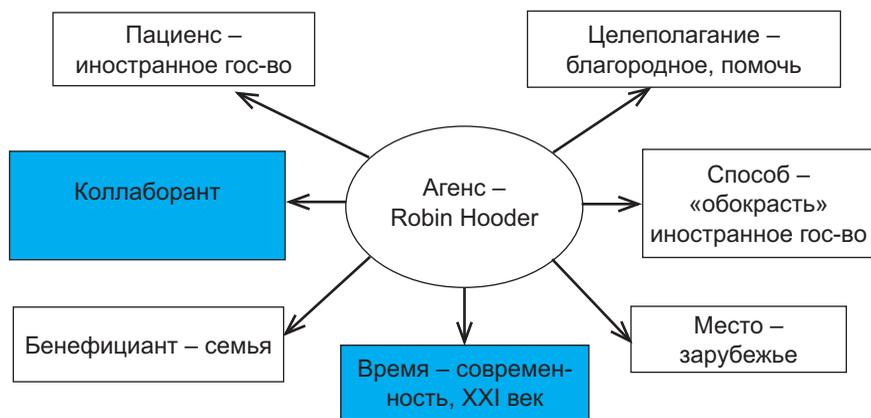

Рис. 5. Событийный фрейм *Robin Hooder*

Нетривиальную трактовку образа обеспечивает процесс фокусирования на слотах Пациент, Целеполагание, Способ, Место и Бенефициант, тогда как Время и Коллаборант дефокусируются. За этим событием стоит деятельность, и производное *Robin Hooder* обращает наше внимание на определенные сценарные элементы, что позволяет правильно интерпретировать его. Сконцентрированность на агенте происходит потому, что производный суффикс *-er* акцентирует внимание на деятеле и, соответственно, весь дериват концептуализируется как некто, полноправно принявший на себя характеристики известного эпического героя и ведущий активную деятельность.

Таким образом, в основе образования дериватов от прецедентных имен лежат такие когнитивные процессы, как фокусирование и дефокусирование, а также наблюдаются изменения во фреймовой структуре: «начинка», или наполненность слотов, меняется, что обеспечивает деформацию образа и события. По мнению Е. Е. Голубковой, «процессы фокусирования и дефокусирования обеспечивают настройку инферентных знаний при интерпретации нового слова и концепта» [3, с. 1]. А изменение фокуса внимания говорящих приводит к понижению или повышению выделенности (салиентности) элементов конструируемой ситуации, т. е. к перемещению этих элементов во вторичный или первичный фокус соответственно [7]. Характер (де)фокусирования компонентов имеет определенные ограничения и удерживается «скрепами», т. е. опорными, базовыми слотами фрейма [3, с. 4].

Сам процесс образования производных концептуально воспринимается как тема-рематический: к уже имеющейся информации о прототипе производного добавляется новая, характеризующая новый объект, а вместе с тем новый концепт. Когнитивный механизм распределения внимания, а также искажение содержания слотов побуждают к творческому конструированию новых смыслов и событий. Это обеспечивает разнонаправленность и гибкость человеческого мышления, стимулирует лингвокогнитивное творчество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
2. Бабичева А. С. Фрейм «свадьба» в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2007. – 191 с.

3. Голубкова Е. Е., Братцева А. Л. «Сказка о руководящей золушке» или механизм распределения внимания в прецедентном феномене как источник его полифункциональности в дискурсе // Когнитивные исследования языка: сб. науч. тр. – Вып. 23. Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. – М. ; Тамбов : Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2015. – С. 90–100.
4. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М. : Гнозис, 2003. – 288 с.
5. Дубровская О. Н. Имена сложных речевых событий в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2005. – 240 с.
6. Дубровская О. Н. Об интерпретации понятий 'событие' и 'речевое событие' в лингвистике // Вестник АГТУ. – 2005. – № 5 (28) – С. 129–135.
7. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 319 с.
8. Каграманов К. Р. Антономасия как средство языковой номинации: семантика и прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 24 с.
9. Ковалёв Г. Ф. Прецедентное имя собственное в тексте рекламы // Феномен прецедентности и преемственность культур ; под общ. ред. А. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. – Воронеж : Воронеж. гос.ун-т, 2004. – (Сер. «Монографии»; вып. 8). – С. 273–289.
10. Поздняков М. В. «О событии» («Vom Ereignis») М. Хайдеггера // Вопросы философии. – 1999. – № 7. – С. 140–157.
11. Самойленко Н. А. Семантика событийности и способы ее выражения: дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1991. – 195 с.
12. Событие (в философии). – URL: [http://ru.science.wikia.com/wiki/событие\(в_философии\)](http://ru.science.wikia.com/wiki/событие(в_философии)).
13. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге / под ред. А. Л. Доброхотова. – М. : Высшая школа, 1991. – 192 с.
14. Pederson E., Bohnemeyer J. On representing events // Event Representation in Language and Cognition / Ed. by J. Bohnemeyer and E. Pederson. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2014 – P. 2–13.
15. Tversky B., Zacks J., Bauer M. J. Talking about events // Event representation in Language and Cognition / Ed. by J. Bohnemeyer and E. Pederson. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2014. – P. 216–228.

УДК 81'22

Е. Ю. Ильинова, О. С. Волкова

Ильинова Е. Ю., профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Волгоградского государственного университета; e-mail: lemisch@rambler.ru

Волкова О. С., доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Волгоградского государственного университета; e-mail: olgavolkova201083@rambler.ru

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ МЕДИАРЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОБЫТИЯ¹

В статье предлагается когнитивно-дискурсивный взгляд на моделирование события в массмедийном дискурсе, выявляются механизмы медиарепрезентации фактов, событий, происшествий, рассматриваются жанровостилистические особенности их описания в британской новостной прессе в разные исторические периоды. Материалом исследования являются новостные тексты на английском языке, имеющиеся в электронных исторических архивах британской прессы, а также размещаемые сайтах электронных информационных изданий.

Ключевые слова: событие; когнитивно-дискурсивный механизм; медиарепрезентация; точность; достоверность; аттрактивность; нарратив; комментарий.

Ilyinova E. Yu.

Doctor of Philology, Professor, English Philology Department, Volgograd State University; e-mail: lemisch@rambler.ru

Volkova O. S.

Ph. D. (Philology), Associate Professor, English Philology Department, Volgograd State University; e-mail: olgavolkova201083@rambler.ru

COGNITIVE AND DISCURSIVE ASPECTS OF EVENT MEDIA REPRESENTATION

The article deals with a cognitive-discursive approach to event modeling in mass media discourse. Media representation of facts, happenings, misfortunes is viewed in terms of the discursive strategies that have been implemented in various genres and styles of the British news media in different historical periods. English news articles from the on-line historical British newspaper archives, information and media sites are analyzed in the research.

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-04-00134 «Историческая дискурсология: проблемы, методология и перспективы развития»).

Key words: event; cognitive-discursive mechanism; media representation; accuracy; reliability; attractiveness; narration; commentary.

Для исследования когнитивно-дискурсивных механизмов репрезентации события в медийном дискурсе базовым является вопрос о методах и приемах верификации связей между когнитивными структурами мышления и дискурсивно-текстовыми формами, объединенными общими социокультурными задачами и условиями коммуникации. Обусловлено это, в первую очередь, мультидисциплинарным представлением о феномене событийности в философии, когнитивной лингвистике, психолингвистике, лингвокультурологии, неориторике, критической лингвистике и других направлениях смежных с лингвистикой наук [3–6; 10; 13–14; 16; 19–20].

Событием может быть названо любое совершающееся явление, характеризующее своей уникальностью и неповторимостью, в повседневном опыте проявляющееся в статусе просшествия или случая [12]. В когнитивной лингвистике событие как важное явление общественной или личной жизни представляется онтологической конфигурацией категоризации мира, с помощью которой фиксируются изменения или появление новых данных о состоянии дел в мире, в том числе с помощью языковых знаков. Выбор уточняющего дискриптора «конфигурация» обоснован принятыми в отечественной лингвистике положениями о сложности и полифункциональности когнитивных стратегий мышления, о гибридности когнитивно-семантических единств, получающих в ходе коммуникативных практик различные языковые формы актуализации. Конфигурация предполагает взаимное расположение объектов в некотором едином пространстве, системность их соотношения, а также своеобразное ментальное и вербальное отражение системы объектов. Терминологически важными для события как объекта изучения видятся две позиции, фиксирующие динамичность и изменчивость объекта как его главное свойство – состояние объекта, являющееся результатом некоторой деятельности [17], модель изменения состояния объекта [21]. Опираясь на них, исследователи предлагают различные подходы и методики реконструкции событий, зафиксированных языковыми знаками в текстах, относящихся к разным сферам дискурсивной деятельности.

В данной статье рассматривается когнитивно-дискурсивный взгляд на моделирование события в массмедийной коммуникации, основанный на научно обоснованных положениях о переменном

характере изображения события в новостном дискурсе, с помощью которого реализуется задача дифференцированного воздействия на социального адресата посредством его информирования и интерпретации сообщаемой информации [2; 3; 9; 14]. Событие при этом рассматривается как социально значимое явление, происшествие, ситуация, заслуживающее публичного освещения. Дискурсивно-текстовые приемы отражения событий в новостном дискурсе составляют основу стратегии медиарепрезентации. Данная стратегия реализуется посредством дискурсивных тактик точности, достоверности, аттрактивности, фокусности представления события в тексте новостного сообщения, которые отражаются в когнитивно-семантической системности средств языка. Анализ логики организации языковых средств в корпусе новостных текстов позволяет провести реконструкцию когнитивно-дискурсивной модели новостного сообщения (т.е. выявить ментальный и дискурсивный корреляты события), отметить специфику медиарепрезентации в разные исторические периоды, отраженные в архивном корпусе прессы, а также установить закономерности и динамику стиля информирования в границах отдельной текстовой культуры. В статье приводятся отдельные факты об исследованиях признаков событийности на основе архивного корпуса британской прессы за период середины XVIII–XXI вв. (<http://www.historic-newspapers.co.uk/newspaper-archives>).

При выборе подходов к лингвистическому моделированию события в новостном дискурсе исследователи отталкиваются от когнитивно-ситуативного представления о ней как сочетании таких кластеров фрейма, как действие (квант действия или цепочка квантов действия), деятель, пространственно-временная локализация события (начало, развитие, завершение), участники события. При когнитивно-дискурсивном моделировании события происходит расширение фрейма ситуации, связанное с включением внешнего наблюдателя, указаний на результат (последствия) события и/или причины произошедшего [1]. Данное понимание события проецируется на организацию когнитивно-дискурсивного коррелята социально значимого события в медийном дискурсе в соответствии с когнитивно-онтологической моделью ситуации, традиционно включающей участников события/происшествия, характеристики их действий или состояний, а также информацию о временных, пространственных, каузативных и т. д. обстоятельствах события/происшествия, и прототипическими

моделями оперативного информирования, принятыми в журналистской практике [8].

Многочисленные исследования, посвященные проблеме отражения событий в медийном дискурсе, свидетельствуют о тенденции доминирования в отдельных разновидностях медийных текстов именно «интенции мнения» над «интенцией истины» [7; 11; 15], что связано с влиянием социопрагматических условий информирования на стилистику и риторику коммуникации между журналистами и гражданским обществом. Данная особенность характерна, в частности, для стилистики жанра новостной заметки британской прессы. Анализ архивного корпуса британской прессы (<http://www.historic-newspapers.co.uk/newspaper-archives>) по отдельным группам новостных событий (проект РГНФ № 15-04-00134) показал, что приемы точности и достоверности информирования сопровождаются аттрактивностью формы текста, что проявляется в объединении таких вариантов контекстуального членения, как нарратив (рассказ о событии/происшествии) и актуальный комментарий (пояснение, уточнение к отдельным деталям события).

Заметим, что в британской журналистике не отменяется значимость принципа точности и достоверности отражения реальности в новостном тексте, однако социокультурные традиции и коммерциализация медийной сферы всегда предполагали фокусность отражения, аттрактивность формы и тональности новостного контента, адресованного массовому читателю. Так, в отличие от лапидарно точного стиля и аналитизма представления результатов очередного дня на Олимпийских Играх в Рио-2016, в котором довольно однообразным и безобразным языком перечисляются главные достижения британских спортсменов:

London 2012's modern-day record of 65 medals is now firmly in Team GB's sights. Cycling's golden couple Laura Trott and Jason Kenny both *won* gold, sailor Giles Scott *won* gold, diver Jack Laugher *took* silver, cyclists Rebecca James and Katy Marchant *took* silver and bronze in the women's sprint and gymnasts Amy Tinkler and Nile Wilson *won* bronze, taking GB's medal total to 50, keeping GB second in medal table (<http://www.telegraph.co.uk/olympics/2016/08/16>).

Описание результатов одного дня на Олимпиаде 1908 г. в Лондоне изобилует оценочной лексикой, отражающей косвенное присутствие автора текста:

The *immense crowd* which *gathered* at the Stadium yesterday *to witness* the finish of the Marathon Race, which is fully described on another page, *were provided* with a lot of *interesting and exciting* sport during their wait. The finals in the High Diving, 200 Metres Swimming Team Race, Heavyweight, Greco-Roman Wrestling, and the Pole Jump *were decided*, and the winners *represented* four different countries. The *most exciting event* was the swimming final. Each team *consisted* of four, and when England's last man, Taylor, *entered* the water he was quite a dozen yards behind the Hungarian, who *was leading* the American. By a *magnificent effort*, however, Taylor *succeeded* in reaching the winning post a yard or so ahead of the Hungarian, and a *terrific* outburst of cheering *greeted his success*. As *was expected*, the U.S.A representatives *carried off* the Pole Jump, in which their two leading men were content to lie for first place without jumping off (*The Daily News, July, 25, 1908*).

В новостном примере (1908) выявляется присутствие журналистского комментирования ситуации (модус оценочности: *interesting, exciting, magnificent, immense, terrific, success*, модус предположительности: *was expected*). Все указанные словесные знаки косвенным образом актуализируют достоверность информации о событии, элементы репортажа делают читателя более осведомленным (*consisted of four, entered the water, was leading, succeeded, greeted*).

Заметим, что в британской журналистике никогда не отменялась значимость принципа точности и достоверности отражения реальности в новостном тексте, однако социокультурные традиции и коммерциализация медийной сферы всегда предполагали фокусность отражения, аттрактивность формы и тональности новостного контента, адресованного массовому читателю.

Фокусность медиарепрезентации состоит в возможных подменах значимости агентов и участников ситуации, введении дополнительных лиц, например, внешних наблюдателей, что приводит к нарушению точности нарратива, повествующего о событии, появление комментариев сторонних лиц или пишущего журналиста позволяет усилить личностную адресность новостного текста, активировать эмоциональное восприятие действительности, т. е. с помощью намеренного выбора языковых средств и приемов повысить аттрактивность формы текста.

В качестве аргумента приведем фрагменты из архива региональной британской прессы, датированные серединой XVIII в. – конца XIX в. – начала XXI в. Изучение тематики новостных сообщений выявило значительный интерес британских новостных журналистов

к негативным новостям, сообщениям о преступлениях, происшествиях, в частности, о природных бедствиях и иных катаклизмах.

Так, в новостной заметке о пожаре «Lamentable Distress by Fire» из «Saunders's News-Letter» (Tuesday, 17 March, 1789), кроме традиционных номинативных средств репрезентации события, его месте и времени (*fire, Joseph's lane near South Great George's street, Dublin // Saturday Night 7th March*), нарратив включает лексику, окрашивающую сообщение эмоциями печали и горя (*perish in the Flames, unfortunate, frantic, etc.*):

The *Humane and Charitable* are most humbly entreated to contribute even the smallest *Relief* to Charles Field and his Wife, whose little Dwelling in Joseph's lane, near South Great George's street was on Saturday Night 7th March inst. entirely *consumed by Fire*; their two Children *perished in the Flames*; and the laid *unfortunate Couple* are almost *frantic*, and in a *starving Condition*. Benefactions will be most thankfully received by Mrs. Peters, Grocer, No. 31. South Great George's street, who will *certify the melancholy Narration*, or by Mr. Stapleton, at No. 74, Dame-Erect.

Меланхолично-печальная аттрактивность новости передана в заглавии «Lamentable Distress by Fire» (*lamentable – regrettable, from 'lament' – show, feel, express great sorrow or regret*). Стоит отметить неявное присутствие автора, выраженное в выборе тональности описания события. Следующий текст из «The Daily News» (Thursday, January 8, 1890) отличается усиленной детализацией события *fire*, нарратив «обрастает» точными фактами и подробностями:

Within a few minutes of the birth of the New Year *twenty-six boys died from suffocation at the Forestgate Industrial Schools*. They now lie tide by tide, wrapped in fleecy with blankets, upon the floor of the infirmary, with numbers marked in big figures, or the names chalked over the inanimate heaps as to which identification is complete.

Традиция освещения пожаров остается в региональной британской прессе XX в., что соответствует таким критериям информирования, как *локальная близость к читателю (a family near us or like us), неожиданность, но частота повторения (frequency, predictability, but unexpectedness), простота изложения (clarity)* [18]. Следует отметить сохранение закономерности соблюдения тональности сочувствия к горю пострадавших при пожаре людей:

FOUR children *died in a fire* at their home in Bandeath Road, Fallin, near Stirling, to-day. They were Rosina Summerville (2½), her brother Alec (4),

her sister Katherine (8), and her brother John (13). They were the children of Mr. and Mrs. David Summerville. The parents and their other six children escaped. Betty (4) and Isabel (12) *jumped* from an upstairs window into a blanket held by neighbors. Janette (20) Sadie (18) and Stuart (17) *escaped* down a drainpipe. The *dead children* were found in an upstairs bedroom. The alarm was given about 5 a.m. but when the fire brigade arrived all the occupants of the house *had escaped* except the four children who *died*. David Summerville, another son, left the house last night after spending the weekend with his parents, to return to a N.C.B. school in Ayrshire, where he is a mining trainee (*Hartlepool Mail, Monday, 12 October, 1953*).

Однако к началу XXI в. отмечается обновление приема медиарепрезентации события «пожар», в частности уменьшается доля нарратива о самом событии, в центр внимания читателя попадает описание эффективных действий пожарных при борьбе с огнем:

Firefighters from across Coventry battled a stubborn brush fire fueled by high heat, gusty winds and extremely dry conditions on Tuesday. All of Coventry's fire districts responded to the fire that burned along Teakwood Drive and was first reported at around 1:20 p.m. Crews from West Warwick, West Greenwich and Scituate also responded to provide support and mutual aid coverage at Coventry fire stations depleted by the brush fire. One firefighter from the Hopkins Hill Fire District was treated at the scene for a minor burn, according to reports. Authorities said that about two acres burned in the fire. Nearly 50 firefighters worked to control the fire and douse hotspots after the fire was mostly under control. Crews were at the scene for more than four hours (CN – Coventry Newswire. Available at: <http://www.topix.com/wire/city/coventry-ri>)

Проведенный анализ когнитивно-семантической и стилистической составляющей британских новостных текстов в диахроническом ракурсе позволяет прийти к выводу о сохранении традиции детализации нарратива о происшествии; при этом сокращается доля лексики, прямо апеллирующей к эмоциям, оценке, а употребление лексики со специальной терминологической нагрузкой повышает интеллектуально-логическую составляющую, т. е. изменяются приемы повышения аттрактивности медиарепрезентации в современном новостном тексте.

Проведенное исследование позволяет заключить, что в массмедийном дискурсе, призванном с помощью информации о социально значимых событиях и фактах (новостных сообщений) управлять массовым сознанием, сложились профессиональные технологии

репрезентации актуальных событий, основанные на когнитивных стратегиях фокусного конструирования ментального коррелята события и его вариативных вербализациях. Вследствие этого универсальная когнитивно-дискурсивная модель новости получает вариативную текстовую реализацию, связанную с выбором фактографической, аналитической или образно-детализирующей стратегий медиарепрезентации события.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляевская Е. Г.* Моделирование семантики события: событие vs событийность // События в коммуникации и когниции: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 19–20 мая 2016 г. – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. – С. 44–45.
2. *Водак Р.* Язык. Дискурс. Политика / пер. с англ. и нем. яз. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
3. *Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
4. *Демьянков В. З.* Событийность в языке средств массовой информации // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: тез. докл. Междунар. науч. конф., Москва, филол. факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 25–27 октября 2001 г. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – С. 59–60.
5. *Демьянков В. З., Кубрякова Е. С.* К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. – М.: Институт языкознания; Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – 2007. – № 4. – С. 8–16.
6. *Демьянков В. З.* О мультидисциплинарности исследования событий // События в коммуникации и когниции: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 19–20 мая 2016 г. – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. – С. 16–17.
7. *Детинко Ю. И.* Дискурсивное конструирование чужеродности в современной британской политической коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2013. – 22 с.
8. *Ильинова Е. Ю., Волкова О. С.* К вопросу о конструировании новостного сообщения // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2015. – № 4 (28). – С. 96–102. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.4.11>.
9. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
10. *Лакофф Дж.* Когнитивное моделирование // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1996. – С. 143–184.
11. *Мельникова Е. А.* Когнитивно-дискурсивные особенности медиарепрезентации события в англоязычном тексте новостного сообщения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2016. – 23 с.

12. Новая философская энциклопедия. – URL: <http://iphras.ru/elib/2779.html/>
13. *Плотникова С. Н.* Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. Сер. Филологические науки. – 2014. – № 5 (90). – С. 41–46.
14. *Плотникова С. Н.* Дискурсивные технологии и дискурсивное оружие как реалии современной информационной эпохи // Технологизация дискурса в современном обществе: Коллективная монография. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – С. 6–44.
15. *Федосеева Е. В.* Когнитивные механизмы дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 2016. – 23 с.
16. *Dijk T. A. van.* News as Discourse. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 1988. – 200 p.
17. *Durst-Andersen Per, Smith V, Nedergaard Thomsen O.* Toward a cognitive-semiotic typology of motion verbs. The construal of spatial meaning // Windows into conceptual space. (Eds) C. Paradis et al. – Oxford : Oxford University Press, 2012. – P. 190–222.
18. *Hodkinson P.* Media, culture and society. – London : SAGE, 2011. – 320 p.
19. *McKinlay A., Potter J., Wetherell M.* Discourse analysis and social representations // Empirical Approaches to Social Representations. – Oxford : Oxford University Press, 1993. – P. 134–156.
20. *Potter J., Hepburn A.* Discursive constructionism. (Eds) J. A. Holstein and A. Gubruin // Handbook of Constructionist Research. – N. Y. : Guildford. – 1998. – P. 275–293.
21. *Talmy L.* How Language Structures Space // Spatial Orientation. Theory, Research and Application. – N. Y. : Plenum Press, 1983. – P. 226–281.

УДК 81'22

Е. И. Карпенко

кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка, факультет немецкого языка, МГЛУ;
e-mail: elena_karpenko@list.ru

ИМЯ И СОБЫТИЕ¹

В статье рассматривается взаимодействие имен библейских личностей и соответствующих культурных сценариев. Структура культурного сценария включает в себя предсобытие, событие и постсобытие, действия которых разворачиваются на основе каузального принципа. Каждый структурный элемент сценария может вербализоваться как в лексико-фразеологической системе языка, так и в различных текстах.

Ключевые слова: событие; культурный сценарий; библеизм; имя собственное; дискурс.

Карпенко Е. И.

Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of German Lexicology and Stylistics, German Language Faculty, MSLU; e-mail: elena_karpenko@list.ru

PERSONAL NAME AND EVENT

The article studies the influence of biblical cultural scripts on the semantic characteristics of biblical proper nouns in language and texts. The structure of the cultural script contains a causal chain of pre-event, event and post-event. Each element of the cultural script can be verbally represented in language units (idioms, proverbs) and texts.

Key words: event; cultural script; biblical expression; proper noun; discourse.

Взаимосвязь личного имени и события отмечена во многих современных лингвистических теориях. В когнитивных исследованиях считается, что успешное функционирование прецедентных имен (и антономасии) в дискурсе обеспечивается их опорой на социокультурные модели, свойства которых позволяют выдвигать на первый план в семантике имени собственного любой элемент модели, в том числе некое культурно значимое качество или класс событий [6].

В концепции прецедентности, авторы которой – Д.Б.Гудков, В.В.Красных, И.В.Захаренко и Д.В.Багаева, – неоднократно отмечали «равнозначность и обоюдозависимость» таких феноменов, как прецедентные имена и прецедентные ситуации [9, с. 188]. В. В. Красных, рассуждая о прецедентных феноменах-«экспликаторах», приводит

¹Исследование выполнено в МГЛУ при финансовой поддержке РФФ (проект №14-48-00067).

следующий пример соотношения прецедентной ситуации предательства и прецедентного имени Иуда: «как Иуда является атрибутом рассматриваемой прецедентной ситуации предательства, так и сама прецедентная ситуация входит в дифференциальные признаки данного прецедентного имени» [9, с. 188].

Связь библейских личных имен, употребленных в роли нарицательных, с теми или иными событиями объясняется особенностью техники портретирования в Библии. А. А. Десницкий сравнивает ее с детальной классификацией человеческих индивидуальностей, разработанной древними греками, и приходит к выводу о том, что для библейских авторов важны не столько уникальные черты той или иной личности, сколько «место ее поступков на шкале абсолютных ценностей» [3, с. 419].

Библейский автор подробно описывает портрет или характер только в том случае, если это функционально необходимо для развития действия. В остальных случаях он будет оценивать поступок героя, т. е. его слова и/или действия, а не внешность и характер. Поступок в представлении библейских авторов может быть праведным или греховным, поэтому библейские личности это либо святые и праведники, либо грешники и беззаконники (последние более дифференцированы): «...никогда и нигде ветхозаветный автор не стремился сравнивать индивидуальные особенности своих героев, он вообще очень легко пренебрегает ими ради общих нравственных и духовных оценок» [там же, с. 424]. Иными словами, библейское имя часто ассоциируется с событием, участником которого является носитель имени: Адам и Ева с грехопадением; Каин с братоубийством; Авесалом с заговором против отца – царя Давида (с конфликтом отцов и детей) и т. д. Не случайно библейские имена (при нарицательном употреблении) часто определяются отпредикативным существительным: Каин – убийца (преступник, предатель); Иуда – предатель; Иов – страдалец; Магдалина – грешница [8].

Вышесказанное дает основания предположить, что в когнитивном отношении семантика библейского имени опирается на такую разновидность культурных моделей, как культурный сценарий. Несмотря на то, что универсальной терминологии для обозначения структур знаний не существует, сценарием в когнитивных исследованиях принято называть когнитивную структуру для представления стандартной последовательности действий [2]. Это может быть сценарий убийства, предательства, соперничества, борьбы, пленения,

освобождения, соблазнения, грехопадения¹ и т. п. Данная структура имеет динамический характер, несмотря на то, что может быть описана статичным предикатом. Страдание Иова как культурный сценарий – это не статическое состояние, а динамическое событие: оно предполагает испытание или серию испытаний, которым подвергается праведник для исправления некоторого недостатка (греха) и последующего нравственного очищения.

Благодаря включенности такого сценария в жизнь библейской личности (и вследствие авторитета Библии – в жизнь многих поколений людей) субстрат сценария (действия, поступки, процессы) становится событием [1].

Каузальный характер развертывания события / событий в сценарии дает исследователям основание выделить следующие структурные компоненты (сцены): предсобытие, (центральное) событие и постсобытие [4]. В каждой сцене создаются предпосылки для последующих событий. Библейские культурные сценарии, несмотря на вариативность, свойственную любым когнитивным схемам, достаточно строго структурированы. Кроме того, далее будет показано, что в наиболее «сильных» библейских сценариях каждый структурный элемент вербализируется в лексико-фразеологической системе языка. С каждым элементом культурного сценария могут соотноситься отдельные лексемы, фразеологизмы, крылатые слова и выражения, зафиксированные в этимологических, идеографических, фразеологических и других словарях, в которых лексика отобрана по сфере употребления (словари исторического типа, диалектальные словари, словари разговорной лексики). Кодифицированные элементы отражают стабильные смыслы сценария, наименее подверженные вариативности под влиянием времени и контекста.

Особенность библейских культурных сценариев заключается в том, что все сценарные события являются культурными архетипами, т. е. основополагающими категориями индивидуального и коллективного опыта. В культурном сценарии KAIN/ABEL лексические номинации культурных архетипов соотносятся со всеми элементами сценария. Ключевым предсобытием сценария является

¹ Как и любой сценарий, библейский культурный сценарий опирается на базовую (когнитивную) схему – «костяк сценария, позволяющий за бесчисленными воплощениями увидеть то, что делает этот сценарий постоянным, а именно его структуру» [13, с. 25].

жертвоприношение, причем жертвой служат плоды профессиональных занятий братьев: земледельца (*нем.* Ackerbauer) и пастуха (*нем.* Hirt) [Быт. 4: 2]. Земледелие и скотоводство не просто два наиболее ранних вида профессиональной деятельности человека, это и два разных типа взаимоотношений человека с Богом. «Пастырь овец» ведет кочевой образ жизни, полностью подчиненный воле Бога; для земледельца источником благополучия является возделываемая территория. Библия объясняет отвержение Богом жертвы Каина и принятие жертвы Авеля превосходством веры последнего (Авель в Библии также архетип праведника). Как элемент предсобытия, гневная реакция отвергнутого Каина получает воплощение в английской идиоме *to raise Cain* со значением: а) *to cause a commotion* – *поднять шум, устроить скандал, начать буйнить*; б) *to react or protest heatedly* – *яростно реагировать на что-л., протестовать против чего-л.* Например:

I'm not sure she should come, but I figure she'd raise Cain if we try to say no [14].

Архетипы центрального события культурного сценария KAIN/ABEL – убийство/убийца, предательство/предатель – отражены в именах нарицательных, зафиксированных в идеографических и фразеологических словарях, ср.:

нем. Kain «Verräter» – предатель, «Mörder» – убийца [17, с. 559];

итал. Caino *fig.* «omicido» – убийца [11];

Каин – о предателе, убийце [10]; *прост.* тяжкий преступник, убийца, изверг [12];

фр. un Caïn «traître» – предатель, изменник; «scélérat» – злодей, негодяй [11].

Значение «предатель», зафиксированное в русском, немецком и французском языках, не находит подтверждения в Библии и представляет собой расширение культурного сценария за счет сближения в культурной традиции образов Каина и Иуды. Разоблачение преступника и нежелание последнего признать свою вину также являются элементами центрального события культурного сценария. На вопрос Бога о том, где находится его брат, Каин отвечает:

Не знаю, разве я сторож брату своему? (СПБ¹)

¹ Синодальный перевод Библии.

Ich weiß es nicht; bin ich etwa meines Bruders Hüter? (МБ¹)

I know not: Am I my brother's keeper? (БКИ²) [Быт. 4: 9].

Этот вопрос, иногда в утвердительной форме, фиксируется многими словарями крылатых фраз и выражений. Ср.: (Biblical.) *I am not my brother's keeper (And Am I my brother's keeper?)*, т. е. «Я не отвечаю за то, что делает, или где находится третье лицо³» [15]. Отсутствие раскаяния, приговор, его обжалование преступником и смягчение приговора – центральное событие сценария вмещает основные элементы культурного архетипа ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ. Каин протестует против наложенного на него Богом проклятия и получает в качестве защиты особый знак. Фразеологизм (рус.) *каинова печать* / (нем.) *n Kainszeichen, n Kainsmal* / (англ.) *mark of Cain* не представлен своим лексическим составом в Библии: означивание в языке получает модифицированный в результате метонимического переноса элемент центрального события сценария. Знак защиты, находясь на теле убийцы, становится печатью вины. В отдельных случаях фразеологизм имеет помету *fälschlich – ошшибочно*, например:

n Kainszeichen = n Kainsmal: 1. (...); 2. (fälschl. für) Zeichen des Brudermordes, Spur der bösen Tat, die am Täter erkennbar sein soll [nach Kain, im 1. Mosses, 4, 15, wo es ein Zeichen göttlichen Schutzes ist] [18].

Ср. также:

англ. *mark of Cain*: знамение Каина, ‘охранная грамота; метка, выдающая преступника’ [5, с. 162].

К постсобытию культурного сценария относятся эпизоды изгнания Каина к «востоку от Эдема» в землю Нод [Быт. 4:16], строительства им крепости как прообраза первого города [Быт. 4:17], рассказ о потомках Каина [Быт. 4:18–24]. Архетипы изгнания, скитальчества вербализуются в английской идиоме *east of Eden*⁴. «На восток от Эдема» по версии М. А. Загота, находятся ‘места малопривлека-

¹ Перевод Библии Г. Менге.

² Библия Короля Иакова.

³ Ср.: *Prov. You are not responsible for another person's doings or whereabouts (Biblical)* [15].

⁴ Но не в идиоме *land of Nod* ≈ (рус.) ‘царство Морфея’, которая основывается на игре слов, ср.: (англ.) *to nod – клевать носом, дремать*. Выражение имеет стилистическую помету «humorous / шутииво»: *The baby is in the land of Nod. Look at the clock! It's time we were all in the land of Nod* [15].

тельные', 'не очень далеко от рая, но отнюдь не рай'. Фразеологизм получил распространение не в последнюю очередь благодаря роману «East of Eden» (1952) Джона Стейнбека, который «осовременил библейский сюжет и рассказал о конфликте между двумя братьями» [5, с. 65]. Кроме того, Goethe-Wörterbuch указывает, что Каин является архетипом скитальца и изгоя, ср.: *Kain – der Brudermörder (nach 1. Mos 4); als von Gott Verfluchter (und Archetyp des unsteten, friedlosen Menschen)* [16].

С одной стороны, сценарии формируют культурную традицию, с другой – культурная традиция способна изменять культурный сценарий. Подобные изменения могут быть зафиксированы в системе языка (ср. значение «предатель» в нарицательном имени каин), однако зачастую они не кодифицируются и могут быть выявлены методом сценарного моделирования отдельных текстов.

Сценарии помогают интерпретировать новый опыт, предсказывать действия, позволяют успешно ориентироваться в усложняющейся реальности, которая на современном этапе характеризуется, в частности, нарастанием видов и степени конфликтности. Идея конфликтности имплицитно заложена в предсобытии культурного сценария KAIN / ABEL: убийству должен был предшествовать конфликт. Если в Библии речь, скорее, идет о внутренних переживаниях Каина, мучимого завистью, то литературная традиция выработала множество разнообразных мотивов соперничества и борьбы между братьями, что привело к формированию литературного мотива *Bruderzwist* / раздор между братьями [7]. В результате данный культурный сценарий уже не мыслится без такого (пред)события как конфликт (вражда, раздор), который все чаще эксплицируется в текстах современных средств массовой информации. Проведенный нами анализ этого сегмента языка позволяет выделить корпус текстов, в которых Каин и Авель не убийца и жертва, а конфликтующие стороны: конкурирующие бизнесмены, спортсмены, политики. Степень их родства условна: это представители одного народа, одной религии, одной партии, одной фирмы, иногда – родственники. Если конфликт становится фокусным событием в описываемой ситуации, то далее события могут развиваться по альтернативному сценарию, в котором постсобытием станет, например, примирение сторон. Встречающиеся здесь предикаты: *unterjochen – подчинять, поработать; ein (Familien-)drama inszenieren – разыграть (семейную) драму; streiten – спорить*. Среди

существительных наиболее частотны: *Konflikt*, *Zwist* – раздор, разлад, междоусобица; *Streit* – спор; *Krieg* – война; *Kampf* – борьба. Например, в статье «Schnelle Einigung im Tönnies-Streit in Sicht» (В деле Тённис предвидится быстрое примирение сторон) (*Die Welt*, 5.10.2015) речь идет о судебном процессе между владельцами немецкого концерна Тённис, дядей и племянником Клеменсом и Робертом Тённис. Мотивы семейных тяжб, как утверждает адвокат младшего Тённиса, часто непонятны стороннему наблюдателю:

Oft handele es sich um *Brüderzwiste wie bei Kain und Abel*. “Für Außenstehende ist es schwer auszumachen, ob sich diese auf der Sach- oder auf der Beziehungsebene abspielen”, sagte der Jurist (*Die Welt*, 5.10.2015).

Часто речь идет о *раздорах как между Каином и Авелем*. «Постороннему человеку трудно разобраться, протекают ли такие конфликты на деловой или эмоциональной почве» (перевод наш. – Е. К.).

Несмотря на эксплицитное сравнение с Каином и Авелем, никто не собирается никого убивать: наоборот, в деле намечается примирение сторон. По подобному сценарию развивались отношения между братьями-футболистами из Германии Ж. Боатенгом и К.-П. Боатенгом «Der spektakuläre Bruderzwist der Boatengs» (*Die Welt*, 03.10.2015) – *Сенсацционная вражда между братьями Боатенгами*. Оба брата, этнические ганцы, выросли в Берлине и начинали карьеру в спортивном союзе «Герта». Некогда доверительные отношения между братьями охладели, когда старший перешел в английский футбольный клуб «Тотенхэм Хотспур» (предсобытие): «Ihr Verhältnis war einst innig, nachdem aber Kevin-Prince 2007 nach England gewechselt war, kühlte es ab» (*Die Welt*, 03.10.2015). Конфликт обострился после инцидента в финале Кубка Англии в 2010 г.: игравший за Портсмут Боатенг старший нанес травму М. Баллаку, игроку Челси и по совместительству капитану национальной сборной Германии. М. Баллак был вынужден пропустить чемпионат мира в ЮАР в том же году, где волей жребия на групповом этапе братья играли друг против друга: Ж. Боатенг в составе немецкой национальной сборной и К.-П. Боатенг в составе сборной Ганы. В это время разрыв между братьями, казалось, был неизбежен (событие): «Am deutsch-ghanaischen Großkonflikt droht es (das Verhältnis zwischen den Brüdern. – Е. К.) nun ganz zu zerbrechen» (*Die Welt*, 03.10.2015). По накалу страстей история напоминала библейскую трагедию:

Damit der Fußball-Bruderzwist seine volle mythologische Kraft entfaltet, muss Jérôme Boateng für die aufgewühlte Öffentlichkeit den Part des guten Bruders ausfüllen. Guter Bruder, böser Bruder, das garantierte schon immer fesselnde Geschichten. Wo Kain ist, kann Abel nicht weit sein. Während etwa Al Capone mit illegalem Alkoholausschank in Chicago seine Gangsterkarriere startete, half sein älterer Bruder James Vincenzo in Nebraska als Regierungsbeamter bei der Durchsetzung der Prohibition (*Die Welt*, 03.10.2015).

Для того чтобы конфликт между братьями-футболистами проявился во всю мифологическую мощь, для возмущенной общественности Жером Боатенг должен исполнять роль хорошего брата. Хороший брат, плохой брат, это всегда гарантировало захватывающую историю. Где Каин, там рядом и Авель. Пока Аль Капоне в Чикаго раскручивал свою карьеру бутлегера, его старший брат Джеймс Винченцо, государственный чиновник в Небраске, стоял на страже Сухого закона (перевод наш. – Е. К.).

Напомнив, что размолвки многих знаменитых братьев (королей Ричарда Львиное Сердце и Иоанна Безземельного, Томаса и Генриха Манна) закончились примирением, автор статьи выражает надежду, что «футбольная ссора между братьями» (Fußball-Bruderzwist, Zerwürfnis) в итоге окажется «незначительной пиар-перебранкой» (постсобытие): «Wer weiß, vielleicht.. der vermeintliche Bruderkrieg wird nur als kurzes, bedeutungsloses PR-Geplänkel in Erinnerung bleiben» (*Die Welt*, 03.10.2015). Позднее этот же информационный портал в ряде заметок под прогнозируемыми заголовками, ср. «Versöhnliches Ende im Bruderkrieg der Boatengs» (*Die Welt*, 01.09.2015), «Die Boateng Brüder machen wieder Party» (*Die Welt*, 01.09.2015) сообщил о примирении братьев.

Таким образом, библейские культурные сценарии разворачиваются линейно (на основании каузального принципа) из предсобытия в постсобытие через центральное событие сценария, как правило, лингвистически салиентного, вербализующегося на уровне лексико-фразеологической системы языка. На уровне текста фокусным событием может стать любой элемент сценария, в том числе измененного под влиянием культурной традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с. (Studia philologica).
3. Десницкий А. С. Поэтика библейского параллелизма. – М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. – 554 с. (Сер. Современная библеистика.)
4. Дубровская О. Н. Коммуникативное событие, дискурс и социокультурный контекст // Личность – язык – культура: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. 23–24 ноября 2011 г. – Саратов: Наука, 2011. – С. 140–146.
5. Загот М. А. Ищите и найдете, или Англо-русский словарь библеизмов для всех и для каждого. – М.: Р. Валент, 2004. – 280 с.
6. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 320 с. (Studia philologica).
7. Карпенко Е. И. Об эпистемологической функции культурного языкового символа (на материале немецкоязычной художественной литературы) // Язык в социокультурном контексте. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 96–110. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 5 (611). Сер. Языкознание).
8. Карпенко Е. И. Внебиблейские коннотации в сюжете о Марии Магдалине (на материале художественной литературы): тр. Междунар. института языков государств – участников СНГ и института регионоведения консорциума гуманитарных университетов – членов ШОС. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. – С. 108–115. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 25 (736). Сер. Языкознание и литературоведение).
9. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
10. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. – URL: http://gufo.me/kuznec_a#abc
11. Онлайн-словарь «АВВУУ Lingvo-Online». – URL: <http://www.lingvo.ua/ru>
12. Толковый словарь Ушакова Онлайн. – URL: <http://ushakovdictionary.ru>
13. Шляхов В. И. Сценарная основа речевого общения: Технология обучения. – М.: КРАСАНД, 2010. – 136 с.
14. Collins English Dictionary. – URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>
15. The Free Dictionary. Idioms. – URL: <http://www idioms.hefreedictionary.com>
16. Goethe Wörterbuch. – URL: <http://woerterbuchnetz.de/GWB>
17. Mackensen L. Deutsches Wörterbuch. – 12., völlig neu bearbeitete und stark erweiterte Auflage. – München : Südwest Verlag, 1986. – 1219 S.
18. Wahrig Fremdwörterlexikon. – URL: <http://www.wissen.de>

УДК 81; 811.161.1; 811.111

М. И. Киосе

доцент, доктор филологических наук, доцент кафедры лингвистики Международного института менеджмента ЛИНК; e-mail: maria_kiose@mail.ru

СОБЫТИЙНОСТЬ В ТЕКСТОВЫХ МОДЕЛЯХ НЕПРЯМОГО НАИМЕНОВАНИЯ¹

В статье рассматриваются интерпретационные возможности текстовых не прямых номинаций в организации событийности, которая представлена в динамическом аспекте с учетом интеграции нескольких образов референта и смены фокусов, выводящих на первый план разные элементы события. Описывается уровневая организация событийности (уровни образа референта, предложения и текстового фрагмента), анализируются особенности варьирования семантики событийности.

Ключевые слова: событие; событийность; не прямые номинации; наименование; текст; интерпретация.

Kiose M. I.

Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Linguistics, International Institute of Management LINK; e-mail: maria_kiose@mail.ru

INDIRECT NAMING OF EVENTS IN TEXT

The article focuses on the interpretative potential of indirect naming of events in texts. The dynamic aspect of the phenomenon is viewed as the integration of several ways of conceptualizing the referent and as focus shifts that make event components more or less salient. Eventuality of indirect naming is explored as possessing several levels (the conceptual level, the sentence level and the local textual level) at which various interpretative variants can be detected.

Key words: event; eventuality; indirect names; naming; text; interpretation.

Моделирование отношений изменения в событийных фреймах [24; 28; 33] посредством анализа их частных характеристик (движения, действия, силы и др.) [23; 27] в большинстве случаев ограничивается рамками отдельных высказываний. Хотя при этом выявляются основные модели конструирования события через его составляющие и типы отношений между ними (продолжительность, однократность, законченность/незаконченность, др.), событийность оказывается представленной в статическом плане. Исследование интерпретационных (с позиции читателя) особенностей организации событийности

¹ Исследование выполнено в ФГБУН «Институт языкознания РАН» при поддержке гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130).

в цепочечных прямых и не прямых текстовых номинациях позволяет уточнить динамическую роль событийности в тексте.

На первом этапе решения данной задачи на материале прямых и не прямых текстовых номинаций рассмотрим возможности организации текстового события. Обратимся к примерам.

Помимо явно несобытийных не прямых текстовых наименований, как в (1) [of Georgia land or soil] <...> *and the bloody glory of the sunset colored the fresh-cut furrows of red Georgia clay to even redder hues* [30, с. 12], где роль образа референта может быть интерпретирована как МЕСТО (компонент текстового события), и определено событийных, как в (2) *A car accident has taken her leg* [32, с. 9] (событие – автомобильная авария), встречаются и такие, которые могут быть истолкованы и как событийные, и как несобытийные. Например, в (3) *Now he began to talk in a sinister way about 'economics', by which he meant retiring permanently to the country, reducing the number of indoor servants, stopping bedroom fires* [36, с. 63] характер образа сначала неясен по причине слабоопределенной референции, что для интерпретатора вызвано использованием кавычек. В ситуации их отсутствия номинация определялась бы читателем как прямая, а образ референта как несобытийный, роль которого можно представить, скорее всего, как ОТНОШЕНИЯ. Интерпретации фокуса образа как несобытийного (более того, неакционального) помимо собственно семантики номинации «economics» способствовало бы ее синтаксическое положение в дополнении и в структуре лексической конструкции *to talk about (what?) something*. Последующие цепочечные прямые отглагольные номинации *retiring, reducing, stopping* в совокупности с предварительно подготавливающей интерпретатора «закавыченной» не прямой номинацией актуализируют интегративный образ с фокусными акциональными характеристиками. В итоге создается событийный образ; реконструируется единое событие – смена образа жизни. Следовательно, образ референта не прямой номинации «economics» представляет собой одно событие, вписанное в другое (состоявшийся рассказ о нем). Подобная ситуация наблюдается и при интерпретации примера (4) *The past year had taken a heavy toll on him* [20, с. 8], где *the past year* вначале актуализирует компонент ВРЕМЯ, но позиция подлежащего и последующая акциональность образа, возникающая за счет глагола *take* и в целом лексической конструкции *to take a heavy toll on somebody*, способствуют тому, что образ принимает новые

характеристики, которые связываются с СИЛОЙ, ДЕЙСТВИЕМ, возможно, с СОБЫТИЕМ. На последнее указывает и результативность, которая раскрывается в последующих высказываниях.

Предварительный анализ показал, что установление событийности/несобытийности образа референта в тексте в случае его непрямого наименования оказывается не всегда однозначным и подразумевает вариативность интерпретации. Однако вариативность должна быть ограничена интерпретационными возможностями не прямой номинации в тексте, иначе разные читатели будут по-разному устанавливать референциальные и кореферентные отношения в тексте. Интерпретация событийности текстового фрагмента читателями должна быть однозначной, поэтому роль образа референта не прямой номинации тоже должна определяться однозначно, при этом она явно самостоятельна (СОБЫТИЕ, ВРЕМЯ, СИЛА, ОБЪЕКТ, др.).

Исходя из сказанного можно утверждать, что вариативность интерпретации роли образа существует только для исследователя, а не читателя. Должен существовать некоторый путь, следуя которому читатель устраняет вариативность в интерпретации роли, ориентируясь на некоторые текстовые показатели событийности/несобытийности.

Для того чтобы установить данные показатели представляется необходимым определить, *что* лежит в основе вариативности исследовательской интерпретации событийности. В действительности вариативность интерпретации прослеживается уже в структуре самих подходов к пониманию данного феномена. Так, систематизация подходов выявила три основные направления в толковании событийности, и в каждом из них две крайности (широкое и узкое толкование):

– в нарратологии событие понимается широко, как нарратив целиком [31; 37], и узко, как противопоставленное участникам и обстановке как компонентам дискурса, видам информации в дискурсе (информации идентификации, обстановке, не прямой или ожидаемой информации) [25], перформативности, фону как совокупности экспланаторности и оценочности [29];

– в синтаксической семантике – широко, как «означаемое предложения» [3, с. 308], и узко, как вид ситуации (наряду со свойствами и состояниями как статическими ситуациями и процессами, которые вместе с событиями как действиями и происшестввиями являются динамическими ситуациями) [4; 6; 10; 11; 13; 17; 34; 35];

– в теории интерпретации – широко, как любое интерпретируемое повествование [7] или как психологический феномен [16], и узко, как совокупность интерпретируемых ситуаций [23] или прагматических установок [5; 15].

Тот факт, что событийность в разных лингвистических направлениях понимается и как многокомпонентное целое – нарратологическое, интерпретационное, синтаксическое; и как компонент этого целого, который сам организуется сложной системой отношений компонентов, лишней раз свидетельствует о том, что комплексное изучение феномена, функционирующего на стыке номинации и предикации в самом широком смысле (выступая то в качестве одного, то другого, то и того и другого вместе), невозможно без учета «постоянного и сложного взаимодействия его ономотологического (назывного) аспекта и механизма, реализующего коммуникативное задание» [3, с. 304]. И не прямое наименование в тексте, и событийность подразумевают две возможности своего исследования: через внетекстовые сугубо номинативные проявления и через текстовые проявления, что значительно расширяет возможности анализа.

Основываясь на том, что существуют две основные возможности актуализации событийности посредством не прямой номинации – либо ее образ определяется как событийный, либо он является компонентом текстового события – можно предположить, что вариативность возникает из-за того, что событийность/несобытийность образа референта не прямых номинаций сложным образом интегрирована в событийность/несобытийность текстового фрагмента.

Как в этом случае можно анализировать проявления событийности в образе референта?

В приведенных выше примерах вариативной интерпретации образа референта не прямой номинации в тексте прослеживаются три уровня репрезентации событийности: образа референта не прямой номинации; простого предложения; текстового фрагмента. Так, для интерпретатора образы референта изолированной номинации (5a) *the years*, номинации в предложении (5b) *The years had treated him well* [32, с. 39] и номинации в текстовом фрагменте (5c) *Just like fourteen years ago... You look great... The years had treated him well* [там же] будут различными; в качестве вариантов возможны ВРЕМЯ, ПРОЦЕСС, СИЛА, ЧЕРЕДА СОБЫТИЙ. Для образа референта не прямой номинации (6a) «ведьминым кипятком» [о сакэ] в предложении (6b)

Преподобный Согэн поперхнулся «ведьминым кипятком» [2, с. 22] текстового фрагмента (6с) *объявил асессор прямо с порога: Преподобный Согэн поперхнулся «ведьминым кипятком»*. Эми всплеснула рукавами [там же] такими вариантами могут быть ОБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ, ИНСТРУМЕНТ, СИЛА.

Уровневый анализ событийных проявлений позволяет увидеть, как меняется интерпретация образа. Для примера (5) роль в образе референта скорее определяется как ПРОЦЕСС, в предложении – как СИЛА, в текстовом фрагменте – как ЧЕРЕДА СОБЫТИЙ. В примере (6) роль в образе референта – ОБЪЕКТ, в предложении – ИНСТРУМЕНТ, в фрагменте – одновременно как ИНСТРУМЕНТ и ОБЪЕКТ, ОКАЗЫВАЮЩИЙ ДЕЙСТВИЕ.

Совершенно очевидно, что при анализе событийных проявлений необходимо рассматривать эту систему уровней репрезентации событийности в текстовом фрагменте с учетом ее интегративности.

Первый уровень репрезентации событийности определяется в тех случаях, когда в высказывании (событийном или несобытийном, судя по роли предиката) участвует непрямая номинация, означающая событийный образ референта. Например, в (7) *Tune your television to any channel it doesn't receive <...> The next time you complain that there is nothing on, remember that you can always watch **the birth of the universe*** [21, с. 31] речь идет о некоторой гипотетической ситуации, несобытийной, ориентированной на будущее (она еще дополнительно вводится перформативным *remember*), в которую вписан событийный образ референта – рождение Вселенной. Установление того, что это образ событийный, а не фактуальный, обеспечивается семантикой *watch*, предполагающей некоторую длительность действия, *birth* же при этом обеспечивает его завершенность. Поэтому перед нами образ события без участия агенса, событие-происшествие.

Второй уровень репрезентации событийности обнаруживается, когда пропозиция предложения определяется как событийная. Отметим, что к событийным пропозициям Е. В. Падучева относит такие, которые реализуют динамическую ситуацию как происшествие или результат [13, с. 224]). При этом должны обязательно выполняться два условия: 1) предложение должно быть пропозицией, она определяется Е. В. Падучевой как «потенциальный концепт предложения, т. е. такой смысл, который выражается в языке предикатной группой или группой какого-то другого сентенционального оператора – связки,

квантора и пр. (только не перформатива!)» [13, с. 36–37]; 2) пропозиция должна быть событийной.

Например, в (8) *When Philippe left Savannah forever, he took with him the glow that was in Ellen's heart and left for the bandy-legged little Irishman who married her only a little shell* [30, с. 44] пропозиция с участием агенса, активного финитного действия и экспериенцера является событийной. В ней в качестве экспериенцера участвует Эллен, несобытийный образ которой означает непрямою номинативной конструкцией *a little shell* (результат сближения областей знания ЖИВОЕ – НЕЖИВОЕ и ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ).

Необходимость **третьего (текстового) уровня репрезентации событийности** обусловлена тем, что могут быть варианты, когда не-пропозиции включают событийный образ референта или несобытийные пропозиции включают такой образ. Возможны и такие варианты, когда событийный или несобытийный характер образа определяется (или не определяется, как в случае со слабоопределенной референциальной установкой в ситуациях либо анафорического следования кореферентных прямых и не прямых номинаций, либо отсутствия прямых номинаций) только в структуре текстового фрагмента. Здесь речь должна идти о текстовой событийности, которую В. З. Демьянков характеризует как «гипотетическую интерпретацию», задаваемую некоторыми «координатами» (подтвержденность ожиданий, место события среди эпизодов дискурса, точка зрения) [7, с. 321–322]. Например: (9) *Berry hesitated <...> My mother died when I was born <...> [My father] was killed in a railway accident when I was three <...> his aunt adopted me <...> "What a gruesome mess you must have been at three," said the Biscuit meditatively* [38, с. 8].

Текстовый фрагмент несобытийный: он представлен диалогом, который вводится неакциональными глаголами (*hesitated, said*). Однако предложения событийные (события-результат), они реализованы пропозициями с участником, активным финитным действием (кроме событий-происшествий *My mother died, when I was born* и ситуации *When I was three*). Образ референта несобытийный, его роль можно определить как СУБЪЕКТ, ОБЛАДАЮЩИЙ НЕКОТОРЫМ КАЧЕСТВОМ.

Каким образом интерпретатором интегрируются разнопорядковые явления? Ведь на уровне репрезентации образов событийными

являются концептуальные элементы, на синтаксическом уровне – пропозиции, на текстовом – текстовые смыслы. Решение мы усматриваем в концепции О. К. Ирисхановой об интегративности разных уровней репрезентации (исследователь рассматривает уровни синтаксиса, лексической семантики и прагматики) за счет перераспределения во всех уровнях фокусных и нефокусных компонентов [8; 9].

Применительно к материалу и предмету данного исследования на каждом уровне репрезентации событийности можно разграничить фокусные, или активные, и нефокусные, или неактивные.

На уровне репрезентации образа – это фокусные и нефокусные элементы конструируемого образа. На уровне предложения – компоненты ремы и темы. На уровне текстового фрагмента – событийная часть (та, которая связывает две или более ситуации) и фоновая часть (сами ситуации) (по В. З. Демьянкову).

Ступенчатый анализ проявлений событийности в текстовых фрагментах с непрямыми номинациями позволяет определить границы интерпретационной вариативности роли образа референта не прямой номинации в конструировании фрейма СОБЫТИЕ в тексте и установить, в каких случаях потенциально событийная роль не прямой номинации высокая, а в каких – низкая. Высокая степень событийности реализуется тогда, когда оказывается в фокусе компонент РЕЗУЛЬТАТ или ПРОИСШЕСТВИЕ, низкая – иные компоненты: ВРЕМЯ, ЭТАПНОСТЬ, НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ, ОБЪЕКТ, ИНСТРУМЕНТ и др.

В результате получаем шкалу потенциала событийности текстовых не прямых номинаций. Его степень обусловлена выраженностью собственно семантики событийности, а также фокусным/нефокусным положением событийного элемента образа референта не прямой номинации в структуре образа, в предложении, в текстовом фрагменте.

На уровне репрезентации образа наибольшим событийным потенциалом обладают номинации, в фокусе образов которых оказывается финитное действие. Чаще всего это отглагольные номинации. Например, в (10) *Nobody goes in or out tonight without **the blessing** of Captain Fache* [20, с. 22]. В то же время событийность ослабляется в случаях означивания нефинитных действий, например, в (11) *В доме вечные эти звуки – Рахманинов, Гендель ... **тоска*** [1, с. 24] отглагольная номинация *тоска* не означает событийный референт (здесь и сам глагол *тосковать* нефинитный). Но в примере (12) *Freight supervisors*

were nervously watching **perishables** – hothouse flowers from Wyoming for New England; a ton of Pennsylvania cheese for Anchorage, Alaska; frozen peas for Iceland; live lobsters [26, с. 7] в образе референта нет событийности, хотя перед нами явно финитный глагол *to perish*. Но здесь словообразовательная модель интегрировала признаковые компоненты и используется для означивания конкретных референтов, а не ситуации.

На уровне предложения с положением номинации в выделенном члене ремы событийность возрастает, например, в (13) [*о партийном собрании*] *В четверг будет **ваша казнь**, Дима* [19, с. 187] непрямая акциональная номинация *казнь* означает именно событийный образ. В фокусе образа находятся акциональные элементы «подвергаться наказанию, несовместимому с дальнейшим существованием», налицо финитность и агентивность, это РЕЗУЛЬТАТ как центральный компонент СОБЫТИЯ (вторым центральным компонентом будет ПРОИСШЕСТВИЕ). Но если выделенный член ремы не совпадает с собственно предикатом, то акциональность ослабляется. В фокус выходят иные компоненты события, например, ИНСТРУМЕНТ в (14) *Мог снять с работы любого министра одной публикацией* [14, с. 123] о референте «написание и издание доноса», ВРЕМЯ НАЧАЛА СОБЫТИЯ в (15) *At twelve fifty-five, five minutes before the zero hour, I went up again for a final check* [22, с. 381] о референте «Обмен женами» и др.

На уровне текстового фрагмента событийный потенциал номинации зависит от того, попадает ли ее образ референта в событийную часть текстового фрагмента или нет. Например, в примере (16) *Была боязнь за **маму** – так звали между собой Людмилу Афанасьевну три ее ординатора-лучевика. Мамой она приходилась им и по возрасту <...> Она хотела, чтобы ту же старательность и въедливость усвоили все три **дочери*** [18, с. 218] номинации *мама*, *Людмила Афанасьевна*, *ординаторы-лучевики*, *дочери* определяются в структуре одного событийного фрейма как обладающие слабой степенью событийности, так как событийным центром фрагмента являются не типы отношений между этими персонажами, а практики лечения раковых больных. Фоновый компонент ОТНОШЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СОБЫТИЯ обладает слабой событийностью.

Таким образом, можно говорить о степени проявления событийности в образе референта: от слабой до сильной (компоненты

РЕЗУЛЬТАТ или ПРОИСШЕСТВИЕ). Саму шкалу интерпретационного варьирования степени событийности иллюстрируют следующие показатели (по возрастанию степени событийности): означивание конкретного референта, означивание нефинитного действия, означивание финитного действия, усиленная рематическая предикативная позиция, рематическая непредикативная позиция финитного действия, использование финитного действия репрезентации ситуации, использование финитного действия для репрезентации смены ситуаций в текстовом фрагменте.

Проведенный анализ показал, что непрямые номинации в тексте активно участвуют в конструировании события. Их роль в репрезентации текстовой событийности формируется на трех уровнях: образ референта, предложения и текстового фрагмента. Сами уровни интегрируются читателем-интерпретатором путем распределения фокусного / нефокусного событийного элемента. При этом событийный потенциал не прямой номинации шкалируется с учетом собственно семантики событийности и положения событийного элемента в предложении и текстовом фрагменте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аксенов В.* Остров Крым. – М.: Изографъ ; Эксмо, 2005. – 400 с.
2. *Акунин Б.* Нефритовые четки. – М.: Захаров, 2011. – 704 с.
3. *Арутюнова Н. Д.* Синтаксис // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М.: Наука, 1972. – С. 259–343.
4. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: оценка, событие, факт. – М.: Наука, 1988. – 339 с.
5. *Беляевская Е. Г.* Медийный дискурс: когнитивные модели интерпретации события (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 3. – С. 5–13.
6. *Булыгина Т. В.* К построению типологии предиката в русском языке // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С. 7–85.
7. *Демьянков В. З.* «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка, 1983. – Т. 42. – Вып. 4. – С. 320–329.
8. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
9. *Ирисханова О. К.* Реификация как свойство познания и коммуникации // Когнитивные исследования языка / Тема выпуска: Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях: сб. науч. тр. – 2015. – Вып. 23. – С. 216–226.

10. Маслов Ю. С. Категория совершенного / несовершенного вида в славянских языках // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1948. – Т. 7. – Вып. 4. – С. 303–316.
11. Падучева Е. В. Семантика вида и точка отсчета // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1986. – Т. 45. – № 5. – С. 413–424.
12. Падучева Е. В. Типы каузальных отношений в семантической структуре лексем // Russian linguistics. – 1994. – Vol. 18. – № 1. – С. 1–16.
13. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. – 5-е изд., испр. – М.: ЛКИ, 2008. – 296 с.
14. Поляков Ю. Гипсовый трубоч или конец фильма. – М.: Астрель : АСТ, 2008. – 381 с.
15. Рахилина Е. В., Ляшевская О. Н. Генитив субъекта и наречие пока: прагматика структуры события // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: сб. ст. в честь Е. В. Падучевой. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 664–675.
16. Руденко Д. И. Количественность и семантика имени // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – СПб.: Наука, 1996. – С. 181–213.
17. Селивёрстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С. 86–157.
18. Солженицын А. Раковый корпус. – М.: АСТ, 2014. – 512 с.
19. Трифонов Ю. Дом на набережной. – М.: Астрель : АСТ, 2008. – 221 с.
20. Brown D. The Da Vinci Code. – N. Y.: Anchor Books, 2011. – 490 p.
21. Bryson B. A short history of nearly everything. – London: Black Swan, 2004. – 672 p.
22. Dahl R. The collected short stories. – Basu Mudran, Kolkata: Penguin Books, 1995. – 762 p.
23. Evans V. Semantic representation in LCCM theory // New directions in cognitive linguistics. – Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2009. – P. 27–55.
24. Fauconnier G., Turner M. The Way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities. – N. Y.: Basic Books, Persus Books Group, 2002. – 440 p.
25. Grimes J. E. The thread of discourse. – The Hague: Walter de Gruyter, 1975. – 408 p.
26. Hailey A. Airport. – СПб.: Капоб, 2012. – 640 с.
27. Kövecses Z. Metaphor: A Practical Introduction. – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 375 p.
28. Lakoff G. Metaphors We Live By. – Updated ed. – Chicago ; London: University of Chicago Press, 2003. – 276 p.
29. Labov W., Waletzky J. Narrative analysis // Essays on the Verbal and Visual Arts. – Seattle : University of Washington Press. – 1967. – P. 12–44.

30. *Mitchell M.* Gone with the wind. – N. Y. : Avon Books, 1983. – 848 p.
31. *Pike K. L.* Language in relation to a unified human behavior. – Part 1. – Glendale CA. : Summer Institute of linguistics, 1954. – 170 p.
32. *Sparks N.* The Notebook. – N. Y. : Vision, 2004. – 240 p.
33. *Talmy L.* Toward a cognitive semantics. – Cambridge ; London : A Bradford Book. The MIT Press, 2000. – Vol. 1. Concept structuring systems. – 495 p.
34. *Vendler Z.* Verbs and times // The Philosophical Review. – Vol. 66. – Issue 2. – 1957. – P. 143–160.
35. *Vendler Z.* Verbs and times // Linguistics in philosophy. – 1967. – P. 97–121.
36. *Waugh E.* Short Stories. – N. Y. ; Boston ; London : Little, Brown and Company, 2010. – 512 p.
37. *Winograd T. A.* Understanding natural language. – Michigan : Academic Press, 1972. – 191 p.
38. *Wodehouse P. G.* Big money. – London : Penguin Books, 2004. – 304 p.

УДК 81'27; 81'33; 159.942

Л. Р. Комалова

кандидат филологических наук кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, факультета английского языка МГЛУ; и. о. ст. научного сотрудника ИНИОН РАН; e-mail: GenuinePR@yandex.ru

ПЕРЦЕПТИВНО-СЛУХОВОЙ ПРОФИЛЬ (ОБРАЗ) АГРЕССОРА¹

В статье представлены результаты эксперимента по воссозданию образа агрессора на основе перцептивно-слухового анализа образцов звучащей речи на русском, английском, испанском и татарском языках применительно к эмоционально-модальному комплексу «агрессия» (ЭМКА). В анализируемых языках ЭМКА представлен набором отрицательных эмоций / эмоционально-модальных состояний и характеризуется устойчивым перечнем просодических признаков, фиксируемых аудитором (женщинами и мужчинами – носителями русского языка). Полученные результаты дают основание говорить о стереотипном перцептивно-слуховом образе агрессора.

Ключевые слова: слуховая перцепция; гендер; коммуникативный акт «агрессия»; эмоционально-модальное состояние.

Komalova L. R.

Ph. D. (Philology), Department of Applied and Experimental Linguistics, Faculty of the English Language, MSLU; Acting Senior Researcher, INION RAS; e-mail: GenuinePR@yandex.ru

AUDITORY-PERCEPTUAL PROFILE (IMAGE) OF AN AGGRESSOR

The paper represents the results of the experimental research aiming at reconstruction of the auditory-perceptual image of an aggressor (based on the material of Russian, British and American English, Castilian Spanish and Kazan Tatar speech samples). It can be declared that the analyzed speech material is characterized by the emotional-modal complex of negative emotions and by a stable set of prosodic parameters successfully recognized both by male and female listeners. The obtained data confirms the existence of a stereotype prosodic image of a male / female aggressor.

Key words: auditory perception; gender; communicative act «aggression»; emotional-modal state.

Введение

Значимость исследования слуховой перцепции при изучении речевой реализации агрессии нельзя переоценить в силу того, что именно

¹ Исследование проводится при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект №14-18-01059.

индивидуально-субъективный характер идентификации агрессии в процессе межличностной коммуникации превалирует над формализованной субъективной процедурой. «Особое жизненное значение слуха определяется его превосходством по отношению к иным рецепторам в ориентации в пространстве и времени. Безусловно, что для большинства животных слух выступает основным рецептором, фиксирующим приближение опасности и тем самым обеспечивающим безопасность» [7, с. 169]. Несмотря на то, что доля слухового восприятия в системе мультимодальной перцепции человека не является ведущей, заключение о типе объекта и решение о реакции на проявления внешней среды, как правило, на треть основаны на информации, получаемой по слуховому каналу [3; 4; 9; 15; 16–18].

Слуховое восприятие в системе мультимодального восприятия играет серьезную роль при формировании образа субъектов-участников акта агрессии. Просодическая компонента данного образа складывается в зависимости от позиции реципиента, его установок, индивидуально-личностных психологических особенностей, но целостный образ субъекта акта агрессии корректируется также в зависимости от пола реципиента и воспринимаемых субъектов. Вес слухового восприятия становится ведущим в ситуациях, когда взаимодействие с партнером по коммуникации ведется только на основе устно-речевой информации без опоры на источники информации [4]. Кроме того, в ситуации реализации агрессии в устно-речевой коммуникации выбор стратегии ухода от негативного воздействия является затруднительным (по сравнению с ситуацией контаминации коммуникативной среды номинации семантического поля «агрессии», например, в СМИ), значит, реципиент вербализованной агрессии/речевого оформления реализации агрессии вынужденно становится участником коммуникативного акта агрессии, как правило, его жертвой, испытывая на себе травмирующее воздействие [2; 5; 8].

В связи с этим ситуация вербальной реализации агрессии рассматривается как типичное коммуникативное событие, характерное для межличностной коммуникации в любой лингвокультуре.

Социальные психологи утверждают, что данный акт расценивается как агрессивный в силу того, что в восприятии реципиента он соотносится с атрибуциями агрессии [12–14]. В связи с этим значимым представляется исследование слухового восприятия эмоционально-модального комплекса «агрессия», реализуемого в коммуникативном акте.

Методика и процедура эксперимента

Методом, соответствующим задачам настоящего исследования, служит перцептивно-слуховой анализ, суть которого заключается в качественной оценке группой аудиторов речевого материала по перечню заданных просодических характеристик.

Для проведения экспериментов была сформирована группа испытуемых из 56 чел. (43 женщины и 13 мужчин) – носителей русского языка, изучающих английский язык и не знакомых с испанским и татарским языками, студентов III–IV курсов в возрасте 19–23 лет, обучающихся по гуманитарным направлениям подготовки.

Экспериментальный речевой материал представлял корпус аутентичных образцов монологической речи ($n=100$, общая продолжительность звучания всех фонограмм корпуса составила 26 мин. 15 с.) говорящих, воспринимаемых как агрессоры. Фонограммы были дифференцированы по десять образцов для каждой группы информантов (мужчин и женщин) для русского, американского варианта английского, британского варианта английского, кастильского варианта испанского и казанского варианта татарского языков.

Испытуемым предлагалось, прослушивая каждую фонограмму необходимое количество раз, ответить на вопросы специальных анкет (по методике перцептивно-слухового анализа Р. К. Потаповой). Задания выполнялись строго индивидуально.

Результаты экспериментального исследования

Коммуникативно-речевое поведение информантов на всех анализируемых фонограммах испытуемые охарактеризовали как наступательный вид агрессии, направленный на другого партнера по коммуникации, имеющий деструктивный характер и являющийся осознанным.

Было выявлено, что просодический образ агрессора (на материале русского, английского, испанского и татарского языков в условиях одноканального слухового восприятия) детектируется на базе комплекса эмоциональных / эмоционально-модальных состояний говорящего, ассоциируемых реципиентом (носителем русского языка) с агрессией. Из предложенных номинаций, наиболее точно описывающих ведущее эмоциональное / эмоционально-модальное состояние агрессора, следует отметить *негодование*, *гнев*, *ярость*, *обиду*, получившие наибольшее число оценок.

Негодование проявляется у информантов-мужчин и информантов-женщин в равной мере, в то время как мужчины более склонны к проявлению гнева и ярости, а женщины – обиды. Проанализировав количественные показатели по номинациям *обида* и *ненависть*, характеризующих аутоагрессию, можно прийти к выводу, что агрессия мужчин более экстерииоризирована, чем женщин. Просодические профили (образы) агрессора-мужчины и агрессора-женщины имеют ряд схожих характеристик (см. табл. 1–2). Скачкообразная мелодика (изрезанность мелодического контура), минимальная длительность пауз, превалирование отрицательных тембральных оттенков голоса (голос резкий, грубый, неприятный) в сочетании с оценкой речевого поведения говорящего как наступательного вида агрессии в комплексе с целым набором отрицательных эмоциональных/эмоционально-модальных состояний средней/высокой интенсивности характеризуется как *обобщенный перцептивный профиль агрессора*.

Таблица 1

Перцептивно-слуховые особенности голоса агрессора
(средние нормированные значения)

Параметр	Признаки параметра	Агрессор	
		женщина	мужчина
Высота голоса	низкая	6,6	12
	средняя	31	37
	высокая	19	7,3
Сила голоса	слабая	1,6	3,2
	средняя	27	27
	сильная	27	26
Окраска голоса (тембр) – попарно	звонкий	30	20
	глухой	13	20
	чистый	20	20
	хриплый	14	17
	певучий	7,2	7,2
	резкий	31	31
	мягкий	7,4	5,6
	грубый	23	26
	приятный	7,5	9,3
	неприятный	19	19

Перцептивно-слуховые особенности речи агрессора
(средние нормированные значения)

Параметр	Признаки параметра	Агрессор	
		женщина	мужчина
Мелодика	плавная	9,4	11
	скачкообразная	43	43
	монотон	3,1	1,8
Темп	медленный	9,3	4,6
	средний	26	34
	быстрый	21	17
Ритм	четкий	36	33
	нечеткий	20	23
Паузы	короткие	33	29
	средние	14	18
	длинные	2,1	3,4
	хезитации	7,6	6,7
Дыхание	нормальное	22	27
	прерывистое	24	19
	дискомфортное	11	9,8
Приоритет	просодия	35	33
	вербалика	26	24
	оба параметра	9,8	9,4

Проверка числовых значений каждого параметра на статистическую значимость [11] подтвердила их валидность.

В настоящем исследовании на основе данных проведенного перцептивно-слухового анализа речевого материала удалось выявить следующие профили эмоционально-модального комплекса «агрессия» для исследуемых языков.

Русскоязычная женщина-агрессор на этапе эскалации эмоционально-модального комплекса «агрессия», проявляя наступательный вид агрессии, испытывает сильные отрицательные эмоции ярости и ненависти, перемежаемые с отрицательными эмоционально-модальными состояниями (далее – ЭМС) негодования и обиды. Ее речь характеризуется скачкообразной мелодикой (резкими сменами на уровне мелодических регистров с чередованием пиков и спадов), четким ритмом и умеренно-средним темпом. Голос средней высоты.

Сила голоса изменяется от средней к сильной. Отмечается минимальная длительность пауз (короткие паузы). Отмечается прерывистое дыхание. В описании тембра превалируют отрицательные оттенки голоса (голос резкий, грубый, неприятный).

Русскоязычный мужчина-агрессор на этапе эскалации, проявляя наступательный вид агрессии, испытывает сильные отрицательные эмоции гнева и ярости в сочетании с отрицательным ЭМС тревоги. Его речь характеризуется скачкообразным мелодическим рисунком, четким ритмом в сочетании с умеренно-средним темпом, короткими паузами. Голос воспринимается как средний по высоте и силе. Отмечается нормальное дыхание. В окраске голоса ведущими являются отрицательные тембральные оттенки (голос глухой, резкий, грубый, неприятный).

Женщина-агрессор – носитель американского варианта английского языка на пике актуализации эмоционально-модального комплекса «агрессия», проявляя наступательный вид агрессии, испытывает сильные отрицательные эмоции ярости, гнева, ненависти в сочетании с отрицательными ЭМС негодования и обиды. Динамические показатели голоса не отклоняются от средних значений. Мелодический рисунок речи скачкообразный. Темп речи быстрый. Ритм четкий. Речевые паузы короткие. Речевое дыхание нормальное. Тембр голоса характеризуется преобладанием положительных оттенков (голос звонкий, чистый, мягкий).

Мужчина-агрессор – носитель американского варианта английского языка при переходе от эскалации к пику эмоционально-модального комплекса «агрессия», проявляя наступательный вид агрессии, испытывает сильные отрицательные эмоции гнева и ярости в сочетании с отрицательным ЭМС негодования. Показатели высоты голоса на среднем уровне, сила голоса сильная. Мелодический рисунок речи скачкообразный. Ритм четкий. Темп умеренно-средний. Речевые паузы минимальной длины. Речевое дыхание нормальное. В окраске голоса отмечены только отрицательные тембральные оттенки (голос глухой, хриплый, резкий, грубый, неприятный).

Женщина-агрессор – носитель британского варианта английского языка на этапе эскалации эмоционально-модального комплекса «агрессия», проявляя наступательный вид агрессии, испытывает сильную отрицательную эмоцию ярости в сочетании с отрицательными ЭМС негодования и обиды. Динамические показатели голоса на

среднем уровне. Мелодика речи скачкообразная. Ритм четкий. Темп умеренно-средний. Паузы минимальные. Дыхание нормальное. В голосе преобладают положительные тембральные оттенки (голос звонкий, чистый, мягкий).

Мужчина-агрессор – носитель британского варианта английского языка на этапе эскалации эмоционально-модального комплекса «агрессия», проявляя наступательный вид агрессии, испытывает сильные отрицательные эмоции гнева и ярости в сочетании с отрицательным ЭМС негодования. Динамические показатели голоса не отклоняются от среднего уровня. Мелодический рисунок речи скачкообразный. Ритм четкий. Темп умеренно-средний. Паузы короткие. Дыхание нормальное. В окраске голоса отмечаются только отрицательные тембральные оттенки (голос глухой, хриплый, резкий, грубый, неприятный).

Женщина-агрессор – носитель кастильского варианта испанского языка на этапе эскалации эмоционально-модального комплекса «агрессия», проявляя наступательный вид агрессии, испытывает сильную отрицательную эмоцию гнева в сочетании с отрицательными ЭМС негодования и обиды. Динамические показатели голоса на среднем уровне. Мелодика речи скачкообразная. Ритм четкий. Темп быстрый. Паузы минимальной длины. Дыхание нормальное. В окраске голоса преобладают отрицательные тембральные оттенки (голос резкий, грубый, неприятный).

Мужчина-агрессор – носитель кастильского варианта испанского языка на этапе эскалации эмоционально-модального состояния «агрессия», проявляя наступательный вид агрессии, испытывает сильные отрицательные эмоции гнева и ярости в сочетании с отрицательным ЭМС негодования. Динамические показатели голоса на среднем уровне. Мелодический рисунок речи скачкообразный. Ритм четкий. Темп воспринимается как быстрый. Паузы короткие. Дыхание прерывистое. В окраске голоса отмечены только отрицательные тембральные оттенки (*голос глухой, хриплый, резкий, грубый, неприятный*).

Женщина-агрессор – носитель казанского варианта татарского языка на этапе эскалации эмоционально-модального комплекса «агрессия», проявляя наступательный вид агрессии, испытывает сильную отрицательную эмоцию гнева в сочетании с отрицательными ЭМС негодования и обиды. Динамические показатели голоса на среднем уровне. Мелодика скачкообразная. Ритм четкий. Темп

умеренно-средний. Паузы короткие. Дыхание нормальное. В окраске голоса преобладают отрицательные оттенки (голос резкий, грубый, неприятный).

Мужчина-агрессор – носитель казанского варианта татарского языка на этапе эскалации эмоционально-модального комплекса «агрессия», проявляя наступательный вид агрессии, испытывает сильные отрицательные эмоции ярости и гнева в сочетании с отрицательным ЭМС негодования. Динамические параметры на среднем уровне. Мелодический рисунок речи скачкообразный. Ритм четкий. Темп умеренно-средний. Паузы минимальной длины. Речевое дыхание нормальное. Окраска голоса характеризуется только отрицательными тембральными оттенками (голос глухой, хриплый, резкий, грубый, неприятный).

Скачкообразный мелодический рисунок речи как мужчин, так и женщин-агрессоров свидетельствует о состоянии эмоционального дисбаланса, смешанных чувств.

Можно предположить, что *четкий ритм речи* (и мужчин, и женщин) свидетельствует об уверенности говорящего в содержании и форме сообщаемого, стремлении донести до реципиента смысл сообщения в полном объеме, воздействующем характере речи, что соотносится с интенцией наступательного вида агрессии навязать свою позицию / точку зрения.

Наличие *пауз минимальной длительности* (в речи мужчины и женщины) характеризует позицию говорящего как доминирующую, не дающую реципиенту возможности высказать свою позицию, обдумать свой ответ. По нашему мнению, подобная речь в описываемых коммуникативных условиях вынуждает реципиента сконцентрировать всё свое внимание только на воспринимаемом и оставаться в позиции объекта (жертвы агрессии).

Дыхание агрессора в основном характеризуется как нормальное, что говорит о его относительно уравновешенном эмоциональном состоянии и коррелирует с оценкой осознанности (а значит, намеренности) агрессивных действий говорящего. Прерывистость дыхания может указывать на его форсирование через суженную гортань, что, в свою очередь, рассматривается как «жест агрессивности/отрицательной аксеологической оценки» (по С. В. Кодзасову).

В голосе агрессора (мужчины и женщины) преобладают отрицательные *тембральные оттенки* (глухость, хрипота, резкость,

грубость, неприятность). По мнению Р. К. Потаповой и В. В. Потапова, «сипловатый, хрипловатый тип фонации может сигнализировать применительно ко многим культурам глубоко переживаемые чувства. Резкое падение основного тона голоса при наличии скрипуче-хриплой фонации сигнализирует в коммуникации русских и англичан о стремлении к тому, чтобы унижить партнера по коммуникации, сделать ему больно, дискредитировать его в глазах других» [10, с. 297]. С. В. Кодзасов, рассматривая просодические техники экспрессивной интеракции и их функции, указывает на то, что скрипучий голос является жестом отрицательной оценки коммуникативной ситуации / речевого сообщения / партнера по коммуникации [1, с. 196].

Следует также отметить, что при оценке эмоционально-модального комплекса «агрессия» испытуемые в большей мере опираются на просодические параметры, чем на языковые. Данное замечание относится к полученным в ходе эксперимента оценкам речевого материала как на родном (русском) языке, так и на изучаемом (английском) и незнакомом (испанском, татарском) языках.

Заключение

При исследовании феномена агрессии наряду с механизмами реализации агрессивного поведения (когнитивно-коммуникативно-поведенческими паттернами субъекта агрессии – агрессора) следует учитывать восприятие всех субъектов коммуникативного акта агрессии: жертвы, агрессора и третьих лиц.

Воспринимаемые слуховые образы мужчины и женщины-агрессора подтверждают гипотезу о негативном характере эмоционального / эмоционально-модального фона коммуникативного акта «агрессия».

С нашей точки зрения, феминный и маскулинный профили агрессора объясняются стереотипным ожиданием агрессивных действий скорее со стороны мужчины, чем со стороны женщины, что, в свою очередь, обуславливает большую воспринимаемую выраженность отрицательных тембральных оттенков голоса и тенденции к усилению голоса мужчины-агрессора. Та же закономерность, по нашему мнению, проявляется в отношении гендерных особенностей восприятия говорящего противоположного с реципиентом пола. Женщины-реципиенты приписывают мужчинам-агрессорам просодические признаки, создающие воспринимаемый образ более сильного, более уверенного в своих действиях субъекта. Женщины (испытуемые-аудиторы) воспринимают

голос агрессора-мужчины (информанта) как более сильный по сравнению с силой голоса агрессора-женщины, а паузы в речи агрессоров-мужчин – как более длительные. Напротив, мужчины (испытываемые-аудиторы) воспринимают голос агрессора-женщины (информанта) как более высокий по сравнению с голосом агрессора-мужчины. Женщины воспринимают речевой ритм агрессора (мужчин и женщин) как четкий, в то время как мужчины – как нечеткий.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает утверждение Дж. Коутс о том, что «мужчины и женщины действительно придерживаются разных коммуникативных стилей: в смешанных диалогах это означает, что мужчины доминируют в разговоре, перебивая женщин, удерживая контроль над темой, а также прибегая к молчанию» [6, с. 349].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кодзасов С. В.* Исследования в области русской просодии. – М. : Языки славянских культур, 2009. – 496 с.
2. *Комалова Л. Р.* Вербальный образ субъекта агрессии в русскоязычных сетевых СМИ // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*: в 3 ч. – Ч. 2. – Тамбов : Грамота, 2016а. – № 5 (59)– С. 96–98.
3. *Комалова Л. Р.* Восприятие негативных эмоциональных состояний по слуховому каналу (на материале многоязычия) // *Вестник Минск. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1. Филология.* – Минск : Минск. гос. лингвист. ун-т, 2012. – № 3 (58). – С. 5–17.
4. *Комалова Л. Р.* Сопоставление слухового и зрительного видов восприятия агрессивного речевого поведения // *Прагмалингвистическое многоголосие.* – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. – С. 114–128. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 15 (754). Сер. Языкознание).
5. *Комалова Л. Р.* Язык и речевая агрессия: Аналитический обзор. – М.: ИНИОН РАН, 2015. – 75 с.
6. *Коутс Дж.* Гендерные различия в коммуникативной компетенции // *Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия / пер. с англ. ; отв. ред. Н. Б. Вахтин.* – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. – С. 310–354.
7. *Потапова Р. К., Комалова Л. Р.* Гендерно-обусловленное восприятие вербальной реализации эмоционального состояния агрессии // *Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты: Ежегодник: Человек ощущающий: Перцепция в современном гуманитарном знании.* – М.: ИНИОН РАН, 2015. – С. 169–180.

8. *Потапова Р. К., Комалова Л. П.* Информационная структура письменного текста, содержащего речевые индикаторы состояния «агрессия» // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Гнозис, 2016. – С. 595–603.
9. *Потапова Р. К., Комалова Л. П., Бобров Н. В.* Акустический образ эмоционального состояния, близкого к состоянию агрессии // Речевая коммуникация в информационном пространстве / отв. ред. Р. К. Потапова. – М.: Ленанд, 2016. – С. 37–51.
10. *Потапова Р. К., Потапов В. В.* Речевая коммуникация: от звука к высказыванию. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 464 с.
11. *Сидоренко Е. В.* Методы математической обработки в психологии. – СПб.: Социально-психологический центр, 1996. – 352 с.
12. *Bandura A.* Aggression: A social learning analysis. – Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall, 1973. – 390 p.
13. *Baron R. A.* Human aggression. – N.Y.: Plenum, 1977. – 236 p.
14. *Berkowitz L.* Aggression: Its causes, consequences and control. – N. Y.: Mc Graw-Hill, 1993. – 204 p.
15. *Komalova L.* Interpersonal conflict as catalyst of verbal aggression // Nauchnyi vestnik Voronezh. gos. arh.-stroit. un-ta. Sovremennyye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya. – 2015. – Вып. 2 (9). – P. 45–55.
16. *Potapova R., Komalova L.* Auditory-perceptual recognition of the emotional state of aggression // A. Ronzhin, R. Potapova, N. Fakotakis (Eds.): SPECOM 2015, LNAI 9319. – Springer International Publishing Switzerland, 2015. – P. 89–95. Lecture Notes in Computer Science series. DOI: 10.1007/978-3-319-23132-7_11
17. *Potapova R., Komalova L.* Multimodal perception of aggressive verbal behavior // A. Ronzhin, R. Potapova, G. Németh. (Eds.): SPECOM 2016, LNAI 9811. – Springer International Publishing Switzerland, 2016. – P. 499–506. Lecture Notes in Computer Science series. DOI:10.1007/978-3-319-43958-7_60
18. *Potapova R., Komalova L., Bobrov N.* Acoustic markers of the emotional state «aggression» // A. Ronzhin, R. Potapova, N. Fakotakis (Eds.): SPECOM 2015, LNAI 9319. – Springer International Publishing Switzerland, 2015. – P. 55–64. Lecture Notes in Computer Science series. DOI: 10.1007/978-3-319-23132-7_7

УДК 81'37

В. Г. Кузнецов

доктор филологических наук, профессор кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка МГЛУ;
e-mail: vgk.avamo@mail.ru

КОНЦЕПТ «СОБЫТИЕ» В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматривается когнитивная структура концепта «событие». В качестве основы исследования вербализации данного концепта используется понятие когнитивной семантики «фрейм». Раскрывается когнитивное содержание слотов фрейма и особенности их вербализации лексическими и дискурсивными средствами трех языков – русского, английского и французского.

Ключевые слова: событие; концепт; фрейм; слот; вербализация; вербализатор; дискурсивные средства.

Kuznetsov V. G.

Doctor of Philology, Professor, Department of French Lexicology and Stylistics, Faculty of the French Language, MSLU; e-mail: vgk.avamo@mail.ru

CONCEPT “EVENT”: COGNITIVE-DISOURSE ASPECT

The paper discusses the cognitive structure of the concept “event”. The study of the verbalization of this concept is based on the notion of cognitive semantics of Frame. The author examines the cognitive content of the slots of the frame and the particularities of their verbalization by lexical and discourse means in three languages – Russian, English and French.

Key words: event; concept; frame; slot; verbalization; verbalizator; discourse means.

Определение понятия «концепт» продолжает оставаться дискуссионным. Концепт определяется нами как ментальный структурированный комплекс категориальной природы, репрезентирующий совокупность знаний языкового коллектива об отображаемом фрагменте объективной действительности и вербализуемый языковыми средствами, характеризующимися этносемантическим содержанием. Концепт представляет собой явление социального, инвариантного и категориального характера, означает не единичные предметы, а их классы и категории и в силу этого обозначается словами с широкой семантикой, как правило, абстрактными существительными.

Концепт «событие» в силу своей многогранности является предметом изучения не только гуманитарных, но и точных наук. Возникло и успешно развивается междисциплинарное направление исследований – *эвентология*, связывающее философию и математику с естественными, гуманитарными, социоэкономическими и точными науками: теорией вероятностей и информации, психологией, экономикой. Теория перспектив объединяет экономику и психологию. Эвентология ставит перед собой долгосрочную задачу – на основе разрабатываемой методологии быть в состоянии объективно оценивать настоящие события, восстанавливать прошлые и предсказывать будущие. Возникло даже такое направление, как *эвенто-менеджмент* – практическое применение менеджмента в области проектирования организации и проведения мероприятий и событий. Относительно недавно появился событийный туризм: поездки приурочены к каким-либо событиям – историческим, культурным (музыкальные шоу, фестивали, карнавалы), спортивным, в сфере бизнеса.

В разных науках концепт «событие» определяется по-разному. В истории – это эпоха, рассматриваемая как совокупность, цепочка исторических событий в определенной последовательности. Философия рассматривает соотношение между событием и фактом. В физике событие трактуется весьма широко: изменение состояния мира в определенный момент времени. В ядерной физике любое изменение в пространстве и времени – это событие. В технике безопасности используется термин «дерево событий» – алгоритм рассмотрения ряда событий как следствие основного, например, какой-либо аварийной ситуации.

Концепт «событие» исследуется и в когнитивной лингвистике. Он характеризуется широтой семантики и обобщенностью. Определение «события» в лингвистике сближается с его толкованием в философии и физике и не является собственно лингвистическим. Л. Талми рассматривает событие как модель изменения состояния объекта [3], а П. Дурст-Андерсен как состояние, являющееся результатом некоторой деятельности [2]. При этом неясно, что понимается под деятельностью.

В качестве основы исследования вербализации концепта «событие» используется понятие когнитивной семантики «фрейм». Мы понимаем фрейм как схематическое представление содержательной

структуры концепта. Схематично фрейм концепта «событие» можно представить следующим образом. В составе фрейма ключевыми являются вершинные узлы: субъект и объект, в качестве которого выступает событие. Особенность субъекта в том, что им может быть только человек. Таким образом, значение слова «событие» является антропометрическим. Возможен субъект единичный и коллективный.

В толковых словарях событие определяется как объективная реальность, существующая независимо от нашего сознания. Таким образом, событие может происходить только в материальном, а не в идеальном мире.

Объект-событие не поддается исчислению, поскольку любое изменение порядка вещей во времени и пространстве может восприниматься субъектом как событие.

Вершинный узел фрейма «событие» можно представить в следующем виде:

Субъект	Объект-событие
– индивидуальный / коллективный	– предвиденное / непредвиденное
– инициатор / наблюдатель	– регулируемое / нерегулируемое
– предсказатель	– локус / время
– предсказатель	– инициатор / результат
– оценивающий	– участники

Прежде чем приступить к вербализации слотов полезно рассмотреть внутреннюю форму лексемы «событие» в трех языках в этносемантическом аспекте. Внутренняя форма русской лексемы становится понятной при морфологическом членении: со-бы́тие. В XIX в. внутренняя форма была более прозрачна. В. Даль соотносил «событие» с глаголом «сбываться». Событие имело значение ожидаемого, предсказанного происшествия, тогда как «случай» (от глагола «солучать») обозначал происшествие неожиданное, непредвиденное. Адъективное образование «событный» имело значение «современный». В XX в. это слово вышло из употребления, появился дериват «событийный» в значении «имеющий отношение к событиям, богатый событиями». Установление внутренней формы слова на основе этимологического анализа позволяет объяснить широкозначность и узкозначность (гипер-гипонимию) слов, вербализующих концепт «событие».

Лексема *событие* в русском языке является гиперонимом, словом с широким значением, и включает в свою семантику значения следующих слов: 1) происшествие; 2) случай; 3) случайность; 4) явление; 5) факт; 6) инцидент; 7) приключение; 8) курьез; 9) казус (*разг.*); 10) эпопея; 11) драма; 12) катастрофа; 13) перипетия.

Английское *event* восходит к лат. этимону *ēventus* от причастия прошедшего времени *ēvenīre* «случаться, происходить, проявляться». В классической латыни *ēventum* имело два значения: 1) событие, происшествие и 2) исход, результат. Семантическая структура английской лексемы шире русского эквивалента и включает специальные значения: соревнование, сейсмическое явление, авария на АЭС, такт (двигателя внутреннего сгорания). Специальные значения свидетельствуют о том, что изменение статичного состояния вещей воспринимается как событие, включая перемещение поршня в цилиндре. Деривационные образования шире, чем в русском: *eventful* «богатый событиями», *eventless* «бедный событиями», *eventing* «конноспортивное состязание», *eventive* «ивентивный, событийный». Последнее заимствовано русским языком: событийный (ивентивный) туризм, ивент-менеджмент.

Лексема *event* является родовым для следующих слов: *happening, occurence, case, incident, accident, affair, eventuality, fact, phenomenon, adventure, epic, peripeteia, catastrophe, drama*. *Happening* представляет собой гипероним и имеет значение «случай, событие» в широком смысле. Значение *occurence* более конкретно: случай, явление, происшествие, обозначает событие в общем значении, относящееся к обычному состоянию дел: *everyday / common occurence*. *Incident* – не крупномасштабное событие, как правило, неприятного характера: *frontier / border incidents*. *Accident* – неожиданное, сопровождаемое ущербом, неприятное происшествие. *Affair* – событие или последовательность взаимосвязанных событий. *The meeting was a noisy affair*. *Eventuality* – случайность. *Fact* – истинное событие, явление. *Phenomenon* – проявление к.-л. сил, процессов и т. п. *Adventure* – событие неожиданное, обычно опасное. *Epic* – историческое событие, ряд событий, имеющих большое социальное значение. *Peripeteia* – неожиданное, осложненное, трудно преодолимое обстоятельство, событие. *Catastrophe* – внезапное, неожиданное, ужасное событие, приносящее большие страдания, разрушения. *Drama* – вызывающее сильное волнение, переживания, неприятное событие.

Французское *événement* имеет тот же латинский этимон, что и английское *event*, также является гиперонимом и включает в свой семантический состав значения следующих слов, являющихся, собственно говоря, гипонимами: *affaire, incident, accident, fait, hasard, éventualité, aventure, péripéties, épopée, catastrophe, drame*. *Événement* имеет всего одно производное *événementiel* «относящееся к событию, событийный». Значения этих гипонимов в основном совпадают с английскими, за исключением *hasard* – «счастливое или несчастливое событие, вызванное стечением обстоятельств – случайность».

Рассмотрим когнитивное содержание слотов концепта «событие» и особенности их вербализации лексическими единицами трех языков. Событие может быть предвиденным и непредвиденным. Непредвиденное событие может быть как положительным, так и отрицательным. Большинство лексем трех языков с событийным значением вербализуют именно непредсказуемые события: происшествие, случай, случайность, инцидент, приключение, курьез, казус (*разг.*), драма, катастрофа, перипетия. Между этими словами есть определенные различия: *происшествие* – слово с общим, нейтральным значением; *случайность* – в отличие от ситуации более непредвиденное, неожиданное происшествие; *инцидент* – происшествие обычно неприятное; *приключение* – содержит сему «неожиданность»; *курьез* – забавный, странный, необычный случай; *казус (разг.)* – случай (обычно странный или неприятный), зависящий от воли субъекта; *перипетия* – внезапно осложненные события, перемены в ч.-л. жизни. Таким образом, в русском языке вербализуются следующие признаки слотов концепта «событие»: непредвиденность, непредсказуемость, неожиданность, внезапность, неприятность, необычность. Те же признаки вербализуются лексемами английского и французского языков, при этом в них имеется не встречающийся в русском гипоним *accident* – неожиданное, сопровождаемое ущербом, неприятное происшествие, но отсутствуют прямые эквиваленты слов «курьез» и «казус», которые передаются описательно: (*англ.*) *curious amusing incident* и *extraordinary occurrence*; (*фр.*) *cas curieux* и *incident curieux*.

Предсказуемость события зависит от его характера и способности в этом плане субъекта. Предсказуемыми являются повторяющиеся, обладающие определенной закономерностью, природные явления, например, гром после молнии, приливы и отливы и др. Ю. М. Лотман писал, что событие – это то, что произошло, но могло и не произойти.

Здесь возникает вопрос об ожидании события, стремлении субъекта прогнозировать его последствия. Во все времена люди стремились предугадать последующие события. Этому занятию посвящали себя египетские жрецы, античные оракулы, средневековые астрологи, маги и гадалки.

Философы экзистенциализма (Сартр, Камю, Хайдеггер, Бердяев) отрицали возможность рационального прогнозирования событий. В то же время ученые накопили данные о причинных связях цепочек событий, вероятности их наступления. В 1970–1980-е гг. сформировалась научная дисциплина – прогностика, которую называют также футурологией. Выше упоминалось учение о событиях – эвентология, которое устанавливает общие и частные событийные закономерности. В этом плане концепт «событие» соприкасается с концептом «прогнозирование». Событие всегда происходит во времени и в пространстве. Пространственно-временная характеристика передается дискурсивными средствами: *Событие в масштабах всего региона. Случилось это событие в знаменательный день*. Временной фактор присутствует в таком вербализаторе, как *эпопея, epic, épopée* – ряд событий, произошедших в определенный исторический период и имеющих большое социальное значение: *Эпопея Ленинграда – это героическая эпопея о великой силе русского народа*.

Указание на результат события присутствует в двух вербализаторах русского языка и их эквивалентов в английском и французском: *катастрофа* – событие с трагическими последствиями; *драма* – тяжелое событие, переживание, причина нравственного страдания. Результат, последствия события выражаются в дискурсе: *За это время произошло как минимум одно событие, существенно влияющее на расстановку сил в европейской энергетической игре*. Представляет интерес лексема-вербализатор *факт, fact, fait*, которая восходит к лат. *factum* – *сделанное*. *Факт* является предметом рассмотрения философии и определяется как событие реальное, в противоположность вымышленному. Тем самым прогнозируемое событие не является фактом. В данном случае концепт «событие» соприкасается с концептом «результат» [1]. Синонимом «факта» является «явление» в значении редкое, отступающее от общих правил событие: *Талант – явление сравнительно очень редкое. Snow in Egypt is almost unknown phenomenon. Berlioz, le phénomène le plus prodigieux de la musique du XIXe s.*

В дискурсе также представлены инициаторы и участники события: *Руководители фирмы преподносят как ключевое событие заключение*

соглашения с зарубежными партнерами. Все участники состязания считают это событие одним из самых значимых в своей жизни.

Представляется, что именно значимость произошедшего служит основанием для субъекта воспринимать то или иное изменение вещей как событие. Это восприятие зависит от ценностных установок субъекта: мировоззрения, политических и религиозных взглядов, социального статуса, возраста и др. Оценочность события вербализуется адъективными словосочетаниями и дискурсивными средствами: *рутинное, трагическое, ключевое событие. Селигер сегодня – это не просто форум, это знаковое событие для целого поколения молодых людей; (англ.) A big time event, a grave and consequential event, disastrous / dramatic event. Coming events cast their shadows before; (фр.) Un événement important/tragique/dramatique. Les grands événements de l'histoire du pays. N'empêche que c'est un événement politique.* Степень оценочности варьируется в зависимости от субъекта. Очевидно, в случае коллективного субъекта она выше.

Субъект может быть как наблюдателем, так и инициатором события. Он является наблюдателем в случае непредсказуемых событий и инициатором в случае планируемого им или прогнозируемого события.

События в широком смысле пронизывают всю человеческую деятельность, являются важнейшим фактором материального мира, воспринимаемого человеческим сознанием. Важность этого концепта и его недостаточная разработанность требуют дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герасимова Е. А. Концепт «результат» в когнитивном аспекте: дис. ... канд. фил. наук. – М., 2002. – 192 с.
2. Durst-Andersen P. Mental Grammar. Russian Aspect and Related Issues. – Columbus, Ohio : Slavica Publishers, 1992. – 289 p.
3. Talmy L. Lexalization pattern: Semantic Structures in Lexical Forms // Language typology and Syntactic Description. III: Grammatical Categories and Lexicon / ed. by T. Shopen. – Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1985. – P. 57–149.

УДК 81-13

О. В. Куликова

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой интегрированного языкового обучения в профессиональной деятельности факультета непрерывного образования МГЛУ; e-mail: ok517@yandex.ru

КАУЗАЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОБЫТИЙНОЙ ЦЕПОЧКИ В АРГУМЕНТАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена выявлению некоторых характеристик аргументативного дискурса, позволяющих рассматривать аргументацию как способ дискурсивной репрезентации цепочки событий. Описывается действие каузативного механизма как основы разворачивания аргументативного дискурса. Рассматривается роль каузации в восприятии реципиентом текстовой информации. Исходя из постулата о том, что причинность создает событие, делается предположение, что каждый из элементов аргументации, воплощаясь в дискурсе, приобретает статус когнитивного события. Указывается на связь вопроса о репрезентации когнитивного события в аргументативном дискурсе с проблемой адекватного понимания и/или интерпретации дискурса отправителя.

Ключевые слова: аргументация; аргументативный дискурс; причинность; каузальный механизм; когнитивное событие; событийная цепочка; макрособытие; адекватное понимание; дискурс отправителя.

Kulikova O. V.

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Integrated Language Teaching in Professional Activities, Faculty of Continuing Education, MSLU; e-mail: ok517@yandex.ru

CAUSALITY AS A FOUNDATION OF A SEQUENCE OF MULTIPLE EVENTS REPRESENTATION IN THE ARGUMENTATIVE DISCOURSE

The article brings into light some features of the argumentative discourse which allow to consider argumentation as a means of a sequence of multiple cognitive events discourse representation. It is noticed that the argumentative discourse is built up based on the causal mechanism. The author gives a thorough consideration to the role of causality in the reception of textual information. Given the fact that causality creates an event, it is suggested that each structural element of argumentation realized in a discourse acquires the status of a cognitive event. The author points to the connection between the issue of a cognitive event representation in the argumentative discourse and the problem of adequate understanding and/or interpretation of the addresser's discourse.

Key words: argumentation; argumentative discourse; causality; causal mechanism; cognitive event; a sequence of multiple events; macroevent; adequate understanding; addresser's discourse.

Аргументация, представляя собой сложное когнитивно-коммуникативное явление, обычно определяемое как «приведение доводов с целью изменения позиции или убеждений другой стороны (аудитории)» [3, с. 6], выступает в качестве особого вида деятельности, направленной на установление причинно-следственных отношений между явлениями действительности, предпринимаемой с целью выдвижения и защиты ценностно ориентированных положений или нормативных пропозиций [4; 7].

Рассмотрение аргументации как способа дискурсивной репрезентации когнитивных событий¹ требует, на наш взгляд, в первую очередь обратиться к определению роли каузальности и каузального механизма в построении и восприятии дискурса, в частности, аргументативного.

Процесс аргументирования, состоящий в последовательном развертывании цепочки рассуждения, где послышки содержат выводы, при помощи которых происходит выведение последующих заключений, опирается на действие каузального механизма, обеспечивающего соединение ментальных пространств, отражающих элементы структуры реальности, воспринимаемые реципиентом как действительно существующие, например, причина – следствие; часть – целое; цель – средства и т. п.

Каузальности отводится ведущая роль в объяснении когнитивной сложности дискурсивных явлений [11]. Казуальные отношения в силу повышенной информационной насыщенности представляются более сложными по сравнению, например, с аддитивными, что, казалось бы, подразумевает большие затраты когнитивных усилий и времени на обработку именно каузальных отношений. Однако по сравнению с аддитивными, ментальная репрезентация каузальных отношений более эффективна, так как информация каузального плана лучше организована, более доступна и лучше запоминается. Таким образом, по мере увеличения каузальности в дискурсе происходит снижение временных затрат на обработку поступающей информации. В этом и состоит так называемый парадокс каузальной сложности. Как

¹ Следует уточнить, что ввиду многозначности слова «событие», необходимо провести разграничение между референтным событием, или «собственно событием» [1] (далее – «событие»), имевшем место в действительности, и когнитивным событием, представляющим собой структурно-семантическую единицу коммуникации, вызывающую изменение когнитивного состояния реципиента.

предполагается некоторыми исследователями [8; 9], данное обстоятельство связано со стремлением человеческого разума к упорядоченности, с попыткой «увидеть» модель, структуру, четкую организацию, а не случайный набор некоторых элементов, что проявляется не только в языке или в ходе обработки информации. Речь идет об общем когнитивном принципе, действие которого особенно очевидно в процессе зрительного восприятия. Как следует из гештальтпсихологии, человек с легкостью узнает конфигурации, которые может интерпретировать как некие модели, и испытывает трудности при толковании случайных сочетаний элементов [5; 11].

Психологам известно, что в процессе ежедневной коммуникации люди, стремясь достичь связной интерпретации происходящих событий, прибегают к причинно-следственным схемам репрезентации этих событий даже в том случае, если между ними на самом деле такая связь отсутствует и причинность отношений носит иллюзорный характер. Основу этих действий составляет принцип каузальной атрибуции [16, с. 117].

Определение наблюдателем причины или ряда причин, лежащих в основе какого-либо события, поступка или результата, означает вынесение каузального суждения [10, с. 130]. Вынесение суждений или принятие решений происходит посредством реализации каузальных схем [16]. Каузальная схема имеет естественную природу, т. е. ее развертывание происходит в направлении от причин к следствиям. Таким образом, следить за развертыванием схемы гораздо проще именно в этом направлении, а не наоборот – от следствий к причинам. Несмотря на то, что по сути причина и результат представляют одинаковый объем информации друг о друге, человеку «удобнее» вывести следствие из причины, а не наоборот. В ходе проведенного автором эксперимента испытуемые отмечали, что, владея информацией о причинах, значительно легче предположить, каким будет следствие, чем сказать, какие причины его вызвали [16, с. 118–119]. Легкость, с которой люди создают каузальные цепочки, ведущие к определенному выводу, обуславливает предпочтительность каузального типа инференции. Считается, что проще «встроить» новые факты в уже имеющуюся каузальную модель, чем изменить саму модель в соответствии с новым фактом [16, с. 126].

На основании того, что в процессе восприятия реципиенты особенно внимательно следят за информацией каузального плана, некоторые

ученые для описания процесса понимания текста предлагают модель каузальной сети, позволяющую устанавливать многочисленные причинно-следственные связи [12–15]. В ходе обработки текстовой информации реципиент пытается объяснить то или иное событие на основе данных, полученных из предыдущего предложения, ментальной репрезентации описанных до этого событий, хранящейся в долгосрочной памяти, или на основе знаний о мире.

Каузальная сеть событий создается в результате соединения их реципиентом посредством экспланаторных инференций¹. Установление реципиентом каузальных связей между событиями, представленными в непрелегающих друг к другу предложениях, является одной из главных предпосылок создания модели каузальной сети. Примечательно, что для установления каузальных связей реципиент охватывает текстовый материал, превышающий объем рабочей памяти, составляющий, как полагается, одно или два предложения.

Итак, причинно-следственные отношения являются неотъемлемой характеристикой аргументации, однако их реализация варьируется в зависимости от условий протекания коммуникации и, прежде всего, от прагматической установки отправителя и особенностей аудитории. Воплощая причинно-следственные отношения в аргументативном дискурсе, говорящий пытается добиться того, чтобы позитивное отношение аудитории к посылкам транспонировалось на следующий из них вывод. Поэтому при помощи каузального механизма часто базовые элементы аргументативного дискурса соединяются: блок аргументов – с одной стороны, с тезисом, а с другой – со следствием. Действие принципа каузальной атрибуции [5; 16] во внутренней среде аргументативного дискурса проявляется в причинно-следственной связи между его компонентами, то есть предшествующий элемент (тезис, аргумент или блок аргументов) обуславливает появление последующего (или последующих элементов). Отдельный аргумент, представляя собой локальное ментальное пространство аргументативного дискурса, не обладает достаточной самостоятельностью, проявляя необходимость регрессивной связи с предшествующим локальным пространством (аргументом в случае цепной связи или тезисом – в случае лучевой) и прогрессивной связи с последующим пространством, формирующим следующий аргумент или следствие. Таким

¹Связь причинности и событий отмечается в философских трудах со времен Античности.

образом, импульс, служащий причиной появления одного из элементов аргументации, поступает «изнутри» аргументативного дискурса [5]. Исходя из постулата о том, что причинность создает событие, представляется возможным предположить, что *каждый из элементов аргументации, воплощаясь в дискурсе, приобретает статус когнитивного события.*

Известно, что термин «событие» отличается полисемантизмом и различной содержательной наполняемостью [2, с. 129], поэтому уточним, что в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы событие может рассматриваться как явление когнитивно-коммуникативного плана, представляющее собой структурно-семантическую единицу коммуникации и вызывающее изменение когнитивного состояния реципиента, что в данном контексте позволяет говорить *о когнитивном событии.* Дискурсивная актуализация когнитивного события происходит благодаря установлению причинно-следственных отношений между структурно-семантическими компонентами дискурса или за счет импульса, поступающего из внешней среды.

Таким образом, репрезентация цепочки когнитивных событий в аргументативном дискурсе может осуществляться на основе стратегии интрадискурсивной каузальной атрибуции наравне с интердискурсивной стратегией, означающей установление каузальных связей на интердискурсивном уровне [5, с. 260], представляющий в терминах эвентологии информационный аспект события, включающий в свою очередь каузативное и информационное пресобытие [6, с. 124].

Каждый структурно-семантический элемент аргументативного дискурса способен изменить когнитивное состояние реципиента. В свете рассматриваемой проблематики представляется релевантным замечание о том, что формально-логическое определение термина «событие» в лингвистических и когнитивно-психологических исследованиях дается через понятие изменения, понимаемое как различие между «состояниями мира» или ситуациями, как отмечается в работе «Событие и текст» со ссылкой на исследования В. З. Демьянкова, Т. А. ван Дейка и В. Кинча [6, с. 15]. По мнению того же автора, абстрактные событийные схемы служат «универсальным когнитивным фундаментом для социальной кооперации в речевых актах», «именно обобщенные событийные структуры представляют собой своеобразную когнитивную “тему” к семантике – “ реме” любого осмысленного текста (дискурса)» [там же, с. 40].

Дискурсивная репрезентация когнитивного события как явления когнитивно-коммуникативного плана подразумевает его (т. е. события) когнитивную обработку или дешифровку реципиентом.

Таким образом, вопрос о репрезентации когнитивного события в аргументативном дискурсе связан с проблемой адекватного понимания и/или интерпретации дискурса отправителя, в нашем случае – аргументативного дискурса.

Репрезентируя цепочку множественных когнитивных событий, объединенных каузальной связью, аргументативный дискурс в целом выступает в качестве макрособытия, целью которого является изменение в соответствии с замыслом говорящего когнитивного состояния реципиента в ходе коммуникативного процесса.

Учитывая значимость постановки вопроса об аргументации как способе репрезентации когнитивных событий в дискурсе для уточнения наших представлений о механизмах воздействия на реципиента, а также о процессе когнитивной обработки содержащейся в аргументативном дискурсе информации, в перспективе представляется целесообразным подробно рассмотреть *лингвистические ресурсы* репрезентации цепочки когнитивных событий в рамках аргументативного дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демьянков В. З. «Событие» в семантике, прагматике и координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. – 1983. – Т. 42. – № 4. – С. 320–329. – URL: http://www.infoplex.ru/IZV4_83.html
2. Дубровская О. Н. Об интерпретации понятий «событие» и «речевое событие» в лингвистике // Вестник Астраханского гос. тех. ун-та. – 2005. – Вып. № 5. – С. 129–136. – URL: ceberleninka.ru/article/od-interpretatsii-ponyatii-sobytie-i-rechevoe-sobytie-v-lingvistike
3. Ивин А. А. Риторика: искусство убеждать. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 304 с.
4. Климинская С. Л. Развертывание аргументативных стратегий в условиях коммуникативной ситуации телевизионной дискуссии // Социально-политический дискурс (лингводидактические аспекты обучения иностранным языкам). – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010. – С. 63–72. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 8 (587). Сер. Педагогические науки).
5. Куликова О. В. Эвристика аргументации (лингвокогнитивное исследование). – М.: ГЕОС, 2010. – 296 с.
6. Шабес В. Я. Событие и текст: Монография – М.: Высшая школа, 1989. – (библиотека филолога). – 175 с.

7. *Cua A. S.* Hsun Tzu's Theory of Argumentation: Reconstruction // The Review of Metaphysics. A Philosophical quarterly. – Vol. XXXVI. – # 4. –1983. – P. 867–894.
8. *Graesser A. C., McNamara D. S., Louwerse M. M.* What do Readers Need to Learn in Order to Process Coherence Relations in Narrative and Expository Text? // Rethinking reading comprehension / Ed. by A. P. Sweet, C. E. Snow. – N. Y. : Guilford Publications, 2003. – P. 82–98.
9. *Graesser A. C., Singer M., Trabasso T.* Constructing inferences during narrative text comprehension // Psychological Review. – Vol. 101. – # 3. – 1994. – Jul. Review. – P. 371–395.
10. *Ross L.; Anderson, Craig A.* Shortcomings in the attribution process: On the origins and maintenance of erroneous social assessments // Judgment under uncertainty: Heuristics and biases / Ed. By Daniel Kahneman, Paul Slovic, Amos Tversky. – Cambridge ; London ; N. Y. : Cambridge University Press, 1983. – P. 129–152.
11. *Sanders T.* Coherence, Causality and Cognitive Complexity in Discourse // Proceedings / Actes SEM-05, First International Symposium on the Exploration and Modelling of Meaning / Ed. by M. Aurnague, M. Bras, A. Le Draoulec & L. Vieu. – 2005. – P. 31–44.
12. *Trabasso T., Broek P. W., van den.* Causal thinking and representation of narrative events // Journal of Memory and Language. – 1985. – Vol. 24. – # 5. – P. 612–630.
13. *Trabasso T., Magliano J. P.* Conscious understanding during comprehension // Discourse Processes. – 1996. – Vol. 21. – # 3. – P. 255–287.
14. *Trabasso T., Sperry L. L.* Causal relatedness and importance of story events // Journal of Memory and Language. – 1985. – Vol. 24. – # 5. – P. 595–611.
15. *Trabasso T., Suh S. Y.* Understanding text: Achieving explanatory coherence through on-line inferences and mental operations in working memory // Discourse Processes. – 1993. – Vol. 16. – # 1–2. – P. 3–34.
16. *Tversky A., Kahneman D.* Causal schemas in judgments under uncertainty // Judgment under uncertainty: Heuristics and biases / Ed. by Daniel Kahneman, Paul Slovic, Amos Tversky. – Cambridge ; London ; N. Y. : Cambridge University Press, 1983. – P. 117–128.

А. Э. Левицкий

доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: andrelev@list.ru

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОБЫТИЯ И ПРОБЛЕМА
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИИ**

Статья посвящена раскрытию проблем концептуализации информации, бытующей в сознании членов определенного социума. Исследование направлено на установление концептуальных сфер, которые ассоциируются в сознании респондентов с печальным событием – аварией на ЧАЭС. Для достижения вышеназванной цели проведен независимый ассоциативный эксперимент. Респонденты – 51 русскоговорящий гражданин Украины – ответили на вопрос об ассоциациях, возникающих в связи с Чернобылем. Результаты эксперимента в форме вербальных репрезентаций позволили выделить ряд концептуальных сфер, пересечение которых дало возможность структурировать полученную информацию в форме концепта, имеющего кластерную природу. Полученные вербальные данные были классифицированы согласно их семантике по следующим концептуальным сферам: СОБЫТИЙНАЯ ИНФОРМАЦИЯ; ПОСЛЕДСТВИЯ, включая ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРИРОДНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ; ВРЕД ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ; БОРЬБА С ПОСЛЕДСТВИЯМИ АВАРИИ; ВОСПРИЯТИЕ АВАРИИ; НЕПРЯМЫЕ АССОЦИАЦИИ; ОПТИМИЗМ. Результаты исследования позволили выявить зависимость конфигурации концептосфер от гендерного, возрастного аспектов и территории проживания информантов. Представители различных социальных групп показали единство в плане негативной оценки трагедии, произошедшей на ЧАЭС в апреле 1986 г. Анализ языковых единиц, маркирующих данное печальное событие, доказывает его значимую роль в жизни людей, живущих как в непосредственной близости от места аварии, так и тех, кто находится далеко от него. Событийная информация выступает основой для концептуальных сфер, отражающих ассоциативную составляющую восприятия трагедии на ЧАЭС.

Ключевые слова: концептуализация; концепт; концептуальная сфера; гендерный аспект; возрастной аспект; место проживания; ассоциативный эксперимент; событийная информация.

Levitsky A. E.

Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, MSU; e-mail: andrelev@list.ru

EVENT REPRESENTATION AS THE CASE OF INFORMATION CONCEPTUALIZATION

The article triggers the problem of information conceptualization within the consciousness of members of a certain ethno-social community. The research is aimed at specifying conceptual spheres associated in the informants' minds of with a sad event – the accident at the Chernobyl Nuclear Power Station (ChNPS). For reaching this goal a free associative experiment has been carried out. 51 informants native in Russian citizens of Ukraine answered the question on their associations related to Chernobyl. Results of this experiment presented in the form of the verbal manifestations allowed the author to single out a set of conceptual spheres, the interaction of which made it possible to structuralize the information obtained in the form of a concept with a cluster nature. The verbal data obtained have been classified into the following conceptual spheres with respect to their semantics: EVENTUAL INFORMATION; AFTERMATH including ECOLOGY and NATURE; HUMAN and ANIMAL HEALTH; COMBATING THE AFTERMATH; PERCEPTION of THE ACCIDENT; INDIRECT ASSOCIATIONS; OPTIMISM. The research allowed the author to find the link between the configuration of the conceptual spheres with gender, age and the territory the informants resided. Representatives of all social and territorial groups displayed their unity as for the negative evaluation of the tragedy at the ChNPS in April 1986. The linguistic analyses of the informants' answers dealing with the sad event prove its significant role in the lives of those who reside near Chernobyl as well as people who live far from it. The eventual information proves to be the ground of the other conceptual spheres that reflect the associative element of the perception of the calamity at the ChNPS.

Key words: conceptualization; concept; conceptual sphere; gender aspect; age aspect; residence; free associative experiment; eventual information.

Исследование концептов, начавшееся в конце прошлого века, отразило особенность теоретического языкознания того времени, а именно «ярко выраженный интерес к металингвистическим построениям и, в частности, к созданию такого аппарата терминов и понятий, которые помогли бы адекватно отразить» его историю и ситуацию, сложившуюся на тот момент [12, с. 155], а также заложить основы новых подходов к изучению языка. Концепт и стал одним из ключевых терминов когнитивно-дискурсивной парадигмы, а его лингвистический анализ вошел в ряд «выбираемых методик и конкретных процедур» [там же, с. 169], моделей формализации, приемов и способов постижения соотношения языка и мышления. Именно концепт, рассматриваемый Е. С. Кубряковой [11, с. 90–93] как служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего

сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [11, с. 90], дал возможность представить когнитивную деятельность индивида сквозь призму ее результатов, отраженных в процессах вербализации внеязыковых данных и последующей коммуникативно-деятельностной активности. Заложенный в представленном выше определении ракурс изучения концептов как ментальных репрезентаций, с одной стороны, и основы вербализации процесса познания мира, – с другой, позволил расширить и углубить антропоцентрический подход в языкознании 1990-х гг. [14], в частности говорить, по меткому выражению В.В. Колесова [7], о «языке в ментальности и о ментальности в языке». Таким образом, язык стал рассматриваться «как пространство мысли и как дом духа» [16, с. 30].

Выделение концептов и их лингвистический анализ проводятся в соответствии с четырьмя принципиальными установками когнитивно-дискурсивной парадигмы: антропоцентризма, экспансионизма, функционализма и экспланаторности [12]. Названные выше принципы одновременно могут рассматриваться и как основные черты методики анализа данных системы языка как элементов деятельности индивида, используемых для отражения его этнокультурных, социальных, индивидуально-психологических, в том числе познавательных особенностей. Язык, таким образом, выступает вербальной составляющей как сознания, так и коммуникации, т.е. реализации мыслительной деятельности в процессе передачи ее продуктов другим членам социума. Поэтому нельзя не согласиться с Е. С. Кубряковой [там же], отмечавшей интегральный характер когнитивно-дискурсивной парадигмы знания – «функциональной по своей направленности, конструктивной по своему духу». Концептуальный анализ языка [10], концептуализация мира в языке [8], а также подходы к рассмотрению концептуального пространства языка [9] послужили отправными пунктами современного подхода к рассмотрению концептов в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы. Безусловно, лингвоконцептология на сегодняшний день еще далека от того, чтобы признать ее исчерпавшей свои теоретические, методологические, процедурные и эвристические ресурсы. Ей еще предстоит испытать развитие и совершенствование подходов и методов,

структуры и терминосистемы, но мы вправе констатировать, что этап становления успешно пройден, хотя и не без трудностей, вызванных различиями трактовок и интерпретаций отдельных понятий.

Палитра перспективных исследований концептов включает в себя и подход к анализу с позиций лингвосемиотики; языка как системно-структурного образования; их роли в композиционно-смысловой структуре текста и дискурса; отражении этнических, гендерных, возрастных, статусных, психологических особенностей передачи информации индивидами как внутри своих социумов и культур, так и в процессе взаимодействия с представителями иных социальных и культурных групп. Именно опыт рассмотрения социальных и территориальных особенностей вербализации отдельно взятого концепта позволяет раскрыть взаимодействие достижений психолингвистических студий [1–4; 13] с научным поиском в сферах лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, в частности, лингвоконцептологии [18]. Вместе с тем подобный симбиоз открывает простор для полевых исследований в области концептуализации информации о мире, в котором мы живем, с последующей ее вербализацией. Исследование концепта ЧЕРНОБЫЛЬ, выполненное по данным опроса информантов, как раз и представляет попытку анализа подобного взаимодействия.

Предлагаемое исследование имеет своей целью установление структуры концепта ЧЕРНОБЫЛЬ на основании ассоциаций, имеющих в сознании респондентов – граждан Украины, говорящих на русском языке. Для достижения вышеназванной цели был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в результате которого выявлены вербализаторы рассмотренного концепта. Опрошенным был задан вопрос: «Какие ассоциации возникают в вашем сознании в связи с Чернобылем?».

Респонденты (51 человек) были поделены на группы (F и M; A и B; C и D) согласно следующим признакам: ГЕНДЕР (36 женщин [F] и 15 мужчин [M]); ВОЗРАСТ (37 чел., родившиеся до аварии [A]; 14 информантов, рожденные после катастрофы [B]); МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА (для опрошенных, которые родились после 1986 г.: 14, проживающих вблизи Чернобыля, в Киевской, Житомирской и Черниговской областях [C]; 23 чел. – из других областей Украины [D]).

Основу проведения данного исследования составили работы о связи языка и мышления [2; 17; 21]; психологические теории о значении слова [21–24; 29]; ассоциативного анализа [26; 28]; ассоциативного

значения лексических единиц [24]. Проведенный ассоциативный анализ основывается на взаимосвязи вербальных ассоциаций с мышлением индивида [20], методике и методологии независимого ассоциативного анализа [19], с учетом социальных аспектов выявленных ассоциаций [там же]. Для интерпретации полученных данных использовались теория концептуализации [25; 27], а также наработки в сфере современной лингвоконцептологии [5; 6; 9].

Полученные результаты помогли воссоздать структуру концепта ЧЕРНОБЫЛЬ. При этом под концептом, следом за Е. С. Кубряковой, понимаем оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы, отраженной в человеческой психике и сознании [11, с. 90]. Безусловно, что данный концепт, как и другие, имеет информационную природу и представлен рядом ментальных репрезентаций [там же, с. 91]. В этой связи, проведенное исследование дает возможность раскрыть действие процесса концептуализации, т. е. одного из важнейших процессов познавательной деятельности человека, «закрывающейся в осмыслении поступающей к нему **информации** и приводящей к образованию **концептов, концептуальных структур** и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [там же, с. 93]. Отметим также роль хранения, обработки и передачи информации как составляющих формирования и существования концепта в определенном этносоциуме. Более того, «сквозной» характер структуризации знаний из неких минимальных концептуальных единиц представляет собой пример работы механизма умозаключения, «получения выводных данных (**инференций**) и других логических операций» [там же, с. 93]. Именно поэтому данные проведенного психолингвистического эксперимента наглядно показали действие и результат процесса концептуализации информации об аварии на ЧАЭС, ее последствиях для человека и всего живого, а также их устранения. Ответы информантов, а точнее их результаты в форме вербальных репрезентаций, позволили нам выделить ряд концептуальных сфер, пересечение которых и дало ключ к структуризации полученной информации в форме концепта, имеющего кластерную природу. Полученные от респондентов вербальные данные были классифицированы согласно их семантике по следующим концептуальным сферам.

I. СОБЫТИЙНАЯ ИНФОРМАЦИЯ – напрямую соотносится с ПРОШЛЫМ, т. е. самой аварией, местом, временем и конкретными

людьми, и показывает важность данного печального события для информантов.

1.1. МИКРОУРОВНЕВАЯ – имеет прямую связь с аварией, выражая суть события: *катастрофа, взрыв, АЭС, реактор, пожар, дым, облако, энергия, луч, авария;*

1.2. МАКРОУРОВНЕВАЯ – определяет время, место и вовлеченных в те события людей: *Полесье, СССР, Украина, Киев, демонстрация, Первое Мая, апрель 1986 года, весна, Горбачев, перестройка, пожарные, военные.*

II. ПОСЛЕДСТВИЯ – относящееся к НАСТОЯЩЕМУ и БУДУЩЕМУ, осознание последствий катастрофы.

2.1. СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ: *опасность, зона отчуждения, эвакуация, переселенцы, переезд, мертвые города, пустые улицы, вымирание, пенсионеры, дети Чернобыля, кладбища, профилактика, льготы, безразличие, замалчивание, экстремальный туризм.*

2.2. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРИРОДНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ: *экология, проблемы окружающей среды, загрязнение, заражение, радиация, радиоактивность, излучение, осадки, йод, цезий, стронций, климат, грибы, нереально большие фрукты и овощи, красный лес.*

2.3. ВРЕД ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ: *здоровье, воздействие, жертва, инвалидность, заболевание, мутация, болезнь, рак, инвалиды, зубы, больные дети, аборт, новорожденные уродцы, лысый ежик.*

2.4. БОРЬБА С ПОСЛЕДСТВИЯМИ АВАРИИ: *саркофаг, ликвидаторы, последствия, дозиметр, счетчик Гейгера, причины, исследование, дезактивация, целесообразность.*

III. ВОСПРИЯТИЕ АВАРИИ – размышления по поводу аварии, ее оценка, прямые ассоциации (*Чернобыль – это...*): *смерть, трагедия, катастрофа, страх, опасность, боль, конец, Хиросима, Фукусима, отчаяние, тупик, позор, слезы, разрушение, риск, пустыня, страдания, упадок, зло.*

IV. НЕПРЯМЫЕ АССОЦИАЦИИ – эмоционально-образное восприятие аварии, то, что напоминает о ней (*Чернобыль ассоциируется с...*): *черный цвет, темнота, сосны, лоси, дорога, поезд, родители, церковь, игра С.Т.А.Л.К.Е.Р., осень, братья Стругацкие, наука, проклятие князя Игоря, кара языческих богов, серый цвет, холод, плач, физика, школа, туман, детство.*

V. ОПТИМИЗМ – относится к БУДУЩЕМУ, положительная сторона борьбы с последствиями: *героизм, долг, поддержка, смелость, благодарность, друзья, будущие поколения, оптимизм, надежда, вера, Библия, конец советской эпохи, конец иллюзиям, начало, мир, строительство, возрождение.*

Наиболее часто используемые реакции: *радиация – 35, смерть – 24, катастрофа – 19, реактор – 16, взрыв – 15, страх – 15, АЭС – 14, река Припять – 13, заражение – 13, болезнь – 12, трагедия – 12, зона отчуждения – 11, отчаяние – 11, бедствие – 10, зона – 10, эвакуация – 10, заброшенность – 9.*

Гендерные отличия

Анализ выявленных гендерных отличий в вербальных реакциях респондентов представлен в таблице 1.

Таблица 1

Гендерные отличия

Параметры	Ассоциации (в %)		Реакции (в%)	
	Группа F	Группа M	Группа F	Группа M
Общая информация	19,5	24,33	21,74	30,34
Последствия	45,5	45,19	38,26	35,95
Восприятие	21	21,66	14,78	15,73
Оптимизм	8,5	5,08	7,83	6,18
Непрямые ассоциации	5,5	3,74	17,39	11,8
Всего	100	100	100	100

Активность в группе F (36 чел.) насчитывает 5,5 ассоциаций и 10,39 реакций на человека. Активность в группе M (15 чел.) насчитывает 7,7 ассоциаций и 11,87 реакций на человека. В группе F и в группе M наиболее продуктивными являются ассоциации с последствиями аварии (45,5% и 38,26% соответственно) и реакции на последствия (45,19% и 35,95% соответственно). Наименее продуктивными в обеих группах выступают оптимистические ассоциации.

Следующие различия проявляются в распределении других ассоциаций. Так, ассоциации по восприятию занимают вторую позицию в группе F и третье место в группе M. Информационные ассоциации находятся на третьей позиции в группе F и на четвертой в группе M. Ассоциации, связанные с реальностью и оптимизмом, занимают четвертую и пятую позиции в группе F. Ассоциации, связанные

с реальностью, находятся на пятом месте в группе М. Непрямые ассоциации занимают вторую позицию в группе М.

Результаты эксперимента показывают, что и женщины, и мужчины наибольшее внимание уделяют последствиям аварии, хотя у женщин насчитывается большее количество реакций и ассоциаций, связанных с Чернобылем. Обе группы выделяют социальные аспекты аварии. Женщины и мужчины верят, что все было сделано для борьбы с ее последствиями. Более того, респонденты ссылаются на информацию масс-медиа, а не на научные источники. Женщины-респонденты более эмоциональны и креативны. Их больше волнуют эмоциональное восприятие и непрямые ассоциации, тогда как мужчин интересует общая информация об аварии.

Реакции, полученные в обеих группах, таковы: *катастрофа, АЭС, реактор, пожар, дым, атом, облако; река Припять, польнь, СССР, Украина, 1986 год, весна, Полесье, пожарные; радиация, загрязнение, болезнь, саркофаг, мутация, зона отчуждения; смерть, трагедия, страх, опасность, отчаяние; долг, смелость; черный, темный.*

Реакции, полученные только в группе F: *взрыв, пламя, энергия, луч, халатность; Первое мая, апрель 1986 года, Киев, демонстрация, военные, аэропорт; неправда, радиоактивность, счетчик Гейгера; катастрофа, боль; героизм, икона; яйцо, церковь, родители.*

Реакции, полученные только группе М : *Горбачев, перестройка, вертолеты; покинутая земля, ликвидация, обман; риск, упадок, зло; памятник, Библия; осень, наука, холодный, серый.*

Возрастные отличия

В ходе исследования были выявлены возрастные отличия в ответах респондентов, представленных в таблице 2.

Таблица 2

Возрастные отличия

Параметры	Ассоциации (в %)		Реакции (в %)	
	Группа А	Группа В	Группа А	Группа В
Общая информация	24,5	16,54	31,72	18,09
Последствия	34,3	48,12	35,95	42,53
Восприятие	20,3	18,04	19,34	28,51
Оптимизм	8,7	10,53	5,44	6,8
Непрямые ассоциации	12,2	6,77	7,55	4,07
Всего	100	100	100	100

Анализ данных показывает, что в группе А наиболее продуктивными являются ассоциации, связанные с последствиями аварии (34,3%). Наименее продуктивными выступают оптимистические ассоциации, составляющие всего 8,7%. Между ними располагаются общая информация (24,5%), восприятие аварии (20,3%) и непрямы ассоциации (12,2%).

Ассоциации в группе В располагаются следующим образом: наиболее продуктивными, также как и в группе А, выступают ассоциации, связанные с последствиями аварии (48,12%), а наименее продуктивны – непрямы ассоциации (6,77%), что подтверждает различия в отношении информантов из разных возрастных групп. Между ними располагаются восприятие аварии (18,04%), общая информация (16,54%) и оптимистические ассоциации (10,5%). Также обнаружены количественные различия в оптимистических, информационных и непрямы ассоциациях, которые занимают разные места в рейтинге анализируемых групп. Количество опрошенных информантов имеет коэффициент 37:14 (2.6:1).

Результаты эксперимента подтверждают существование различий среди людей, которые были свидетелями этой катастрофы, и более молодого поколения. Для людей старше 26 лет слова, ассоциирующиеся с Чернобылем, отражают действительность (*катастрофа, АЭС, реактор, атом*); дают представление о времени и месте аварии (*река Припять, весна, Первое мая, 1986 год, Полесье, Горбачев, перестройка*); концентрируются на экологических последствиях этого трагического события для природы, мира животных, здоровья человека и общества (*радиация, загрязнение, мутация, болезнь, саркофаг, зона отчуждения, покинутая земля, последствия, рак, ликвидация, ликвидаторы, чернобыльцы, новорожденные уродцы*); раскрывают восприятие аварии в форме негативны оценок (*трагедия, смерть, катастрофа, одиночество, застой, позор, слезы, Хиросима*); демонстрируют эмоциональный аспект ассоциаций (*страх, отчаяние, обман, неправда, неизвестность, страдания*); оставляют место для оптимизма и восхищения героическими поступками (*герои, героизм, памятник*) и даже содержат непрямы ассоциации (*черный, темный, темнота, осень*).

Респонденты, которые родились после аварии, концентрируют свое внимание на ее последствиях (*радиация, эвакуация, покинутая земля, зона отчуждения, болезнь, рак, загрязнение, разрушение, экскурсии, мутанты, радиоактивность*), имея в виду реальность (*взрыв,*

реактор, катастрофа, АЭС, ликвидатор, огонь, дым, халатность), и на информации о времени и обстановке (река Припять, СССР, Украина, 1986 год); отражают эмоции в форме оценки происшедшего (смерть, опасность, пустота, катастрофа, беда, страх, трагедия). В то же время, у них мало оптимизма и не прямых ассоциаций. Их негативные ассоциации хотя и несущественно, но все же отличаются от реакций свидетелей событий. Этот факт свидетельствует о единении современного украинского общества в восприятии той трагедии.

Реакции, полученные в обеих группах: катастрофа, реактор, АЭС, взрыв, огонь; река Припять, польнь, 1986 год; радиация, загрязнение, зона, болезнь, саркофаг; страх, трагедия, смерть, отчаяние; обязательства, смелость; черный, темный.

Реакции, полученные только в группе А: атом, дым, пламя, облако; Первое мая, Горбачев, перестройка; мутация, ликвидация, последствия; конец, обман, тупик, позор; героизм, памятник; осень, родители, церковь, голые деревья, наука, плач, серый, холодный.

Реакции, полученные только в группе В: радио, халатность, милиционеры; город, Полесье, весна; неправда, радиоактивность, покинутая земля; пустота, одиночество, боль; друзья, благодарность, мир; сосны, лоси, поезд.

Территориальные отличия

Ответы людей, проживающих на севере Украины, были сгруппированы в группу С. Ответы респондентов из других регионов составили группу D и представлены в таблице 3.

Таблица 3

Различия по месту жительства

Параметры	Ассоциации (в %)		Реакции (в %)	
	Группа С	Группа D	Группа С	Группа D
Общая информация	24,86	30	26,61	29,47
Последствия	37,14	42	28,44	38,65
Восприятие	27,62	20,66	22,94	15,94
Оптимизм	3,81	2,67	9,17	7,25
Непрямые ассоциации	12,2	4,67	12,84	8,69
Всего	100	100	100	100

Активность в группе С насчитывает 7,5 ассоциаций и 10,71 реакций на человека.

Активность в группе D насчитывает 4,74 ассоциаций и 9 реакций на человека.

Наиболее многочисленными в группе С и в группе D являются ассоциации, связанные с последствиями аварии (37,14% и 28,44% соответственно) и реакции (42% и 38,65% соответственно). Наименее многочисленными в группе С и в группе D являются оптимистические ассоциации (3,81% и 9,17% соответственно) и реакции (2,67% и 7,25% соответственно).

Остальные ассоциации в анализируемых группах распределяются по параметру восприятия и занимают вторую позицию в группе С и третью в группе D, тогда как общая информация находится на третьем месте в группе С и второе в группе D, за ней следуют в обеих группах непрямы ассоциации.

Респонденты, живущие на востоке, юге и западе Украины, концентрируют свое внимание на последствиях аварии и общей информации, тогда как опрошенные, проживающие вблизи места катастрофы (Киевская, Житомирская и Черниговская области), более эмоциональны, оптимистичны и более сконцентрированы на непрямы ассоциациях. Обе группы осознают трагическую реальность и негативно оценивают аварию.

Реакции, полученные в обеих группах: *катастрофа, реактор, АЭС, взрыв, атом; река Припять, 1986 год, полынь, Полесье; радиация, загрязнение, болезнь, зона; смерть, трагедия, страх.*

Реакции, полученные только в группе С: *энергия, луч; Первое мая, демонстрация; пожарные, фильм; Звезда Апокалипсиса, уничтожение, бедствие; долг, начало; детство, Лина Костенко.*

Реакции, полученные только в группе D: *огонь, защита; ликвидация, разрушение; слезы, угроза, опасность; герои, возрождение; черный, темный, туман, физика, школа, разлука.*

Последствия аварии на ЧАЭС сквозь призму ассоциативного эксперимента

Концептосфера ПОСЛЕДСТВИЯ АВАРИИ как наиболее многочисленная позволила выделить четыре сегмента (СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР, ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРИРОДНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, ВРЕД ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ, БОРЬБА С ПОСЛЕДСТВИЯМИ АВАРИИ). Данные приведены в таблице 4.

Таблица 4

Различия по борьбе с последствиями

ПАРАМЕТРЫ	ПОЛ				ВОЗРАСТ				МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА			
	Ассоциации (в %)		Реакции (в %)		Ассоциации (в %)		Реакции (в %)		Ассоциации (в %)		Реакции (в %)	
	F	M	F	M	A	B	A	B	C	D	C	D
Социальный фактор	45,6	43,6	35,5	45,2	47,9	50,5	30,7	50,5	31,6	27,9	36,7	43,0
Экология / природа	20,0	25,6	29,5	27,4	22,4	23,4	30,7	25,8	26,3	46,5	14,3	31,4
Здоровье человека / животные	24,4	20,5	23,5	16,1	24,2	23,4	22,1	20,6	23,7	14,0	28,6	11,4
Борьба с последствиями	10,0	10,3	11,5	11,3	16,5	3,1	16,5	3,1	18,4	11,6	20,4	14,2
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

В группе А данные распределяются от наиболее часто встречающихся ассоциаций с социальными факторами (37,9%) до наименее популярной борьбы с последствиями аварии (15,5%). Большинство реакций информантов находятся в колонках под названием «Экология/природа» и «Социальный фактор», тогда как наименьшее их количество представлено в колонке «Борьба с последствиями». Активность в группе А составляет 1,57 ассоциаций и 3,43 реакции на человека.

В группе В ассоциации с социальными факторами и реакции на них представляют наиболее многочисленную группу (30,7% и 50,5% соответственно), а наименее представленными являются ассоциации и реакции, относящиеся к борьбе с последствиями аварии (16,5% и 3,1% соответственно). Активность в группе составляет 4,57 ассоциации и 6,93 реакций на человека.

Социальные ассоциации являются наиболее многочисленными в группах F, M и C. Ассоциации с экологией наиболее характерны для группы D. Наименьшее количество ассоциаций выявлено в группах F, M, C, D и касаются борьбы с последствиями аварии.

Активность в группе F – 2,5 ассоциаций и 4,6 реакций на человека; в группе M – 2,6 ассоциаций и 4,1 реакций на человека; в группе C – 2,7 ассоциаций и 3,5 реакций на человека; в группе D – 1,9 ассоциаций и 3,04 реакций на человека.

Социальный фактор является важным показателем для всех групп респондентов. Несколько меньше внимания уделено экологии, природе, здоровью человека и животных, которые также пострадали от аварии. Последнее место занимают последствия аварии, что свидетельствует о том, что и через 26 лет после катастрофы люди верят тем, кто организовал борьбу с последствиями Чернобыльской катастрофы.

Выводы

Концепт ЧЕРНОБЫЛЬ, согласно опросу информантов, представляет собой кластерное образование, состоящее из ряда концептосфер, взаимодействующих между собой и отражающих разные ипостаси концентрации внимания граждан средствами русского языка. Представители различных социальных групп показали единство в плане негативной оценки трагедии, произошедшей на ЧАЭС в апреле 1986 г. Вместе с тем отмечен интерес к аварии, ее причинам и последствиям для человечества, флоры и фауны. Наличие событийной информации

о трагедии позволило сделать вывод о важности для информантов системы пространственно-временных координат, в рамках которых произошло несчастье. Именно эта система и послужила каркасом для оценки рассматриваемого события, отразилась в последующих концептуальных сферах.

Итак, представленный информантами ассоциативный ряд позволил очертить структуру концепта ЧЕРНОБЫЛЬ и основные концептуальные сферы, его формирующие, как кластеры, взаимодействие которых и позволяет раскрыть проблему концептуализации информации. Представленные респондентами вербальные репрезентации помогли также выделить фрагмент концептуальной и языковой картин мира и доказать важное место концепта ЧЕРНОБЫЛЬ в нем как события, явившегося трагедией для народа. Наличие же выявленных гендерных, возрастных и территориальных особенностей подтверждает присущие им языковые и социальные отличия, которые, в целом, не являются сущностными для структуры таких общественно значимых концептов, к которым относится ЧЕРНОБЫЛЬ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Василевич А. П.* Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте. – М.: Наука, 1987. – 141 с.
2. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1996. – 416 с.
3. *Глухов В. П.* Основы психолингвистики. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 351 с.
4. *Горелов И. Н., Седов К. Ф.* Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 1997. – 224 с.
5. *Ирисханова О. К.* Концептуальный анализ и процессы дефокусирования // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования / отв. ред. Е. С. Кубрякова. – М.; Калуга: ИП Кошелев А. Б., 2007. – С. 69–80.
6. *Карасик В. И.* Этноспецифические концепты // Иная ментальность. – М.: Гнозис, 2005. – С. 8–101.
7. *Колесов В. В.* Язык и ментальность. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с.
8. Когнитивные исследования языка // Концептуализация мира в языке: Коллективная монография / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова; отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. – Вып. IV. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – 460 с.
9. Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. Посвящается юбилею проф. Н. Н. Болдырева / под ред. Е. С. Кубряковой. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – 492 с.

10. Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. / отв. ред. Е. С. Кубрякова. – М. ; Калуга : ИП Кошелев А. Б., 2007. – 276 с.
11. ККСТ = Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Моск. гос. ун-та, 1996. – 245 с.
12. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 144–238.
13. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. – М. : Смысл, 1997. – 287 с.
14. Манерко Л. А., Новодранова В. Ф. Концептуальная и когнитивная карта как методологический аппарат когнитивно-коммуникативного терминоведения // Когнитивные исследования языка. – Вып. XIX. Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира / гл. ред. сер. и отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. – М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. – С. 275–287.
15. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / под ред. Б. А. Серебренникова. – М. : Наука, 1988. – 212 с.
16. Степанов Ю. С. Изменчивый образ языка в науке XX века // Язык и наука конца 20 века / под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 7–34.
17. Потемня О. О. Думка і мова // Дискурс. Антологія світової літературно-критичної думки XX ст. / За ред. М. Зубрицької. – Львів : Літопис, 2001. – С. 34–55.
18. Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: сб. ст. / под общ. ред. Н. В. Уфимцевой. – М. ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 344 с.
19. Cramer Ph. Word Association. – N.Y. ; London : Academic Press, 1968. – 163 p.
20. Davis W.A. Meaning, Expression and Thought. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 654 p.
21. Fodor J. The Language of Thought. – N. Y. : Crowell, 1975. – 472 p.
22. Garman M. Psycholinguistics. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 556 p.
23. Garnham A. Psycholinguistics: Central topics. – London : Routledge, 1985. – 422 p.
24. Glucksberg S., Danks J. H. Experimental Psycholinguistics. An Introduction. – Hillsdale ; NJ. : Lawrence Erlbaum Associates, 1975. – 233 p.
25. Jackendoff R. Patterns in the Mind, Language and Human Nature. – N. Y. : Basic Books, 1994. – 239 p.
26. Kess J. F. Psycholinguistics. – Amsterdam : John Benjamins B.V., 1992. – 401 p.
27. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. – Chicago : University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
28. Prideaux G. D. Psycholinguistics. The experimental study of language. – London : Routledge, 1984. – 63 p.
29. Rosch E. Principles of Categorization // Cognition & Categorization / J. Cotton & R. Klatzky (Eds.). – Hillsdale ; N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – P. 1–48.

УДК 821.112.2

Н. В. Любимова

профессор, кандидат педагогических наук; профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка МГЛУ;
e-mail: natalju@yandex.ru

СОБЫТИЙНОСТЬ АЛЬПИЙСКОГО ТЕКСТА КАК БАЗОВАЯ КАТЕГОРИЯ ЖАНРА

На примере повести Макса Фриша «Ответ из тишины» (1937) автор показывает, как в так называемой альпийской литературе реализуется категория событийности, которая в этом случае признается жанрообразующей и рассматривается «в привязке» к пространству и времени, а также в логике теории границы, предложенной Ю. М. Лотманом. Для понимания литературного альпийского текста в данном случае важно, как в нем объективируются сигналы событийности, времени, пространства, а также литературного напряжения.

Ключевые слова: альпийская литература; жанр; событие; событийность; литературное пространство; литературное время; переход через границу.

Lyubimova N. V.

Ph. D. (Pedagogics), Professor, Department of Lexikology and Stylistics of the German Language, Faculty of the German Language, MSLU;
e-mail: NataLju@yandex.ru

EVENTFULNESS OF ALPINE TEXT AS A CONSTITUENT CATEGORY OF GENRE

The author analyses “Response of silence” by Max Frisch (1937) to show that the category of eventfulness is a means of genre formation in the so-called “Alpine literature”. The analysis takes into account the interrelated categories of time and space and is based on the ‘crossing-the-border’ theory developed by M. Lotman. From this standpoint understanding a literary Alpine text depends on the way eventfulness is actualized in the text and is supported by the categories of time, space and literary tension.

Key words: Alpine literature; genre; event; eventfulness; literary space; literary time; crossing the border.

Если горные ландшафты присутствуют в художественных текстах, они решают задачу обустройства фикционального литературного пространства и поддерживают нарративную структуру в таком сегменте поэтической коммуникации, как альпийская литература (*нем.*

Bergliteratur). Альпийское литературное пространство многолико, амбивалентно для восприятия и полифункционально, т. е. способствует решению не только эстетических или символических задач, но и выполняет иные функции. Например, альпийские тексты, созданные в определенные исторические периоды, насыщены идеологическими клише. В них традиционно используются архетипические образы альпиниста, горного проводника или спасателя.

Пафос альпийской литературы заключается в том, что она эксплуатирует тему покорения горных вершин и единоборства человека с природой, часто с недвусмысленным гендерным подтекстом. Если *вершина* образно наделена женской сущью, то ее *покоритель* представляет собой идеальный маскулинный типаж с присущими ему такими качествами, как сила, мужество, выдержка, надежность и, не в последнюю очередь, брутальная эротичность. Гендерная составляющая обеспечивает презумпцию *событийности* горного романа: словосочетание *покорять вершину* используется далеко не случайно: глагол действия *покорять* (нем. *bezwingen*) означает *насильственно устанавливать свою власть, завоевывать; заставить повиноваться*. Однако в альпийской литературе нередко встречаются вершины, которые реализуют агрессивную «модель поведения» по отношению к своим покорителям: они смеются, издеваются над ними, швыряют в них камни и ледяные глыбы, а в крайнем случае могут отнять и жизнь.

Но в то же время вершины и альпинисты находятся не просто в антагонистических отношениях друг с другом. Последних неудержимо тянет вверх, в этом есть и любовь, и одержимость. Важно, что альпийские тексты строятся на антропоморфной метафорике, так как в этом жанре происходит персонификация ландшафта вообще и горных вершин, в частности. В исследованиях, посвященных альпийской тематике¹, подчеркивается, что при описании горных ландшафтов в профессиональном языке альпинизма систематически используются понятия, заимствованные из повседневных речевых практик (нем. *Kamin, Turm, Tor, Wand, Kamm, Sattel, Kessel usw.*), как и обозначения частей человеческого тела (нем. *Zahn, Schulter, Finger, Gurgel usw.*), что типично и для других языков, например

¹ См., например, обзор в монографии Д. Гюнтер [7].

для русского (ср.: *камин, балкон, карниз, крыша, стена, ярмо, седло, полка, ванна; нос, плечо, челюсть, кадык, палец, зуб* и т. д.)¹.

Из альпийских текстов читатель узнает, как совершается восхождение, какие трудности приходится преодолевать, какие чувства испытывают герои², бросившие вызов природе. Именно поэтому альпийская литература создается, хотя и не без романтического «привкуса», по возможности, в реалистическом модусе. Это объясняет, почему фикциональные тексты и тексты так называемой саморефлексии (альпийские дневники и отчеты о восхождениях, биографии знаменитых проводников и альпинистов) имеют зоны пересечения, а характерные приемы и эпизоды из автобиографических текстов повторяются в текстах фикциональных. Можно предположить, что для обывателя альпинизм является конструктом, детерминированным образами альпийской литературы и альпийского кино. Реальные события обретают художественное воплощение в ходе литературной обработки на основе воспоминаний и реконструкции действий, которые в процессе литературизации «обрастают» фикциональными деталями. Одновременно реализуется стремление авторов к правдоподобному изложению фактов. В культурологическом исследовании А. Хунгербюлер [8] замечено, что все действия и диалоги, происходящие в момент преодоления наиболее сложных участков маршрута, как и чувства и эмоции участников подробно передаются, будто бы в режиме реального времени и снабжаются точными темпоральными указателями. Также используется прием цитирования записей из дневника восхождения, что придает фикциональному тексту документальный характер³.

¹Ср.: «Im Zuge dieser Anthropomorphose wird zur Beschreibung der materialen Erscheinung der Berge neben Begriffen aus der häuslichen Umwelt (wie Kamin, Dach, Wand etc.) und Werkzeugen (Joch, Wanne, Schneide) gerne auf Bezeichnungen menschlicher Körperteile zurückgegriffen. Berge werden zu „Berggestalten mit ihren Eispanzern“, sie haben Nasen, Schultern, ein Gebiss oder auch eine „unheimliche Gurgel“, womit Ausdrücke verwendet werden, die in der alpinen Fachsprache allgemein verbreitet sind» [8, с. 140–141].

²Слово *герой* допускает в данном контексте двоякое прочтение (герой произведения и героическая личность). – *Прим. автора.*

³Ср.: «Gleichzeitig wird stets der Anspruch deutlich, die Realität korrekt abzubilden. Dies zeigt sich etwa daran, dass Ereignisse, Dialoge, Bewegungsabläufe bei besonders schwierigen Kletterstellen und Gefühlszustände der Beteiligten minutiös und mit minutengenauen Zeitangaben versehen wiedergegeben werden.

Еще одна стилевая черта альпийских текстов, которая важна для актуализации категории *событийности* – это имплицитная назидательность: легко вычитывается, что физически плохо подготовленным или непрофессионально экипированным героям не следует отправляться в горы, так как любое восхождение связано с риском для жизни.

Литературное пространство текстов альпийского жанра насыщено огромным количеством границ, наличие которых, по идее Ю. М. Лотмана, считается обязательным условием для того, чтобы событие состоялось. Самая заметная граница представляет собой «универсальное для всех человеческих культур противопоставление верх/низ с разнообразными содержательными интерпретациями (религиозными, социальными, политическими, моральными и т. д.)» [1, с. 176]. В альпийской литературе противопоставление *низа* и *верха* является исходным пунктом сюжетосложения, оно абсолютно наглядно, сначала топографически, а затем, в зависимости от развития сюжета, его можно интерпретировать, по утверждению Ю. М. Лотмана, с любой точки зрения.

Событийность следует рассматривать как базовую жанрообразующую категорию альпийской (горной) литературы. Акт, именуемый *событием*, в тексте может принять любую коннотацию. Герои испытывают не только радость или триумф, но и равнодушие, разочарование, шок, прочие экстатические состояния. Сюжет, как правило, предполагает, что главной целью для героя (героев) является покорение некой горной вершины или горного массива. Это вполне соответствует каноническому пониманию литературного события, так как при взятии вершины происходит переход героя через границу некоего семантического поля и текст приобретает иной «порядок».

Для достижения главной цели должны быть выполнены промежуточные действия, иногда рутинного характера, как то: траверсирование ледника, преодоление снежных мостов, скальных участков, расщелин и осыпей, выполнение приемов самосохранения, передвижение по снежным и фирновым склонам и др. Успешное завершение каждого действия дополняет событийную цепочку произведения, сигнализируя грядущий переход через границу текстового порядка, так как герой становится на шаг ближе к главному *событию*. Он каждый

Auch das Zitieren der Führerbucheinträge, das den Texten eine „dokumentarische Bedeutung“ verleihen soll, zielt auf die Unterstreichung der Authentizität und Richtigkeit des Geschriebenen» [8, с. 131].

раз решает задачу в пограничном сегменте жизнь/смерть, не прерывая главной событийной цепочки. Такая логика нарратива обеспечивает процессуальный характер текста. Конечно, есть альтернативный вариант развития сюжета, но в этом случае событием становится переход героя в поле потустороннего пространства, т. е. его гибель. В этот момент текст может обнаружить жанровые признаки триллера или детектива за счет усиления текстового напряжения. Наиболее ярко это свойство проявляется в текстах, в основу сюжета которых положены желание или необходимость взятия знаковой вершины, вершины-символа, которая до этого не покорялась никому. Исследователи альпинистского дискурса подчеркивают, что в символической практике восхождений особую ценность имеет именно *первое* покорение особо сложной или высокой горы. Первое восхождение – стандартный топос альпинистского дискурса вообще – считается таковым только после его письменной фиксации¹.

Если именно *первая* попытка становится знаковым элементом нарратива, то сюжет осложняется за счет нарастания текстового напряжения: участники события осознают степень риска, связанного с достижением цели, понимают, что цена каждого ошибочного действия слишком высока; в тексте появляются маркеры мотива «кровожадности» объекта, ретроспективно рассматриваются предыдущие неудачные попытки покорения. На дискурсивном уровне это происходит за счет актуализации соответствующих операторов, которые могут быть причислены к маркерам событийности и позволяют рассматривать данную категорию в свете предлагаемых В. Шмидом критериев градации, которые делают произошедшее *более или менее событийным* (релевантность, непредсказуемость, консекутивность, необратимость, неповторяемость) [2, с. 16–18].

Категорию событийности в художественной литературе имеет смысл рассматривать в широком контексте, «в привязке» к пространству и времени, так как переход персонажа через любую из возможных в сконструированном альпийском мире границ любого свойства, будь то топографического, этического, прагматического [1; 2],

¹Ср.: «Seit der Moderne ist es in der symbolischen Praxis des Bergsteigens von besonderem Wert, als „Erste“ oder „Erster“ auf einem besonders schwierigen oder hohen Berg gewesen zu sein, ihn „erobert“ zu haben. Eine Erstbesteigung – dies ein „Standardtopos des alpinistischen Diskurses“ – gilt aber erst als solche, wenn sie schriftlich beschrieben ist» [8, с. 134–135].

происходит не сам по себе, но на фоне пространственно-временных параметров текста. Так, анализ немецкоязычного альпийского дискурса 1930-х гг., когда покорение реальных вершин в Альпах стало явлением национально и идеологически коннотированным, показывает, что каждое знаковое событие в сфере альпинизма рассматривалось как патриотический акт, что неизбежно оказывало влияние на литературу и другие виды искусства. С другой стороны, взятие вершины как литературное событие можно истолковать с учетом субъективной перспективы героя. Мотивом может стать индивидуальный акт протеста, жест отчаяния или попытка самоутверждения отдельной личности. Это зависит от того, какие интенции движут протагонистом (стремление быть первым, кризисная ситуация в жизни, неудовлетворенность своим положением в социуме, личная месть конкретной вершине за то, что некогда отняла близкого человека или не покорилась, нанесла обиду и др.). От подобных деталей зависит, какие дискурсивные маркеры влияют на качество текста в событийном аспекте. Мы полагаем, что для понимания конкретного литературного текста важно учитывать, как объективируются сигналы событийности, и как на нее работают время, пространство, а также литературное напряжение.

В качестве иллюстрации вышеизложенных положений рассмотрим конкретный пример. В 2009 г. была вновь издана забытая повесть Макса Фриша «Ответ из тишины» [5], которую он написал еще в 1937 г., а затем вычеркнул ее из списка произведений для юбилейного собрания сочинений¹. Этот текст может быть интересен как литературоведам, так и лингвистам по многим причинам, но для анализа категории *событийности* он просто идеален, прежде всего как пример решения задачи покорения особой вершины с целью, с самого начала известной лишь одному протагонисту. Тем более что на момент создания произведения альпийский дискурс был максимально идеологизирован. В 30-е гг. XX в., когда все основные вершины в Альпах были уже взяты, команды альпинистов Германии, Австрии, Италии пытались покорить, в буквальном смысле этого слова, наперегонки, «последнюю проблему Альп» [3] – оставшийся непройденным маршрут по северной стене горы Эйгер (Eiger) в Швейцарских Альпах, чтобы доказать всему миру, на что способен человек

¹ *Frisch Max. Gesammelte Werke in zeitlicher Folge. – 7 Bde. – Fr. am Main: Suhrkamp, 1976.*

новой формации. После многократных неудачных попыток взятие Эйгера удалось осуществить в 1938 г., когда четверо альпинистов объединенной австрийско-немецкой команды поднялись на вершину по северной стене [3]. И хотя в повести М. Фриша именно идеологический дискурс не выделен в отдельный мотив, знание реальных обстоятельств представляется полезным для воссоздания полной картины места и образа действия героя повести (хотя М. Фриш размещает покоряемую вершину в другой части Альп, параллель *Nordwand* в реальности – *Nordgrat* в повести очевидна¹). Интересно, что повесть находится в едином интердискурсивном поле с кинофильмами весьма амбивалентно трактуемого жанра *Bergfilm*².

Повесть «Ответ из тишины» написана в непростой момент жизни 26-летнего Фриша, она отчасти биографична, вписывается в канон альпийской литературы и дает возможность применить аппарат, пригодный для описания стратегий событийности. К анализу целесообразно привлечь и дополнительные текстовые источники, в том числе принадлежащие перу самого М. Фриша – будучи хорошим альпинистом, он между 1932 и 1939 гг. опубликовал серию горных репортажей в *Neue Zürcher Zeitung*. Кроме того, альпийский дискурс часто проявляется в его более поздних произведениях.

Как и большинство авторов альпийского жанра³, М. Фриш развивает тему достижения границы физических и психических возможностей в крайне тяжелых для выживания условиях, которые «организованы» самой природой. С этой точки зрения, стиль повести неизбежно вызывает ассоциацию с манерой письма авторов «Бури и натиска».

¹ На это обращает внимание литературовед Петер фон Матт в послесловии к изданию [5, с. 162].

² Пионерами этого сугубо немецкого жанра в киноискусстве считаются Зепп Альгайер и Арнольд Фанк (*Berg des Schicksals – Ein Film aus den Dolomiten*, 1924; *Der heilige Berg. Eine dramatische Dichtung mit Bildern aus der Natur*, 1926). Не без влияния А. Фанка в этот жанр пришли Л. Тренкер и Л. Рифеншталь: в фильме А. Фанка *Der heilige Berg* они исполняли главные роли, а затем начали работать самостоятельно. Режиссерский дебют Л. Тренкера – *Der Kampf ums Matterhorn*, 1928; первый фильм Л. Рифеншталь как режиссера *Das blaue Licht – eine Berglegende*, 1932 г. Подробнее см. в: [4, с. 54–70].

³ Например: Heer, J. Chr. *Der Wetterwart* (1916); Jegerlehner, J. *Bergführer Melchior* (1929); Hohl, L. *Bergfahrt* (1975); Augsburg, U. *Graatzug* (2007); Graf, R. *Niedergang* (2013) и многие другие.

Американский историк искусства В. Дж. Т. Митчелл, автор книги *Landscape and Power* [9], заметил, что ландшафт следует рассматривать не как предмет, который можно видеть, или как текст, который можно читать, но как процесс, через который создаются социальные и субъективные идентичности¹. Эту идею развивает Р. Гульдин, использовавший высказывание В. Дж. Т. Митчелла в качестве эпиграфа для своей монографии *Politische Landschaften: zum Verhältnis von Raum und nationaler Identität* (2014), рассматривая ландшафты как социально релевантные процессы, на фоне которых происходит рождение коллективной и субъективной идентичности [6]. Это очень точно отражает событийную сторону анализируемой повести М. Фриша.

Протагонистом, имя которого читатель узнает только в конце повествования, является тридцатилетний человек с университетским образованием, защитивший диссертацию, учитель, лейтенант швейцарской армии. За две недели до свадьбы он, оставив свою семью и невесту в полном неведении (это следует понимать как переход через границу этического свойства), уезжает в горы с намерением покорить сложную вершину, взойдя на нее в одиночку по траектории, которая прежде не использовалась (это также плановый переход сразу через несколько границ). Его интересует восхождение именно по *чудовищному северному ребру* (*ungeheurer Nordgrat* [5, с. 36])²: «Dieser Nordgrat sollte ja nicht einfach sein, sagt er dann selber, jedenfalls, habe ihn noch nie ein Mensch bezwungen» [5, с. 40].

В основе идеи реализовать себя в горах лежит полная неудовлетворенность своей «нормальной», ничем не примечательной гражданской жизнью, которую герой считает совершенно пресной и преступной в своей обычности: «Das also ist mein Leben, denkt er immer wieder und findet, daß es kein Leben sei, sondern nur ein Dasein» [там же, с. 15]. И далее:

Es ist sein letzter Versuch, wozu er aufgebrochen ist und niemand wird ihn daran hindern, nicht durch Bitten und nicht durch Warnen. Einmal muß man sein jugendliches Hoffen einlösen, wenn es nicht lächerlich werden soll, einlösen durch die männliche Tat, und es wird sich ja zeigen, ob es ein leerer

¹Ср.: «Man sollte sich Landschaft nicht als einen Gegenstand vorstellen, den man sehen kann oder als einen Text, den man lesen kann, sondern als einen Prozess, durch den soziale und subjektive Identitäten geschaffen werden». Цит. по: [6, с. 6].

²Зд. и далее цит. по: [5]. Повесть не переведена на русский язык.

Größenwahn war oder nicht, woran man so viele Jahre lang glaubte. Einmal muß man es wagen, die Tat oder der Tod, denn ein Leben, wie es sich anlässt, kann und will er nicht ertragen, das hat er sich geschworen, dieses Leben eines Durchschnittsmenschen – nie und nimmer! [там же, с. 17–18].

Герой М. Фриша формулирует собственную программу событийности – «подвиг или смерть» – «die Tat oder der Tod» [5, с. 18]:

Sein Wille wird ihn in den Nordgrat schicken, in die Tat oder in den Tod, wie er früher sagte, und dabei fühlt er so klar, immer klarer, daß er nicht an die Tat glaubt. Auch wenn er den Berg bezwingt, wird er darum ein anderer sein? Aber wer keine Sehnsucht hat, keine echte Sehnsucht, was bleibt ihm anderes übrig als der Ehrgeiz? [5, с. 60–61].

Если опустить целый ряд сюжетных ходов и сразу обратиться к центральной теме восхождения, оказывается, что в повести М. Фриша альпийская событийность реализуется как бы наоборот. С одной стороны, текст имеет все составные части литературного «каркаса» альпийского жанра, необходимые для того, чтобы событие состоялось (поставленная цель, никем не пройденный маршрут, горный ландшафт, детали снаряжения, сводки погоды; гостиница у подножья горы, откуда публика может в подзорную трубу наблюдать за героем, пока он покоряет вершину и соперничать ему; команда местных проводников-спасателей). С другой стороны, герой, вплотную подошедший к «границе», исчезает из поля зрения не только персонажей повести, но и читателя, которому остается лишь догадываться о том, что происходит по ту сторону границы, где развиваются главные события. Герой возвращается, когда его уже ищет собравшаяся по тревоге команда местных проводников, «просветленный», но совершенно измученный, к тому же с тяжелой травмой – у него отморожена правая рука. Знаковым представляется его молчание, которое отсылает читателя к сильной позиции текста, к названию повести. Вопреки ожиданиям читателя, герой не торопится начать рассказ о том, как он провел дни и ночи, штурмуя вершину. Можно предположить, что для своеобразной реализации категории событийности в анализируемом тексте принципиально важны следующие составляющие нарратива:

1. Сформулированное кредо «подвиг или смерть» (Tat oder Tod) делит пространство на две части, задает параметры границы, из-за которой нет возврата. Длительное ожидание разрешения ситуации, неизвестность создают большее напряжение, чем, если бы это было подробное описание восхождения во всех деталях.

2. Отсутствие последовательного описания событийной цепочки, которая показала бы читателю, как совершается «подвиг», как герой балансирует на границе семантических полей героизма и смерти. Вместо этого автор заставляет героя на несколько дней исчезнуть из поля зрения не только других героев, но и читателя, нарушив ожидаемый «порядок» текста. Здесь речь идет о событии особого рода, связанном не с планом содержания текста, а с нарративной стратегией автора.

3. Отсутствие главного доказательства перехода через границу: текст не дает описания того, что является главным «бонусом» для героя, покорившего вершину, *вида сверху*¹. При этом читатель не имеет оснований подозревать героя в том, что он не достиг вершины. Весо-мость события не позволяет герою рассказывать о том, что он пережил, непринужденно:

...auch wenn er es vielleicht niemals wird sagen können, was er in der großen Stille gehört hat; aber es muß schon einen großen Sinn haben, was dieser Stille standhielt... [5, с. 143].

4. Внезапное, почти загадочное возвращение героя из «ниоткуда», его упорное молчание, его физическое состояние (смертельная усталость, отмороженная рука):

Er steht da in dem flackernden Schein, der ihn blendet, der tiefe Schatten in sein Gesicht wirft, und seine Augengruben sind wie schwarze Löcher, und er steht da wie einer, der aus dem Sarge kommt [там же, с. 138–139].

5. Ответ, полученный героем «из тишины», его просветленность, умиротворенность:

Es ist, als löse sie alles Denken auf, diese Stille, die über der Welt ist; <...> immer bleibt diese einsame Stille zurück, die um alles Leben ist und jeden Aufschrei verschluckt, als sei er nie gewesen, diese namenlose Stille, die vielleicht Gott oder das Nichts ist [там же, с. 36].

Ja, daran hat er gedacht, bevor er erschöpft und zerschlagen, aber ohne Angst, mit erfrorenen und schmerzenden Gliedern, aber mit neuer Sehnsucht und mit wissendem Herzen in einen schweren Schlaf versank [там же, с. 145].

¹Ср.: «Wie die Ambivalenz in der Beschreibung der Berge ist auch die Schilderung der schönen Aussicht vom Gipfel in der alpinen Literatur allgemein und besonders in Tourenberichten weit verbreitet. Sie gilt als Beweis dafür, dass der Bergsteiger, die Bergsteigerin auch tatsächlich ganz oben stand» [8, с. 138].

Предложенный способ прочтения показывает, насколько значима категория событийности для формирования смыслов в литературных произведениях таких жанров, как альпийский роман или альпийская повесть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
2. *Шмид В.* Нарратология. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
3. *Auffermann U.* Die Wand – Meisterprüfung der Bergsteigergilde // Die Geschichte der Eiger Nordwand. – (Internet-Portal Berg News.com). – URL: <http://www.bergnews.com/service/Eiger-Nordwand/65-Jahre-Eiger-Nordwand.php> (03.09.2016).
4. *Dorn Th.* Bergfilm // Thea Dorn; Richard Wagner. Die deutsche Seele. – München : Albrecht Knaus, 2012 (limitierte Sonderausgabe). – S. 54–70.
5. *Frisch M.* Antwort aus der Stille. Eine Erzählung aus den Bergen / Mit einem Nachwort von P. von Matt. – Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 2009. – 172 S.
6. *Guldin R.* Politische Landschaften: Zum Verhältnis von Raum und nationaler Identität. – Bielefeld :Transcript, 2014. – 296 S.
7. *Günther D.* Alpine Quergänge. Kulturgeschichte des bürgerlichen Alpinismus (1870–1930). – Frankfurt a. M. ; N. Y. : Campus, 1998. – 368 S.
8. *Hungerbühler A.* „Könige der Alpen“. Zur Kultur des Bergführerberufs. – Bielefeld : Transcript, 2014. – 446 S.
9. *Mitchell W. J. T.* Landscape and Power. – 2nd Ed. – Chicago: University of Chicago Press, 2002. – 376 S.

УДК 81'362

А. О. Манухина

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии МГЛУ; e-mail: amanuhina@mail.ru

**СОБЫТИЯ АЛЬБИГОВСКОЙ ВОЙНЫ (1201–1229)
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СУБЪЕКТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ
ЕЕ УЧАСТНИКОВ**

**(на материале латинской хроники
и провансальской поэмы XIII в.)**

Статья посвящена изучению языковых средств представления событий Альбигосского Крестового похода его участниками. В работе анализируются (на материале хроники католического монаха Петра Сернейского и поэмы трубадура Гийома Тудельского) особенности субъективного авторского восприятия действительности в сопоставлении с общепринятыми этическими стереотипами XIII в. Проводится анализ ценностной составляющей латинского и провансальского текстов с учетом специфики периода Средневековья.

Ключевые слова: нравственные стереотипы рыцарства; латинские и провансальские письменные памятники эпохи Крестовых походов; оценочные конструкции.

Manukhina A. O.

Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of Classic Philology, MSLU; e-mail: amanuhina@mail.ru

**THE ALBIGENSIAN WAR (1201–1229)
IN THE LIGHT OF THE SUBJECTIVE PERCEPTION
OF ITS PARTICIPANTS**

**(Based on a Latin Chronicle
and a Provençal Poem of the 13th Century)**

The article is devoted to analysing the means of linguistic representation of the events of the Albigensian Crusade by its participants. The paper considers the interaction of the author's evaluative perception of reality (based on catholic monk Petrus Sarnensis's chronicle and the poem of troubadour Guillaume de Tudèle) and common ethic stereotypes of the 13th century. The value component in the Latin and the Provençal texts is investigated through the specific features of the Middle Ages texts.

Key words: moral stereotypes of chivalry, Latin and Provençal written monuments of the epoch of Crusades, evaluative constructions.

Крестовый поход против Альбигойцев (1201–1229), одно из самых неоднозначных событий в истории Европы, запечатлен в двух исторических документах, написанных в одну эпоху, авторами – непосредственными участниками и современниками похода. Это латинская хроника XIII в. *Historia Albigensium et sacri belli* («История Альбигойцев и Священной войны») католического монаха Петра Сернейского [10] и провансальская поэма того же периода *La cansos de la crozada contr'els eres d'albeges* («Песнь о Крестовом походе против еретиков-альбигойцев»), приписываемая трубадуру Гийому Тудельскому, сочувствующему еретическим течениям Прованса [8]. Рассматриваемые западноевропейские документальные источники как наиболее авторитетные [3] составили корпус исследования.

Цель статьи – выявить своеобразие авторского восприятия событий Альбигойского похода, которое реализовалось в суждениях об истине и лжи, о Боге и ереси, о добре и зле.

Необходимо отметить, что при анализе средневекового текста современный читатель невольно переносит и на древние памятники представления, свойственные нашему субъективному восприятию действительности. Вследствие этого искажается истинная событийная картина, лежащей в основе любого письменного памятника. Изложенные средневековыми авторами факты о Крестовом походе против еретиков требуют от современного исследователя детального критического анализа и понимания экстралингвистических реалий.

Данная работа представляет собой попытку осмыслить, насколько истинными являются события, изложенные в письменных источниках авторами, принадлежавшими к разным социальным группам, которые были антагонистами по религиозным взглядам и писали на разных языках (монах Петр – на «выученной книжной» латыни, а трубадур Гийом – на провансальском языке).

Оба хрониста в начале своего труда заявляют о знании уникальной истины, которую они стремятся сообщить миру. Для этого, по мнению авторов, есть серьезные основания. Так, монах Петр лично участвовал в военных походах и имел возможность подробно описать

¹ «Силой истины я, живущий, покорил вселенную» – фраза, приписываемая Кристоферу Марло (1564–1593); ее подтекст заключается в том, что всей правды не знает никто, а есть лишь легенды, мнения и некоторые документы.

походы крестоносцев [10, с. 167], о чем он и сообщает в прологе к своей хронике:

Nihil unquam apposuerim, nisi quod viderim oculis meis vel audiverim a magnae auctoritatis personis et plenissima fide dignis. Non studuerim superfluis verbis ornare codicem, sed simpliciter exprimere simpliciter veritatem [10, с. 543].

Ничего другого я когда-либо не предлагал, кроме того, что я видел своими глазами или слышал от людей, заслуживающих величайшего уважения и достойных полнейшего доверия. Я буду стараться не украшать свиток лишними словами, а просто излагать простую истину¹.

Автор провансальской «Песни о Крестовом походе» Гийом Тудельский, говоря о себе в третьем лице (что типично для средневековых произведений), также говорит о своем намерении поведать истину:

Que el fesez un libre que fospel mon auzit, Qu'en foz sa saveiza e son sen expandit. Adonc feaquest libre es el meteish l'escrit [8, с. 340].

И что он создал книгу, которая будет услышана по миру, чтобы ее мудрость и ее смысл были распространены. И он создал эту книгу, которую сам предал письменам.

Подобные заверения авторов о готовности «говорить правду и ничего, кроме правды» объясняются в литературоведении употреблением типичного для многих средневековых жанров топоса. В действительности особенности описания исторического события в тексте зависят от точки зрения автора и той «сверхзадачи», которая перед ним стоит.

На самом деле при изложении одних и тех же фактов Петр Сернейский и Гийом Тудельский далеки от объективности и дают противоположные характеристики исторических эпизодов, персонажей и их поступков.

В связи со сложностью изучаемого вопроса мы ограничились сравнительным анализом описания предводителя крестоносцев Симона де Монфора, которое присутствует у обоих авторов и где наиболее ярко проявляется их антагонизм.

Так, в «Истории» Петра Сернейского Симон де Монфор занимает центральное место: вокруг этой личности сосредоточен интерес изложения. Он преподносится как воплощение человеческих

¹ Зд. и далее перевод наш. – А. М.

достоинств, чему посвящена отдельная глава хроники *De praeclaris animi et corporis dotibus Simonis comitis Montis-fortis* – «О прекрасных достоинствах тела и души Симона графа де Монфора» [10, с. 570]. Там описываются:

– его достоинства как рыцаря: *genere praeclarus, virtute robustus, in armis plurimum exercitatus* («известнейшего рода, силен в доблести, очень опытен в оружии») [там же, с. 570];

– достоинства христианина: *totus in divinis servitiis mancipatus* («полностью преданный Господнему служению») [там же, с. 571].

Автор прославляет подвиги Симона де Монфора, а его смерть уподобляет мучению и смерти Христа:

Vulnera receperat ad similitudinem Salvatoris, pro quo mortem patienter sustinuit [там же, с. 712].	Он получил раны наподобие Спасителя, во имя которого он терпеливо принял смерть.
---	--

По мнению хрониста, трагические обстоятельства смерти Симона де Монфора (он погиб при осаде Тулузы от камня, брошенного из катапульты альбигойцами-еретиками) сближает его с великомучеником Стефаном:

Mortem imitatus Beati Stephani, et ipsius lapidatus in urbe [там же, с. 712].	Он уподобился смерти святого Стефана, забитого камнями в городе.
---	--

Как можно видеть из приведенных примеров, этот военачальник представлен исключительно как положительный герой. О подобной идеализации персонажей у средневековых писателей, известной нам по эпическим поэмам и куртуазным романам, медиевист Поль Зюмтор писал: «У любого автора той эпохи был арсенал стереотипных портретов (*descriptiones personarum*), которые он использовал при построении своего произведения» [2, с. 90].

Для большего эффекта Петр Сернейский преподносит образ Монфора, противопоставляя его предводителю альбигойцев. В сознании католика-монаха все описанные добродетели рассматривались как обязательный атрибут рыцаря, считалось нормой их соблюдение. Однако полное торжество нормы в принципе невозможно, в этом случае она лишается смысла. Естественным коррелятом нормы будет ее нарушение. Между тем, стереотипы поведения существуют

не только для выражения нормы, ее соблюдения, но и ее нарушений, т. е. «неправильное» поведение тоже имеет свои стандарты.

В противоположность Монфору, граф Тулузский показан как человек, нарушивший все религиозные и этические нормы своего времени, о чем свидетельствует название главы: *Descriptio vitae corruptae atque morum comitis Tolosani erga Deum et ejus Ecclesiam* [10, с. 551] – «Описание испорченной жизни и нравов графа Тулузского по отношению к Богу и его Церкви». Отрицательная оценка заключена здесь в самой семантике латинского прилагательного *corruptus* («испорченный, бесчестный, развращенный, порочный, обесчещенный, опозоренный» [1, с. 266]) и ниже приводится основание для такой негативной оценки:

A primis cunabilis semper haereticos dilexit et fovit, et eos, in terra sua habens, honoravit [10, с. 551].

С раннего детства он всегда еретиков почитал и лелеял и, имея их на своей земле, уважал.

В данном отрывке нет эксплицитно выраженной оценки: оценочная и эмоциональная лексика отсутствует. Однако мы знаем, что в период Средневековья благочестие всегда было обязательным для рыцаря. В средневековой французской культуре того времени «еретиком» считали «человека, сознательно уклоняющегося от истинной веры, отступающего от общепринятых взглядов, норм и правил» [9, с. 1190], «адепта доктрины или утверждения, противоречащего догмам католической церкви» [7, с. 265]. В этом контексте существительное *haereticus* («еретик, последователь ереси» [1, с. 467]) приобретает негативную оценку.

Для усиления воздействия на читателя далее Петр Монах описывает богохульные, с точки зрения человека XIII в., поступки графа Тулузского:

Adorabat hereticos flexis inter ragenibus, et petebat ab eis benedictionem et osculabatur eos [10, с. 551].

Он почитал еретиков, преклонив на земле колена, и просил у них благословения и целовал их.

Исследователями отмечается, что рыцарство было «военизированным, строго иерархическим обществом с непреложными сакральными ценностями» [2, с. 475]. С этим связано особо трепетное отношение крестоносцев к религиозным таинствам и обрядам, и их нарушение или недостойное отношение считалось позором.

Отрицательная оценка еретика выражена и эксплицитно:

Spoliabat ecclesias, monasteria destruebat, omnesque sibi vicinos quos poterat exhaereditabat [10, с. 554].	Он грабил церкви, разрушал монастыри, и всех своих соседей, кого мог, обездолил (<i>букв.</i> 'лишил наследства').
---	--

Оппозиция Симон де Монфор (благочестивый и доблестный рыцарь)/граф Тулузский (бесчестный еретик) представляет собой своего рода отражение в сознании современника существующей религиозной картины мира эпохи, причем определяющим моментом здесь станет совокупность ценностных ориентиров. Как известно, в средневековом мышлении восприятие человеком событий окружающей действительности происходило на основании их соотнесения с тем или иным полюсом бинарной оппозиции: делении мира на силы «Добра» (Бога) и «Зла» (Дьявола). Под влиянием религиозного мировоззрения той эпохи оценка в средневековых текстах обязательно связывается с прескрипцией, т. е. рассуждение не может остановиться на констатации факта «это хорошо» или «это прекрасно». Необходим вывод: это хорошо, и так надлежит поступать; это прекрасно, потому что так угодно Богу [5, с. 132].

Назидательный тон высказываний дает возможность судить о том, что автор находился под влиянием распространенной в то время моралистической и религиозно-дидактической литературы.

Однако истинность выражаемой Петром Сернейским оценки вызывает сомнение после рассмотрения другого исторического документа – провансальской поэмы Гийома Тудельского, в которой Симон де Монфор также занимает одно из центральных мест в повествовании.

Провансальский трубадур, принявший сторону альбигойцев, напротив, проклинает Симона де Монфора как врага и радуется его смерти.

Однако его негативная оценка проявляется опосредованно, через специфику описания факта его гибели:

E venc tot dreit la peira lai on
era mestiers E feric si lo comte sobre
qu'elm qu'es d'acers Quels olhs e las
cervels els caichals estremiers,
El front e las maichelas li partic a
cartiers. Els coms cazec en terra morts
e sagnens e niers [8, с. 342].

И упал камень там, где было нужно,
прямо на его шлем и ударил так
сильно, что глаза и мозг выскочили,
а лоб и челюсть разбились в куски.
И упал граф на землю мертвый
окровавленный и черный.

Здесь авторское «я» не вербализовано. Поэт рассказывает о событиях как бы беспристрастно – «объективный взгляд» со стороны. Но жестокий натурализм, «смакование подробностей» и детализация в изложении сцены трагической гибели однозначно свидетельствует о позиции автора. Подобное описание скорее напоминает убийство мифологического чудовища, нежели смерть благородного рыцаря. В логике повествования Гийома Тудельского со всей определенностью обнаруживается политический подтекст, выражающий позицию рассказчика, проявляющего ненависть к атакующим крестоносцам и сочувствующего осажденным альбигойцам.

Также автор выражает свое личное отношение и непосредственно, через эмоционально-оценочную лексику. Например, трубадур открыто радуется известию о смерти Монфора:

El coms qu'era malignes et
homicidiers, Es mortz ses penedensa,
car eraglacierz [8, с. 343].

Граф был нечестивец и убийца,
поэтому и умер без покаяния,
в наказание за свою жестокость.

Рассказчик для придания повествованию большей объективности приводит мнение жителей осажденной Тулузы по поводу смерти графа:

A totzels de la vila car en Simos
moric vencaitals aventura que l'escurs
esclarzic [8, с. 343].

Для всех в городе смерть Симона
была счастливой случайностью, из
мрака сделавшей свет.

Выявленные в обоих сочинениях оценочные конструкции формируют на лексико-семантическом уровне систему оценочных оппозиций, и данную взаимосвязь можно представить в виде схемы.

При сопоставлении видно, что каждой из цитат, содержащей положительную оценку у Петра Сернейского, соответствует отрывок с диаметрально противоположным содержанием и негативной оценкой в провансальском тексте Гийома Тудельского.

Таким образом, латинская *Historia Albigensium et sacri belli* («История Альбигойцев и Священной войны») и провансальская *La cansos de la crozada contr'els eres d'albeges* («Песнь о Крестовом походе против еретиков-альбигойцев») противопоставлены по содержанию, идейной направленности и характеру изложения. При исследовании этих произведений мы пришли к выводу, что изучаемые письменные памятники представляют собой, по сути, образцы ярко выраженных

политически тенденциозных произведений, что нисколько не умаляет их документальной и исторической ценности как свидетельств Альбигойского крестового похода. Они особенно интересны для исследования, тем более что впервые служат материалом лингвистического анализа и требуют дальнейшего серьезного исследования.

Латинская хроника Петра Сернейского:	Провансальская поэма Гийома Тудельского
<i>Totus in divinis servitiis mancipatus</i> «Целиком преданный Господнему служению»	<i>Coms qu'era malignes et homicidiers</i> «Граф был нечестивец и убийца»
<i>Mortem imitatus Beati Stephani</i> «Он уподобился смерти святого Стефана»	<i>Es mortz ses penedensa, car eraglacierz</i> «Умер без покаяния, в наказание за свою жестокость»
<i>Vulnera receperat ad similitudinem Salvatoris, pro quo mortem patienter sustinuit</i> «Он получил раны наподобие Спасителя, во имя которого он терпеливо принял смерть»	<i>Quels olhs e las cervels els caichals estremiers, El front e las maichelas li partic a cartiers. Els comscazec en terra morts e sagnens e niers</i> «Глаза и мозг выскочили, а лоб и челюсть разбились в куски. И упал граф на землю мертвый окровавленный и черный»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1976. – 1096 с.
2. Зюмтор Поль. Опыт построения средневековой поэтики / пер. с фр. И. К. Стаф. – СПб.: Алетейя, 2003. – 544 с.
3. Осокин Н. А. История Альбигойцев и их времени. – М.: АСТ, 2003. – 896 с.

4. *Поло де Болье М.-А.* Средневековая Франция. – М.: Вече, 2006. – 384 с.
5. *Чельшева И.И.* Выражение ценностной ориентации в средневековом тексте // Функциональная семантика. Оценка, экспрессивность, модальность // In memoriam Е. М. Вольф. – М.: РАН, 1996. – С. 126–137.
6. *Dictionnaire provençal-français ou dictionnaire de langue d'oc ancienne et moderne, suivi d'un vocabulaire français-provençal* par S. J. Honnorat. – Digne : Repos, Imprimeur-libraire-éditeur, 1846. – 786 p.
7. *Dubois Jean.* Dictionnaire étymologique et historique du français. – Paris : Larousse, 2000. – 821 p.
8. *La Chanson de la Croisade contre les Albigeois, commencée par Guillaume de Tudèle et continuée par un poète anonyme.* Editée et traduite pour la société de l'histoire de France par Paul Meyer. – Paris : Librairie Renouard, 1875. – 576 p.
9. *Le Grand Robert de la langue française. Un nouvel espace pour le plus grand dictionnaire actuel de la langue française ! Le nouveau CD-ROM du Grand Robert restitue l'intégralité des 6 volumes du Grand Robert de la langue française, dans sa dernière édition.* – Paris, 2001. – 2220 p.
10. *Petri Monachi Coenobii Vallium Cernaii Historia Albigensium et sacri belli in eo sanno 1209 suscepti duce et principe Simone de Monteforti // Patrologiae cursus completus. Tomus CCXIII.* – Paris : Apud J.-P. Migne editorem, 1855. – 528 p.

УДК 811.111-26

А. В. Нагорная

доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии МПГУ; e-mail: alnag@mail.ru

СОБЫТИЙНАЯ СЕМАНТИКА АНГЛИЙСКИХ ПРЕПОЗИТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ «МОМЕНТ»

В статье рассматривается процесс развития событийной семантики у английского существительного *moment*, традиционно трактуемого темпорально. Основная задача исследования заключается в выявлении максимально полного набора типов событий, концептуализируемых препозитивными словосочетаниями с существительным *moment*, анализе семантических и функциональных свойств единиц, выступающих в атрибутивной функции, и описании механизмов формирования и конвенционализации словосочетаний.

Ключевые слова: темпоральная ментальность; феноменологическое время; событийная семантика; препозитивное словосочетание; метафора.

Nagornaya A. V.

Doctor of Philology, Assistant Professor, Department of Foreign Philology, MPSU; e-mail: alnag@mail.ru

EVENT SEMANTICS OF THE ENGLISH ATTRIBUTIVE COLLOCATIONS WITH THE NOUN “MOMENT”

The paper focuses on the semantics of eventfulness which is being actively developed by the English noun *moment* traditionally described as a purely temporal unit. The paper aims to reveal the main types of events, conceptualized by attributive collocations with the noun *moment*, analyze the semantic and functional properties of the units used in the attributive function, and describe the mechanisms underlying the formation and conventionalization of the collocations under study.

Key words: temporal mentality; phenomenological time; semantics of eventfulness; attributive collocations; metaphor.

Событийность неразрывно связана с темпоральностью, ибо событие неизбежно локализуется в определенном пространстве и времени. Эта пространственно-временная локализация может осуществляться как в объективной реальности, доступной для восприятия всеми или очень многими, так и в реальности субъективной, принадлежащей сфере индивидуального человеческого опыта.

Одним из средств вербальной репрезентации субъективного темпорального опыта в английском языке является лексема *moment*.

Следует отметить, что *moment* как в языковом, так и в концептуальном плане является ярким примером эволюционирующей темпоральной ментальности представителей англоязычной культуры.

В Средние века, до принятия современной метрической системы, *moment* был вполне конвенциональной единицей измерения времени и имел конкретную, общепринятую протяженность, равную полутора минутам. Кроме того, *moment* был дискретной единицей и членился на 12 унций (ounces) по 7,5 секунд каждая (<http://www.unc.edu/~rowlett/units/dictM.html>)¹. В настоящее время *moment* утратил хронологическую конкретность, и вопрос о его продолжительности вызывает у носителей английского языка разную реакцию, например: «невозможно определить с точностью», «разная длительность в зависимости от того, чем вы заняты», «точка, а не отрезок времени» и, наконец, исторически оправданное «90 секунд, потому что так мне объяснили в детстве» (<http://ask.metafilter.com/98346/a-minute60-sec-a-momen>).

Примечательно и то, что *moment* не воспринимается больше как членимая единица времени, что подтверждается, в том числе, и невозможностью его сугубо языкового дробления на более мелкие фрагменты. Весьма показательный пример приводит Ф. Ландман:

Yesterday afternoon between 12 and 2 I was sleeping; I woke up when you called me; in fact, at the moment you called me I woke up; more precisely, at the moment that the telephone first rang, I woke up; in fact, I woke up at the moment the telephone first started ringing; to be more precise, I woke up when the first sound of the first ring started, etc. [4, с. 139].

Бесконечно «зумируя» момент, уточняя его темпоральную локализацию и протяженность, мы, тем не менее, лишены возможности нюансировать эту часть темпорального опыта на вербальном уровне, обозначая хронологически разные отрезки времени одной и той же лексической единицей *moment*.

Таким образом, *moment* утратил объективную длительность и перешел из сферы объективного в сферу феноменологического времени, отражая субъективный человеческий опыт. Такой переход вполне

¹“A day [contains] foure quadrantes. And a quadrant conteynyth syxe heures. And an heure foure poyntes. And a poynt .x. momentes. And a moment twelue vnces. And an vnce seuen and fourty attomos” (John of Trevisa, 1398, quoted by The Oxford English Dictionary).

соответствует тенденции к демассификации времени, отмечаемой многими исследователями современной западной культуры, в частности Т. А. Алексиной [1]. Время индивидуализируется, становится всё более частным опытом и наполняется субъективными переживаниями.

Эти изменения в темпоральной ментальности носителей англоязычной лингвокультуры не могли не отразиться не только на количественных, но и на качественных параметрах опыта, передаваемого с помощью лексемы *moment*. В академических англоязычных словарях это слово трактуется сугубо темпорально: *very brief period of time* («очень короткий промежуток времени») [6]. Однако многие современные лексикографические источники, особенно онлайн-словари, оперативно реагирующие на изменения в узусе, фиксируют событийную насыщенность существительного *moment* (ср. : *a particular point in time when something happens; a point in time when something important, special, or unusual happens* [5]).

Насыщение событийной семантикой позволяет использовать *moment* безатрибутивно для обозначения субъективно важного значимого опыта. Ср.: *My bus driver cussed me out. And, like, I had a **moment**. But, you know, that's when you learn things and how to act (COCA)¹; There was also a lesson here. Not so much about basketball. But, again, you know, John Kerry had a moment, you know. Nothing's off the record anymore (COCA); Not that he's my boyfriend or anything, but we have had a **moment** (J. Evanovich. Top secret twenty-one).*

В то же время развитие событийной семантики способствует значительному росту препозитивных атрибутивных словосочетаний с существительным *moment*, описывающих определенный фрагмент жизненного опыта. Атрибут эксплицирует тип опыта и позволяет проследить, какие виды событий признаются значимыми в современной англоязычной культуре.

В целях написания данной статьи было проведено небольшое исследование на материале корпуса современного американского английского (COCA). Поискный запрос по коллокациям с существительным *moment* выдал 1351 единицу, из которых лишь 53 оказались непригодными к анализу морфологически и семантически (сочетания с артиклем, числительным или местоимением; использование

¹ COCA – Corpus of Contemporary American English (<http://corpus.byu.edu/coca/>).

существительного *moment* в другом – техническом – значении, техническая ошибка в корпусе, иноязычное (французское) вкрапление в текст и т.д.). Таким образом, в центре внимания исследователей оказалось 1298 коллокаций.

Основная цель исследования заключалась в том, чтобы определить, какие типы событий описываются с помощью коллокаций с существительным *moment*, и какие семантические процессы происходят при их образовании.

Оказалось, что важнейшим типом является событие соматического, или телесного, плана. Это представляется оправданным и вполне предсказуемым, если учесть то ранее указанное обстоятельство, что *moment* репрезентирует субъективный опыт человека, тем самым позволяя ему сосредоточиться на том, что В. Подорога весьма остроумно назвал нашей «индивидуальной территорией жизни» [2, с. 44], т. е. на собственном теле.

Эти телесные события весьма разноплановы, и объединяет их то, что они, как правило, связаны с переживанием определенных аффективных состояний.

Первую группу образуют коллокации, в которых описываются регистрируемые сознанием телесные реакции на определенное эмоционально значимое событие. Эти реакции, которые А. Дамазио назвал «соматическими маркерами эмоций» [3, с. 174], включают изменения сердечного ритма (*heart-racing moment*, *heart-thumping moment*, *heart-stopped moment*, *heart-still moment*), дискомфортные ощущения в области сердца (*heart-bursting moment*, *heart-clenching moment*), желудка (*stomachwrenching moment*), кишечника (*gut-gripping moment*), мышц (*muscle-cracking moment*) и других органов (*testicle-shriveling moment*, *testicle-clench moment*) и частей тела (*neck-vein-popping moment*), а также ощущения, локализуемые на поверхности кожи (*goosebump moment*, *spine-tingling moment*, *hair-raised moment*). Все эти телесные события, разумеется, не принадлежат сфере социального опыта и обладают свойством реальности только для человека, который оказывается своеобразной «территорией», на которой они разворачиваются. Они формируют второй план какого-то более общего события, в которое человек вовлечен во внешнем по отношению к его телу мире. Но вовлеченным он оказывается телесно, и реагирует на событие всем своим существом. Человек производит одновременный мониторинг внешней и внутренней среды, и коллокации описываемого здесь типа

являются своеобразным словесным стоп-кадром внутрителесного состояния, возникающего в определенных условиях. Человек как бы оценивает то или иное событие телесно, измеряет степень его значимости по своей собственной, соматической шкале.

К этой группе примыкают коллокации, в которых репрезентируется физиологическое состояние человека: *nauseating moment*; *insomniac moment*; *dizzying moment*; *vertiginous moment*; *sickened/sickening moment*, *queasy moment*. В отличие от первой группы, в данном случае человеческое сознание не регистрирует первичные телесные реакции, а идентифицирует комплексный телесный симптом, «сотканный» из множества отдельных локальных телесных событий.

Особую группу составляют коллокации, в которых репрезентируются телесно-поведенческие реакции, включающие определенные моторные действия и потенциально или реально доступные для наблюдения со стороны. Так, событие, которое воспринимается как неожиданное и нестандартно протекающее, может описываться как *jaw-dropped moment*; событие, вызывающее страх и желание отстраниться от происходящего – как *shut-eyed moment*; событие, которое воспринимается как медленно протекающее и вызывающее желание ускорить его течение – как *snap-your-fingers moment*; событие, связанное с напряженным ожиданием, – *nailbiting moment*.

Во всех ранее приведенных примерах телесные события были вызваны действием эмоций, сама же эмоция лишь имплицировалась и считывалась достаточно определенно в силу типичности соматической реакции. К группе телесных состояний примыкают коллокации, в которых испытываемая человеком эмоция эксплицируется: *terror-filled / panicked / transfixed / anguished / dispirited / discomforted / stupefied / awkward / tense / thrilling / saddest / embarrassing / humiliating / bittersweet / euphoric / perplexed / exhilarating / dreadful / pleasurable / melancholic, etc. moment*. В данном случае субъективно переживаемое событие рефлексивируется как явление сугубо психической природы.

Субъективный психический опыт отражен и в коллокациях, описывающих момент прозрения, пробуждения чувств или чувственности, а также фиксируемые сознанием изменения в протекании сложных ментальных процессов: *libidinal moment*, *aha moment*, *oedipal moment*, *brain-fogged moment*, *absent-minded moment*.

Обратимся к вопросу о морфологических и синтаксических свойствах единиц, используемых в качестве препозитивного атрибутивного

компонента по отношению к существительному *moment* в рамках перечисленных здесь типов событий.

В этих группах широко представлены прилагательные, традиционно используемые для характеристики человека: *awkward, clumsy, stupid, proud, happy, sad, hesitant* и др. Это обстоятельство подтверждает мысль о том, что *moment* является сложной экспериенциальной единицей, в которой слиты темпоральность и событийность. В структурно-семантическом плане совершенно очевидно, что атрибутив соотносится с агенсом предложения и описывает состояние человека, связанное с переживанием определенного события, а не свойства единицы времени таковой. Эта особенность глубинной структуры предложения позволяет широко использовать в пределах данной группы коллокации с партиципальными прилагательными на *-ed*, которые в прескриптивных грамматиках однозначно трактуются как описывающие состояние человека: *thrilled, amazed, chilled, embarrassed, excited, exhilarated, horrified, startled, humiliated, lighthearted, anguished, perplexed, shell-shocked, exalted, nonexhausted, etc. moment*. Внешне такие конструкции выглядят как серьезное нарушение семантических и синтаксических норм, однако, моделируя глубинную структуру предложения, мы убеждаемся в том, что атрибут не соотносится напрямую с соседствующим с ним существительным *moment*. *When I told Annie, she sucked in her breath in a thrilled moment, her eyes growing big as she cried, "O, I have to tell you!"* (Sh. Mickle. *The occupation of Eliza Goode*). Произведя диагностическую трансформацию клаузы «*she sucked in her breath in a thrilled moment*» с целью выявления семантических отношений между составляющими ее единицами, мы получаем высказывание «*she sucked in her breath because she was/felt thrilled at the moment*». Примечательно, что такого рода конструкции не вызывают ни малейших трудностей в интерпретации, а их популярность объясняется в том числе и тем, что они позволяют обозначить телесное или психическое событие максимально компактно, без утяжеления синтаксической структуры высказывания. С точки зрения распределения аттенциональных ресурсов наблюдается формирование второго фокуса, который, впрочем, не затеняет основной событийный фокус высказывания.

В группе телесных событий наблюдается и самая высокая плотность причастных композитов с причастием прошедшего времени: *breath-taken, breath-stopped, hair-raised, heart-stopped, heart-broken,*

nerve-racked, panic-seared, etc. moment. Они функционируют по ранее описанной модели: фактически они представляют собой свернутые полнопредикативные структуры, в которых отражается восчувствованный, пропущенный сквозь тело опыт восприятия событий: *For an appalled, heart-stopped moment I crouched over him (D. Broderick. The black grail)* (For a moment when I was appalled and <felt that> my heart stopped...); *For a single nerve-racked moment, he fought silently for self-control (V. Z. Wheeler. The creed of her father)* (For a single moment when he felt nerve-racked...).

Используются и партиципальные прилагательные на *-ing*, а также причастные композиты с причастием настоящего времени: *agonizing, electrifying, thrilling, chilling, exciting, sickening, nerve-wracking, heart-hushing, heartstopping, awe-inspiring, nervous-making, soul-dropping, etc. moment*. В коллокациях такого рода при сохранении телесной локализованности события наблюдается определенное смещение основного фокуса. Так, например, коллокация *thrilling moment* описывает некоторое событие, в ответ на которое у человека возникла определенная телесная реакция, в то время как коллокация *thrilled moment* репрезентирует само состояние волнения как самостоятельное событие.

В группе коллокаций, репрезентирующих событие психического плана, встречаются и весьма необычные номинации. К их числу относится *goldilocks moment*. Эта коллокация содержит прецедентное имя *Goldilocks*, которое отсылает нас к английской сказке «Златовласка и три медведя». Из канвы произведения, при всем многообразии его возможных трактовок и совершенно очевидной морально-этической подоплеки (наказание заневоспитанность и бесцеремонное поведение), вычленяется лишь один аспект, имеющий самое непосредственное отношение к субъективному опыту протагониста. *Goldilocks moment* – это момент, когда человек испытывает состояние полного комфорта и удовлетворенности, получает желаемое, идеально подходящее именно ему. Это то ощущение, которое испытывала героиня сказки каждый раз, когда посягала на собственность младшего медведя.

В основе подобных номинаций лежит механизм метафоризации, причем метафоризации могут подвергаться и существительные, не относящиеся к категории прецедентных имен. Именно к этой группе относится коллокация *platypus moment* (букв. ‘утконосный момент’). С точки зрения европейца, утконос – это существо, которое

опровергает все представления о мире животных. Это водоплавающее млекопитающее с утиным клювом, которое несет яйца. Именно его необычность и несоответствие традиционным представлениями и стало его салиентным свойством, позволяющим использовать утку-носа как метафору неожиданного, непредсказуемого открытия, в которое трудно поверить.

Семантически близким к нему оказывается *black swan moment* (букв. ‘чернолебедевый момент’). С помощью данной коллокации обозначается событие, которое невозможно предсказать. Интересно отметить, что это выражение, в отличие от множества других, имеет авторство и было предложено в 2008 г. британским экономистом Н. Н. Талемом, который воспользовался уже прочно укоренившейся в языке семантико-синтаксической моделью (<http://www.investopedia.com/terms/b/blackswan.asp>).

Заслуживает внимание и употребление аббревиатур в качестве атрибутивного элемента. Приведем два примера: *OMG moment* и *TGIF moment*. Первый содержит общеизвестную аббревиатуру, соответствующую высказыванию *Oh my God*, и в сочетании с *moment* обозначает эмоциональную реакцию человека на определенное событие. Аббревиатура TGIF расшифровывается как *Thank God It's Friday!* и обладает гораздо более узкой сферой применения, обозначая чувство облегчения, которое испытывает человек, доживший до конца рабочей недели.

Другую самостоятельную группу составляют коллокации, обозначающие событие, разворачивающееся во внешнем по отношению к человеку мире, причем сам он оказывается ключевой фигурой в этом событийном контексте, и именно его действия, поступки и переживания находятся в центре внимания. К этой группе относится один из наиболее экзотических примеров в корпусе: *macaca moment* (букв. ‘макаковый момент’). Коллокация *macaca moment* репрезентирует политически некорректное вербальное поведение и позволяет сконцентрироваться на том конкретном моменте, когда допущена коммуникативная ошибка. В отличие от очень многих слов и выражений, *macaca moment* имеет точную дату рождения: 11 августа 2006 г. В этот день американский сенатор Джордж Аллен, выступая перед избирателями, употребил расистский пейоратив «макака» по отношению к темнокожему помощнику сенатора-конкурента С. Р. Сидарту, сказав буквально следующее:

This fellow here over here with the yellow shirt, Macaca, or whatever his name is. He's with my opponent... Let's give a welcome to Macaca, here. Welcome to America and the real world of Virginia (<http://ru.urbandictionary.com/define.php?term=Macaca>).

Вот этот вот парень вот здесь в желтой рубашке, Макака, или как там его зовут. Он здесь с моим оппонентом. Давайте поприветствуем макаку здесь. Добро пожаловать в Америку и на землю Вирджинии.

Запись с этим фрагментом речи немедленно попала в Интернет, что положило конец политической карьере Аллена. Сам эпизод был прозван журналистами «макакалипсисом» (*macacalypse*) сенатора Аллена. Выражение *macaca moment* сразу вошло в политический лексикон для обозначения оплошности, снятой на видео, а затем вышло за пределы политического дискурса и стало обозначать ситуацию, когда человек ведет себя неэтично и неуважительно, позволяя себе делать некорректные замечания, не осознавая непристойности своего поведения:

Every time a white celebrity gets caught in a macaca moment, it is both a repudiation of racism and a recognition that this sin still lurks under the reformed surface (*L. Flanders, R. Goldstein, D. Kuipers, J. Ridgeway, E. Sanders. The Contenders*, с. 62).

К данной группе относятся такие коллокации, как *brezhevan moment*, *clintonian moment*, *Hollywoodish moment*, *nixonian moment*, *oprah-like moment*, etc.

Разумеется, коллокации с *moment* могут описывать и события, выходящие далеко за пределы индивидуального, частного, субъективно переживаемого опыта. Например, они могут характеризовать определенное событие в истории с точки зрения его общепризнанной значимости (*guttenberg moment* – поворотный момент в истории культуры), обозначать определенный тип политического события, требующего принятия определенных решений (*sister souljah moment* – момент отречения от определенной политической линии, принятой в партии, к которой принадлежит политик); указывать на важный момент в развитии правовой или религиозной мысли (*grotian moment* – коллокация, увековечившая имя Гуго Гроциуса, который был основоположником системы современного международного права, и обозначающая момент активного развития правовой мысли; *perkinsian moment* – поворотный момент в развитии религиозной мысли, связанный с именем

У. Перкинса, известного Кэмбриджского теолога XVI в., который был важной фигурой в становлении протестантизма) и использоваться для описания множества других событий, которые человек не переживает непосредственно, но которые он так или иначе оценивает, исходя из принятых в обществе аксиологических норм и используя принятые в этом же обществе «когнитивно-языковые эталоны».

В последних двух группах наблюдается самая высокая плотность прецедентных имен. В их числе известные исторические лица (*kennedyesque moment, rooseveltian moment, michelangelo moment, churchillian moment, aristotelian moment, etc.*); современные деятели политики, науки, искусства и литературы (*proustian moment, simpson-bowles moment, wordsworthian moment, sister souljah moment, etc.*); названия литературных и кинематографических произведений и имена их персонажей (*barbarella moment, pinocchio moment, zorro moment, brigadoon moment, etc.*), а также географические названия – названия мест, где произошли значимые события (*srebrenica moment, athena moment, etc.*). Все они отсылают нас к определенным событиям, причем под строго определенным ракурсом, и вызывают в сознании носителей языка вполне определенные культурно санкционированные ассоциации. Эти ассоциации чаще всего отсутствуют у представителей других культур, в результате чего такие коллокации семантически непрозрачны и вызывают значительные трудности как для понимания, так и для перевода.

Так, *simpson-bowles moment* – это момент истины, и своим происхождением коллокация обязана А. Симпсону и Э. Баулзу, членам Национального комитета по фискальной ответственности и реформам, которые в 2010 г. составили честный отчет, предложив ряд мер по стабилизации финансовой ситуации. *Algernon moment* – это момент, когда человек неожиданно и стремительно изменяется в лучшую сторону, и в данной коллокации обыгрывается название и сюжет романа Д. Кейса «Цветы для Алджернона» («*Flowers for Algernon*»). *Brigadoon moment* – это событие романтического плана, аналогичное тому, которое было описано в популярном мюзикле «Бригадун»: главный герой встречает девушку, жительницу таинственного шотландского города Бригадун, который становится видимым лишь раз в году, и влюбляется в нее. Таким образом, имя собственное становится метафорическим обозначением некоторого типичного по сути своей события и постепенно конвенционализируется, входя на определенное время в фонд языка.

Интересно отметить, что такие метафоры, наравне со всеми другими, могут со временем стираться, и их исходная образность затушевывается в сознании. Весьма показателен пример коллокации *jump-the-shark moment*. Начиная с 1990-х гг., эта метафора используется американскими критиками и зрителями для обозначения момента, когда телевизионный сериал проходит пик успешности и интерес к нему падает. Эта метафора отсылает к моменту в телевизионном сериале «*Harry Days*», когда популярный персонаж Фонзи на водных лыжах буквально перепрыгивает через акулу, и этот эпизод становится семантическим пиком всего произведения. В настоящее время наличие акулы в произведении совершенно не обязательно.

Отметим, что коллокации такого рода задают определенную схему, семантико-синтаксическую модель, позволяющую создавать окказиональные образования для решения конкретных коммуникативных задач. Так, в одном образовательном ролике на YouTube (<https://www.youtube.com/watch?v=cFLjudWTuGQ>), посвященном использованию языка тела во время публичного выступления, докладчик разбирает ошибки, допущенные режиссером М. Бэем во время презентации. Эти ошибки связаны с неправильной жестикуляцией и перемещением по сцене, вызванными сильным волнением. Резюмируя, докладчик говорит: «*We all want to avoid our own Michael Bay moments*», – на ходу превращая поведение М. Бэя в прецедентное событие и порождая окказиональную коллокацию, соответствующую современным тенденциям в образовании препозитивных словосочетаний.

Параллельно с рассмотренными ранее совершенно непрозрачными, высококонвенциональными номинациями существуют коллокации, эксплицитно обозначающие происходящее событие: *baby-making moment* (букв. ‘ребенкоделательный момент’), *mike-grabbing moment* (букв. ‘микрофонохватательный момент’), *game-viewing moment* (букв. ‘игронаблюдающий момент’), *income-producing moment* (букв. ‘доходопроизводящий момент’), *party-going moment* (букв. ‘вечеринкопосещающий момент’) и другие.

Moment позволяет также зафиксировать фрагмент опыта, в котором осуществляется социальное взаимодействие, требующее определенных поведенческих шагов со стороны своих участников: *we're-in-this-together / I-am-the-boss / pay-your-bills, etc. moment*. Такие коллокации репрезентируют некоторые типовые сценарии, где действия участников заранее достаточно жестко регламентированы. Сложность таких

сценариев способствует тому, что на вербальном уровне они часто репрезентируются многокомпонентными композитами: *don't try-this-at-home moment, I-told-you-so moment, separated-at-birth moment, etc.*

Подводя итог, отметим следующие наиболее важные моменты:

1. В современном английском языке лексема *moment* репрезентирует сложный экспериенциальный комплекс, в котором темпоральный опыт неразрывно связан с событийностью. Развитие событийной семантики у существительного *момент* отражает изменения в темпоральной ментальности носителей английского языка.

2. Лексема *moment* репрезентируют пространственно-временную локализацию события в субъективной реальности, принадлежащей сфере индивидуального человеческого опыта.

3. Коллокации с лексемой *moment* формируются по некоторым вполне определенным и легко воспроизводимым семантико-синтаксическим моделям, с использованием понятных носителям языка механизмов, что способствует росту окказиональных образований для решения конкретных насущных «одноразовых» коммуникативных задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексина Т.А. Время как феномен культуры // Библиотека электронных публикаций. – URL: http://chronos.msu.ru/old/RREPORTS/aleksina_vremia.html.
2. Подорога В.А. Феноменология тела: Введение в философскую антропологию. – М.: Ad Marginem, 1995. – 339 с.
3. Damasio A.R. Descartes' error: Emotion, reason and the human brain. – N. Y.: Penguin Group, 2005. – 312 p.
4. Landman F. Structures for Semantics. – Berlin: Springer-Science + Business Media, B. V. – 1991. – 371 p.
5. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Oxford: Bloomsbury Publishing Plc., 2002. – 1690 p.
6. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 1580 p.

УДК 81-11

Д. Б. Никуличева

профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры скандинавских, финского и нидерландского языков переводческого факультета МГЛУ; главный научный сотрудник сектора германских языков ИЯ РАН;
e-mail: nikoulitcheva@yandex.ru

КОНТРАСТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРЫ КОММУНИКАТИВНОГО СОБЫТИЯ В КОПЕНГАГЕНСКОМ ПРОЕКТЕ «GLOBAL ENGLISH FOR BUSINESS COMMUNICATION»

Цель проекта GEBC состоит в том, чтобы, проанализировав использование английского языка в международных компаниях, выяснить, как менталитет родного языка влияет на особенности английской речи сотрудников, для которых английский не является родным. Одно из направлений проекта связано с изучением того, как в речи носителей датского, русского и английского языков различаются директивные речевые акты, выражающие прагматику разрешения. Коммуникативное событие здесь служит ключевым объектом сопоставительного анализа.

Ключевые слова: контрастивная прагматика; директивные речевые акты; структура коммуникативного события; императивные; декларативные; интеррогативные модели.

Nikulicheva D. B.

Doctor of Philology, Professor, Department of the Scandinavian, Finnish and Dutch Languages, Faculty of Translation and Interpreting, MSLU; Main researcher of German Languages Sector of the Institute of Linguistics, RAS;
e-mail: nikoulitcheva@yandex.ru

CROSS-LINGUISTIC STUDY OF THE COMMUNICATIVE EVENT STRUCTURE IN COPENHAGEN PROJECT “GLOBAL ENGLISH FOR BUSINESS COMMUNICATION”

The “Global English for Business Communication” Project is set out to find out how the culture-specific mentality influences non-native English-speakers in intercultural business communication via English as Lingua Franca. One of the project’s research areas deals with similarities and differences in the request strategies of native and non-native speakers of English in the same communicative situations, for example in the situation of permission. The *structure of a communicative event* plays a key role for this cross-linguistic study.

Key words: contrastive cross-cultural pragmatics; directive speech acts; structure of the communicative event; imperative; interrogative; declarative frames.

В исследовании директивных речевых актов важнейшим стал вопрос о соотношении категорий директивности, косвенности и вежливости. Общая закономерность заключается в том, что чем выше уровень косвенности при выражении запроса, тем выше уровень его вежливости. Так, Джон Сёрль писал: «Politeness is the most prominent motivation for indirectness in requests, and certain forms tend to become the conventionally polite ways of making indirect requests» [14, с. 76]. Согласно наблюдениям Джоффри Лича [10], а также Пенелопы Браун и Стефена Левинсона [4], прямые директивы (direct requests) производят впечатление невежливых в силу того, что вторгаются в личное пространство адресата, поэтому рекомендуемая коммуникативная стратегия заключается в выборе той или иной косвенной формы выражения запроса. Дж. Лич рекомендовал косвенные формы выражения побуждения, поскольку «(a) they increase the degree of optionality, and (b) because the more indirect an illocution is, the more diminished and tentative its force tends to be» [15, с. 131–132].

Все эти утверждения приводились, в первую очередь, применительно к английскому языку. Позднейшие сопоставительные исследования директивных речевых актов в разных языках позволили предположить, что соотношение прямых побуждений, выраженных императивами, с косвенными формулировками волеизъявления существенно различается для разных языков. Так, Анна Вежбицкая относительно польского [15], Феодосия Павлиду [12] относительно немецкого, Сесар Феликс-Брасдефер [5] относительно мексиканского варианта испанского языка показали, что директивность в этих языках не следует рассматривать как проявление невежливости, а скорее, как способ выражения близости и вовлеченности говорящего.

Особенность лингвистического проекта, выполняемого в Копенгагенской Высшей школе бизнеса по заказу Международного фонда Карсберга, состоит в том, что исследуется не только специфика оформления директивных высказываний в разноструктурных языках (датском, английском, русском, китайском, японском), но и то, какие изменения происходят в языковом оформлении соответствующего коммуникативного события при переходе на английский язык как на *lingua franca* международной бизнес-коммуникации. В этих условиях особую значимость приобретает выбор параметра сопоставления. Таковым в исследовании становится коммуникативное событие.

Для отбора тестовых коммуникативных событий используется семантическая типология директивных речевых актов. В ее основу положено предложенное руководителем проекта Пером Дурст-Андерсеном противопоставление таких прескриптивных фреймов, как *разрешение* – *permission* (пресуппозиция, что действие возможно); *запрет* – *prohibition* (пресуппозиция, что действие невозможно); *требование* – *obligation* (пресуппозиция, что действие необходимо), *отмена требования* – *cancellation of obligation* (пресуппозиция, что необходимость отсутствует) [6]. Далее учитываются такие параметры, как *симметричный/асимметричный* статус коммуникантов и *формальный/неформальный* регистр их общения. В терминологии теории речевых актов эти противопоставления соответствуют оппозициям + / – *Power* и + / – *Distance*, предложенным в книге Браун и Левинсона [4]. Сочетание указанных параметров дает 16 типов коммуникативных ситуаций. В соответствии с ними подбирается 16 сценариев, каждый из которых соответствует коммуникативному событию одного из 16-ти типов. Примерами могут служить следующие коммуникативные события:

В аэропорту. Сотрудник предлагает боссу, чтобы тот поставил свой чемодан на его багажную тележку. Прескриптивный фрейм: разрешение. Статус коммуникантов: асимметричный. Регистр: формальный.

Ксерокс. Сотрудник предлагает коллеге скопировать документ вне очереди, поскольку его собственный документ объемный, и ожидание займет слишком много времени. Прескриптивный фрейм: разрешение. Статус коммуникантов: симметричный. Регистр: неформальный.

Сломанная рама окна. Сотрудник просит начальника не открывать окно, поскольку оно повреждено, и стекло может выпасть. Прескриптивный фрейм: запрет. Статус коммуникантов: асимметричный. Регистр: формальный.

Мобильный телефон. Пассажир обращается к разговаривающему попутчику, требуя выключить мобильный телефон, поскольку это особый вагон, где предполагается соблюдение тишины. Прескриптивный фрейм: необходимость. Статус коммуникантов: симметричный. Регистр: формальный.

Исследование проводится в режиме анкетирования, причем когда тестируется коммуникативная ситуация на родном языке,

анкета задается на соответствующем языке, а когда тестируется использование английского как *lingua franca*, то анкета предлагается на английском.

Вот как выглядит анкета для упомянутого выше коммуникативного события «В аэропорту» [12, с. 16]:

You are at the airport

You are on a business trip with your boss, Mr. Johnson. The plane has just landed, and you have collected your luggage and put it on a trolley. You see your boss walking with a very heavy suitcase. There is space on your trolley, and you want to let your boss know that he can put his suitcase on your trolley, so you say

(The respondent's answer):

(The hearer's response): "Thank you so much. It's very kind of you."

Предварительная гипотеза одной из участниц проекта Ольги Рыковой-Ибсен, обследовавшей британских, датских и русских информантов, заключалась в том, что:

1) носители британского варианта английского языка должны использовать больше косвенных речевых актов, нежели неанглоязычные респонденты;

2) носители датского и русского языка должны в соответствующих коммуникативных ситуациях использовать больше императивов, разговаривая на родном языке;

3) переносить эти особенности на свое англоязычное общение [13, с. 6].

В своих гипотезах она исходила из теории Дурста-Андерсена о том, что использование в директивном ядре (*request head act*) либо *императива* (модель: *Do it!*), либо *модального декларатива* (модель: *You can do it*), либо *интеррогатива* (модель: *Will you do it?*) связана с коммуникативной типологией языка как приоритетно ориентированного на говорящего, либо на объективную реальность, либо на слушающего [8] (см. табл. 1).

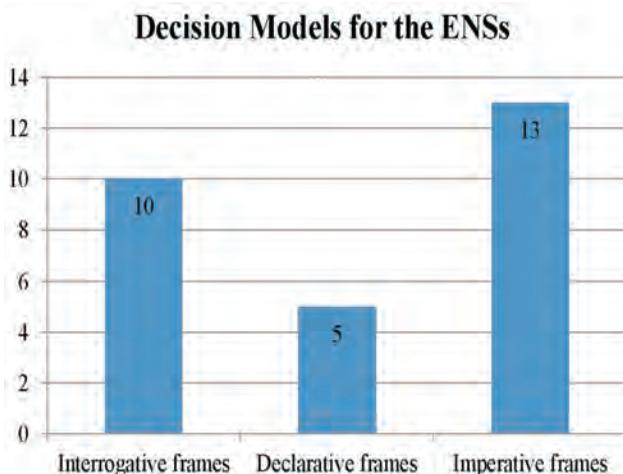
Обработка Рыковой-Ибсен эксперимента, проведенного с 25 британцами, 25 датчанами и 25 русскими дала весьма неожиданные и любопытные результаты, которые наглядно иллюстрируются таблицами, обобщающими исследование коммуникативного события «В аэропорту».

Таблица 1

	<i>Imperative sentence structure</i> (императивная структура предл.)	<i>Declarative sentence structure</i> (декларативная структура предл.)	<i>Interrogative sentence structure</i> (интеррогативная структура предл.)
<i>Function</i> (Функция)	<i>Solving a problem</i> (решение проблемы)	<i>Best bid for a solution to a problem</i> (предложение наилучшего варианта решения проблемы)	<i>Stating a problem</i> (указание на то, что проблема существует)
<i>Example</i> (пример)	<i>Sit down!</i>	<i>You can sit down.</i>	<i>Won't you sit down?</i>
<i>Orientation</i> (Ориентация)	<i>Speaker</i> (говорящий)	<i>Reality</i> (реальность)	<i>Hearer</i> (слушающий)
<i>Speaker's role</i> (роль говорящего)	<i>Problem solver</i> (тот, кто решает проблему)	<i>Problem-solving mediator</i> (посредник в решении проблемы)	<i>Problem-solving initiator</i> (инициатор решения проблемы)

Таблица 2

Англичане в коммуникативных ситуациях на родном языке¹

¹См. [13, с. 58].

Таблица 3

Русские в коммуникативных ситуациях на английском языке¹

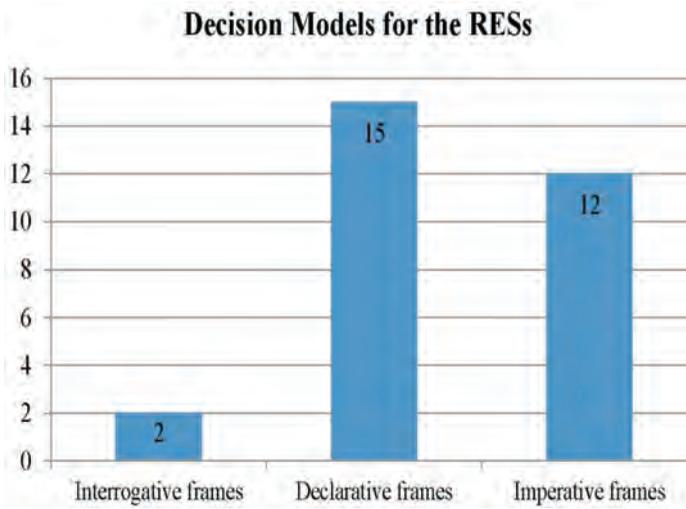
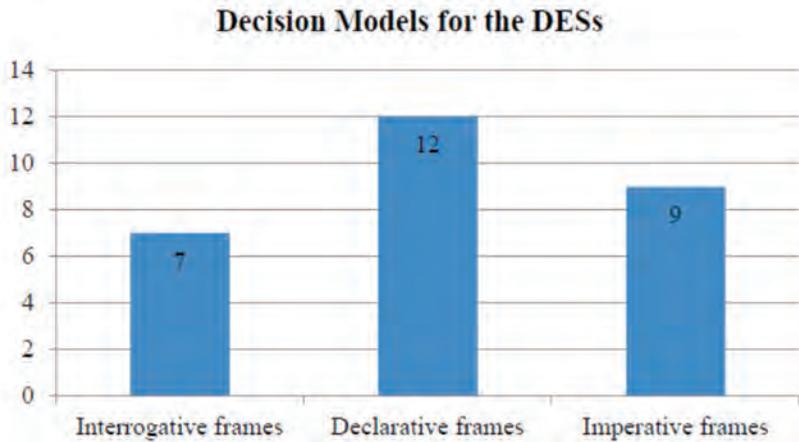

Таблица 4

Датчане в коммуникативных ситуациях на английском языке²

¹ См. [13, с. 69].

² [См. 13, с. 75].

В феврале 2016 г. автор статьи принимала участие в обсуждении промежуточных результатов этого проекта в Копенгагене на защите Ольги Ибсен, поэтому готова поделиться некоторыми соображениями по поводу полученных данных.

Неожиданными для исследовательницы стали данные британской части эксперимента. Так, вместо ожидаемого преобладания косвенных речевых актов в выражении предложения, которое подчиненный адресует начальнику, доминировали прямые императивные побуждения: 13 императивных формулировок, 10 интеррогативных и 5 модально-декларативных (см. табл. 2). Несовпадение общего количества ответов (28) с количеством респондентов (25) объясняется тем, что при описании одного коммуникативного события разные модели иногда использовались одновременно. Типичный пример:

British respondent:

*P99: *Mr John!*

*P99: *Please* give me your bag!

*P99: There's *more than enough room* on here.

Однако результаты британских респондентов вполне согласуются с приведенными нами выше наблюдениями исследователей относительно частотности использования императивов в немецком, испанском и польском языках.

Согласно теории Дурст-Андерсена [8], рассматривающего директивные речевые акты как процесс достижения коммуникативного контракта языковыми средствами, используя императив говорящий берет на себя ответственность за решение коммуникативной проблемы (см. табл. 1). Учет интересов адресата маркируется внешними лексическими и синтаксическими средствами, получившими общее именование митигаторы, т. е. «смягчители» от англ. *to mitigate*. Согласно классификации [9], существуют внутренние митигаторы – лексические (*diminutives*, ‘please’, *mental verbs* such as ‘think / believe’) и грамматические (*conditional*, *imperfect*). Помимо них используются внешние митигаторы – синтаксическая периферия, обрамляющая директивное ядро в рамках одного коммуникативного события. Это самостоятельные или придаточные предложения, подготавливающие директивное высказывание, поясняющие его причину или снимающие возможные возражения собеседника: «reasons, preparators (e. g., I have a problem with the class, can I borrow your notes?), and disarmers

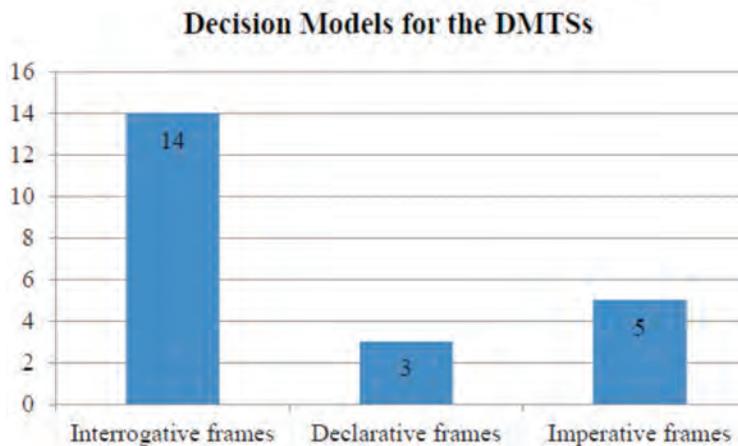
(e. g., I know that you take good notes and I see that you have them with you, can I can borrow them?)» [5, с. 67].

Митигаторы присутствовали в директивных ситуациях на всех сравниваемых языках, но их удельный вес оказался различен. В английском чаще всего это было *обращение*, *please* и *завершающее пояснение* (см. пример *P99). Отличительной особенностью английских респондентов было использование когортатива: *Let us put your bag on my trolley*. Это уменьшало дистанцию между коммуникантами, приближая коммуникативную ситуацию к регистру (-Power) (-Distance). Одновременно ожидаемо высокое использование интеррогативов (10 из 25), переадресующих решение проблемы адресату (см. табл. 1), подтвердило характерную для всей грамматической системы английского языка коммуникативную ориентацию на слушающего. Признаками языков такого типа, согласно коммуникативной типологии языков П. Дурст-Андерсена [7], является, в частности, наличие артиклей и развитая система таксиса.

По своей коммуникативной типологии датский язык так же, как и английский, ориентирован на слушающего. Поэтому вполне закономерным представляется результат, когда интеррогативное побуждение преобладает (14 из 25):

Таблица 5

Датчане в коммуникативных ситуациях на родном языке¹

¹См. [13, с. 55].

По-видимому, ориентация на адресата в датском языке выражена даже ярче, чем в английском, поскольку преобладали такие вопросительные побуждения, когда слушающий не только должен был принять решение *вместо говорящего*, но и решить, *что* следует делать говорящему в данной коммуникативной ситуации:

*P3: *Skal jeg ikke* smide den med på min vogn ?

*P3: Vi skal alligevel følges.

Букв. '*Не должен я* бросить его на мою тележку? Всё равно мы идем вместе', (что подразумевает: 'Не хочешь ли ты¹, чтобы я поставил твой чемодан на мою тележку?').

Если в датском используется императив, то он чаще всего употребляется в сочетании с определенными модальными частицами, указывающими, насколько адресат, по мнению говорящего, склонен выполнить адресованное ему побуждение:

*P13: Ah få den *nu* herop !

*P13: Så skal jeg *nok lige* tage den.

Формированию особой аналитической парадигмы императива в датском языке (*Imp + bare, Imp + lige, Imp + nu, Imp + så*) было посвящено специальное исследование [1; 11]. Возникает особая прагматическая категория, выражающая уровень раппотра коммуникантов в побудительной ситуации. Ее наличие объясняет такой прагматический феномен, как отсутствие в современном датском языке универсального лексического показателя вежливости типа русского *пожалуйста* или английского *please*. В приведенном выше примере частица *nu* при императиве *få* указывает на то, что говорящий предполагает, что слушатель испытывает некоторое сомнение по поводу совершения действия, выраженного императивом. Частица *lige* в заверении говорящего *Så skal jeg nok lige tage den* указывает на то, что выполнение действия говорящего не затруднит.

Русские респонденты в коммуникативных ситуациях на родном языке предпочитали императив в несовершенном виде (Пример *P4). Вторыми по распространенности были модальные декларативы (Пример *P18):

¹ В современном датском языке даже при асимметричной коммуникации используется местоимение *du – ты*.

*P4: Иван Иванович!

*P4: **Ставьте** свои вещи на мою тележку!

*P18: Иван Иванович,

*P18: Вы **можете положить** свой чемодан на мою тележку.

Использование несовершенного вида в императивном побуждении уменьшает коммуникативную дистанцию и тем самым служит грамматическим митигатором коммуникации.

Другими словами, и в датском, и в русском языке имеются встроенные в грамматическую систему этих языков средства коммуникативного смягчения императивного побуждения (датская система частиц и русская система видовых противопоставлений), отсутствующие в английском. Это препятствует прямому трансферу императива на соответствующие коммуникативные ситуации при общении на *lingua franca* (см. табл. 3 и 4).

Переходя от родного языка к английскому, носители датского и русского языков ощущают потерю этого грамматического ресурса митигации и интуитивно пытаются его компенсировать, отказываясь от императивных конструкций и используя вместо них модальные декларативы, имеющиеся во всех трех языках и предполагающие вовлеченность обоих коммуникантов.

Особого внимания заслуживает усиление в неродном языке роли расширенной периферии коммуникативного события – *pre- and post-conditions* – предваряющих и завершающих реплик, мотивирующих и оправдывающих высказываний, пояснений, заверений, указаний на последующие действия и т. п., окружающих директивное ядро и служащих средствами компенсации тех смыслов, которые в родном языке выражаются грамматически. Особенно ярко это проявлялось у русских респондентов, которые, лишаясь ресурса несовершенного вида, сокращающего дистанцию между коммуникантами (Ср. Иван Иванович, **ставьте** чемодан на мою тележку! и Иван Иванович, **поставьте** чемодан на мою тележку!), интуитивно ощущали необходимость его компенсации за счет внешних митигаторов (примеры *P13, *P3, *P19):

Russian respondent:

*P13: Mr John!

*P13: **I have space on my trolley.**

*P13: So **if you want some help.**

*P13: **Please just take it.**

*P13: **It's right here.**

Russian respondent:

*P3: *Please!*

*P3: *Use my trolley!*

*P3: *Because* your bag is very heavy.

*P3: *It's absolutely possible* to take your own bag.

*P3: *Because* my is not so huge and heavy.

Russian respondent:

*P19: Mr John!

*P19: *There is a space on my trolley.*

*P19: So you can put your luggage on it.

*P19: *And I will bring it closer to the car.*

*P19: *And it's ok.*

*P19: *There's nothing to worry about.*

Таким образом, использование тестов, основанных на вербализации одного и того же коммуникативного события на сопоставляемых языках и на *lingua franca*, может служить эффективным инструментом, позволяющим выявить как лингвоспецифические особенности организации коммуникации на разных языках, так и закономерности компенсации прагматических смыслов в условиях перехода на язык-посредник.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никуличева Д. Б. Динамика императива в современном датском языке: усиление аналитических тенденций // Динамические процессы в германских языках: Материалы Четвертых лингвист. чтений памяти В. Н. Ярцевой. – М. ; Калуга : Эйдос, 2012. – С. 61–73.
2. Blum-Kulka Sh., House J., Kasper G. Investigating cross-cultural pragmatics: An introductory overview // Cross-cultural pragmatics: Requests and apologies. – Norwood : Ablex Publishing. 1989. – P. 1–34.
3. Blum-Kulka Sh. Indirectness and politeness in requests: Same or different? // Journal of Pragmatics. – 1987. – # 11 – P. 131–146.
4. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language use. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
5. Félix-Brasdefer C. Indirectness and politeness in Mexican requests: Selected Proceedings of the 7th Hispanic Linguistics Symposium, ed. David Eddington. – Somerville, MA : Cascadilla Proceedings Project, 2005. – P. 66–78.
6. Durst-Andersen P. Imperative frames and modality // Linguistics and philosophy. – 1995. – # 18 (6). – P. 611–653.
7. Durst-Andersen P. Bag om sproget: Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation. – København : Hans Reitzels Forlag, 2011. – 200 p.

8. *Durst-Andersen P.* (forthcoming 2016). Introduktion til det pragmatiske hjul – En ny tilgang til direktiver // Ny Forskning i Grammatik (Vol. 23).
9. *Faerch Cl., Kasper G.* Internal and external modification in interlanguage request realization // Cross-cultural pragmatics: Requests and apologies, ed. by Sh. Blum-Kulka et al. – Norwood, NJ : Ablex, 1989. – P. 221–247.
10. *Leech G. N.* Principles of pragmatics. – London; N. Y.: Taylor & Francis Group, 1983. – P. 257.
11. *Nikulicheva D.* Ordre eller opfordring? Direktive sprog handlinger i dansk-russiske filmoversættelser // Globe: A Journal of Language, Culture and Communication. – Aalborg : Aalborg University, 2016. – Special issue # 1. – P. 96–106.
12. *Pavlidou Th.* Telephone conversations in Greek and German: attending to the relationship aspect of communication // Culturally speaking: Managing rapport through talk across cultures / Ed. by H. S. Oatey. – London : Continuum, 2000. – P. 121–140.
13. *Rykov-Ibsen O.* “Won’t you take a seat?” Making requests in Lingua Franca English in a Multinational Company : Dissertation in Intercultural Business Communication, supervised by Per Durst-Andersen and Søren Brier. – Copenhagen : Copenhagen Business School: Department of International Business Communication, February 2016. – 78 p.
14. *Searle J. R.* Indirect speech acts // Syntax and semantics / Ed. by Peter Cole and Jerry L. Morgan. – N. Y. : Academic Press, 1975. – P. 59–82.
15. *Wierzbicka A.* Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction. Second edition. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2003. – 502 p.

УДК 81'373.47

П. Б. Паршин

кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России; заведующий кафедрой лингвистической семантики факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: pparshin@mail.ru

О СЕМАНТИКЕ КАТЕГОРИИ «СОБЫТИЕ» В СВЕТЕ СОЧЕТАЕМОСТИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *СОБЫТИЙНЫЙ*: СОБЫТИЕ СНАРУЖИ И ИЗНУТРИ

В статье рассматривается структура категории «событие», какой она предстает в свете сочетаемости прилагательного *событийный*, терминологически используемого, с одной стороны, в некоторых разделах лингвистики, в нарратологии и теории драмы, а с другой – в теории и практике коммуникационного менеджмента, в частности в рекламе и маркетинге, а также в политической науке, особенно в теории международных отношений. Предлагается различать «событие снаружи» как воспринимаемый наблюдателем квант изменений и «событие изнутри» как особенно яркую, насыщенную и волнующую ситуацию, привлекающую участников.

Ключевые слова: событие; событийный; терминология; заимствование; коммуникационный менеджмент; нарратология; «событие снаружи / изнутри»; ивент-анализ; ивент-маркетинг.

Parshin P. B.

Ph. D. (Philology), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of International Studies, MGIMO University; Head of the Department of Linguistic Semantics, Faculty of the English Language, MSLU; e-mail: pparshin@mail.ru

ON THE SEMANTICS OF RUSSIAN CATEGORY «SOBYTIJE» IN THE LIGHT OF COMPATIBILITY PATTERNS OF ADJECTIVE «SOBYTIJNIIJ»: EVENT FROM OUTSIDE AND FROM INSIDE

The paper suggests an exploration into the category «sobytije» (Russ. for event) as it looks through the glass of compatibility patterns demonstrated by the derivative adjective «sobytijnyj» used as a professional term in linguistic semantics, pragmatics and aspectology, in narratology and theory of drama, on the one hand and, and in the theory and practice of communicative management, particularly, marketing and advertising, and in political science, mostly in international relations studies, on the other. A distinction is proposed and discussed in brief between «event from outside» as a quantum of observed relevant changes and «event from inside» as exciting situation that attracts and entertains the public.

Key words: *sobytije*; *sobytinijnj* (Russ. for event as substantive and attributive respectively); terminology; loan words; communicative management; narratology; «event from inside / from outside»; event analysis; event marketing.

Летом 2003 г. в рамках разворачивавшейся избирательной кампании подзабытый ныне депутат Г.И. Райков (в то время – лидер Народной партии), комментируя разоблачения коррупции в МВД, сказал следующее: *Это напоминает времена СССР – дело врачей, враги народа. Это событийное, к сожалению, событие*¹.

Можно, конечно, отреагировать на эту сентенцию дежурным комментарием относительно своеобразия речевых обыкновений российского депутатского корпуса, однако интереснее задуматься над тем, что же хотел выразить говорящий посредством такой языковой формы. Не претендуя на политическую интерпретацию сказанного и оставаясь в рамках элементарной логики, уместно предположить (если, конечно, это не просто оговорка), что депутат не собирался породить тавтологическое суждение типа пресловутого *масла масляного*, а исходил из того, что определение *событийное* в данном контексте добавляет к значению существительного событие нечто новое. Более того, прилагательное *событийный* в данном случае, вероятно, является не квантифицирующим², а квалифицирующим определением, и использование его предполагает, что не всякое событие может быть названо событийным.

Таким образом, стандартное толкование прилагательного *событийный* как «относящийся к событию», будучи, в принципе, верным, явно нуждается в детализации. Оно выводимо из семантики существительного *событие* по каким-то особым правилам, причем, возможно, разным в разных случаях употребления атрибута *событийный*. И уместно связать это с тем, что само событие является не такой семантически однородной категорией, какой она предстает из толковых словарей русского языка, которые если и выделяют у существительного *событие* два значения (могут и не выделять, ср. ниже), то их различие фактически описывается как категориально-

¹Офитова С. Народная партия – она одна такая // Независимая газета, 01.07.2003. – URL: http://www.ng.ru/regions/2003-07-01/4_np.html.

²Сочетание *событийное событие* могло бы не быть тавтологичным, если бы в его состав входил бы тот или иной показатель лексической функции Ver или Magn, наподобие *воистину / и впрямь / по-настоящему / подлинно / в высшей степени / чрезвычайно событийное событие*. Однако такого показателя там нет.

грамматическое (процессуальное vs. результативное, что вообще характерно для отглагольных существительных: согласно В. В. Виноградову, *событие* – это производное от глагола *сбытыся*)¹.

Ниже приводятся аргументы в пользу того, что, во-первых, в дискурсе коммуникационного менеджмента (ощутимо влияющего на современный русский язык в целом) у слова *событие* под влиянием его английского квазиэквивалента *event* быстро формируется отсутствовавшее у него ранее значение «мероприятие» (в выражении которого оно конкурирует с прямым заимствованием *ивент*). Во-вторых, у категории события вычленяются два аспекта, или ипостаси, которые отчетливо проявляются в семантических различиях терминологизированных употреблений атрибута *событийный*. Вопрос о том, можно ли им сопоставить два разных значения слова *событие*², требует дальнейшего изучения.

Соотношение лексем *событие* и *событийный* обладает одним интересным свойством. *Событие* – это слово, активно используемое в бытовой коммуникации; никакой стилистической маркированности словари у него не отмечают. Напротив, прилагательное *событийный*, что хорошо видно на примере данных Национального корпуса русского языка, послужившей источником материала для этой статьи (www.ruscorpora.ru), используется преимущественно в академическом дискурсе, в интеллектуальной публицистике, а также в некоторых видах профессиональной коммуникации. Контексты, в которых встречается данное прилагательное, свидетельствуют об этом весьма наглядно, ср. *событийный ряд* (самая частотная в корпусе последовательность), *событийный поток*, *событийный статус*, *событийный контекст*, *событийный сюжет*, *событийное движение бытия*, *событийное мышление*, *событийное взаимопроникновение*, *событийное противостояние цельных личностей*, *событийное время*, *событийное переживание*; *в результате получается сочетание голосов глубоко напряжен-*

¹ Виноградов В. В. История слов: Событие. – URL: <http://wordhist.narod.ru/sobitie.html>

² Показательно, что В. З. Демьянков, перечисляя в своей работе [2] применимые к событию семантические противопоставления (другие, нежели рассматриваемое нами), тоже не говорит о полисемии слова «событие», равно как и Н. Д. Арутюнова, один из примеров которой (Это была грандиозная свадьба vs. Свадьба стала грандиозным событием в его жизни) иллюстрирует как раз интересующее нас семантическое различие, хотя и получает у нее иную трактовку [1, с. 180].

ное и до крайности событийное; никакого актуально-событийного и доказуемо неиллюзорного, достоверяемого «преодоления смерти» не происходит; учет противослова (Gegenrede) производит специфические изменения в структуре диалогического слова, делая его внутренне событийным и т. п.

Конечно, на фоне этого гуманитарного лексического «пиршества» терминология коммуникационного менеджмента выглядит куда скромнее, но и там ясно, что мы имеем дело именно с терминологической, а не с бытовой лексикой: *событийный маркетинг, событийный PR, месяц был напряженным и событийным, год обещает быть событийным, событийное переживание Италии, событийные акции, событийные «паровозы», событийный туризм, событийный культурный досуг* и т. п.

При этом все перечисленные терминологические или хотя бы квазитерминологические употребления прилагательного *событийный*, несомненно, соотносятся с семантикой существительного *событие*, которое активно употребляется также и в дискурсе целого ряда гуманитарных дисциплин. Иными словами, терминологическая единица в данном случае строится на основе слова обыденного языка. Впрочем, в истории научной терминологии таких примеров не так мало.

Как известно, от научного термина в идеале требуется однозначность и строгость в каком-то разумном понимании последнего слова (которое само в большинстве своих употреблений в качестве термина не воспринимается). Подобный идеал достигается далеко не всегда и в основном – в «конструктивных» (дедуктивных) науках типа математики, логики и отчасти семиотики, где можно реализовать принцип «как скажем, так и будет».

Однако выигрыш в строгости, однозначности и отсутствии нежелательных смысловых обертонов при создании терминов часто оборачивается потребностью в дополнительных интеллектуальных усилиях со стороны, используя пушкинскую формулу, «ленивой и любопытной» части профессионального сообщества, классическим примером чего могут послужить не слишком благополучные судьбы логически продуманных и содержательных, но по большей части не привившихся терминологических инноваций таких ученых, как Ч. С. Пирс, Л. Ельмслев или К. Пайк (а в значительной мере и представителей французской семиотической школы). В этот список можно добавить и ряд достойнейших отечественных авторов.

Во множестве других видов интеллектуальной деятельности, в том числе претендующих на статус науки хотя бы в русском или немецком (*Wissenschaft*) понимании того, что есть наука, термины часто несут на себе следы их естественно-языкового, сплошь и рядом метафорического происхождения, и даже содержат оценочные компоненты – как явные, так и скрытые – и в силу этого обладающие не просто персуазивным, но и манипулятивным потенциалом¹. Иногда это представляет лишь исследовательский интерес, но порой приводит к недопониманию, стимулирует разногласия и даже создает предпосылки для терминологических злоупотреблений. Так, например, обстоит дело с категорией «мягкой силы» (*англ. soft power*) [5].

Найти компромисс между содержательными и логическими с одной стороны, а с другой – риторическими и культурно значимыми достоинствами вводимой или спонтанно складывающейся терминологической инновации – задача непростая. Весьма актуальной она оказывается в тех случаях, когда по тем или иным причинам (как рациональным, так и нет) предпринимается попытка при нахождении эквивалентов иноязычным терминам отказаться от прямого заимствования и попробовать обойтись средствами своего (в рассматриваемом нами случае – русского) языка, предложив перевод или кальку. Результаты такого терминоворчества бывают различными, и далеко не всегда удачными. В частности, помимо уже упомянутой «мягкой силы», автору настоящей статьи доводилось рассматривать проблематику межъязыковой эквивалентности терминов на примере некоторых других популярных терминологических заимствований и калек, пришедших в последние десятилетия в отечественный академический (и не только) дискурс, в частности *страновой бренд* (*nation brand*) и *коренные народы* (официальный эквивалент *англ. indigenous people*, исп. *pueblos indígenas*, фр. *peuples autochtones* – внутренняя форма этих терминов в европейских языках ООН существенно отличается от внутренней формы русского выражения). Со всеми этими категориями связаны достаточно серьезные проблемы, не сводящиеся, конечно, к понятийно-терминологическим, но, несомненно, чувствительные к языковой неэквивалентности терминов и терминосистем.

¹Это, в частности, было показано в многочисленных публикациях Дж. Лакоффа, посвященных анализу метафорических оснований философии, математики и политической науки.

Особый интерес представляет ситуация, когда в установлении межъязыковой эквивалентности участвуют единицы, степень терминологизации которых хотя бы в одном, а то и в обоих языках, участвующих в процессе заимствования, изначально слаба. Обретая статус термина, они сохраняют при этом свои разговорные коннотации, которые могут ощутимо различаться в языке-источнике¹ и в, скажем так, языке-реципиенте терминологического значения (но не обязательно изначальной формы).

Именно с таким случаем мы и имеем дело во многих ситуациях употребления существительного *событие* и, особенно прилагательного *событийный* в составе различного рода терминологических и квазитерминологических сочетаний.

Как уже говорилось выше, *событие* изначально, да во многом и в настоящее время – не термин, а обычное слово русского языка (его старославянское происхождение давно уже не ощущается), широко используемое не только в профессиональной, но и в бытовой коммуникации. При этом в академических дисциплинах (в частности, в лингвистической семантике и прагматике, в логическом анализе естественного языка, в теории текста и в нарратологии, в теории драмы), как давно уже было замечено В. З. Демьянковым, «“событие” либо оставляют без определения, считая его интуитивно ясным, либо характеризуют в языковых проявлениях» [2, с. 320]. Это реализуется в попытках эксплицировать стоящую за данной категорией интуицию путем: а) фиксации характерных черт того, что мы считаем событием, б) отграничения его от других близких ему категорий, в частности случая и факта. В толковых словарях такого разграничения обычно

¹ Специфика современной глобализованной науки такова, что языком-источником в ней чаще всего выступает английский, а он известен тем (собственно, это особенность не только языка, но и этоса английского и особенно американского научных сообществ), что в нем легко терминологизируется обиходная лексика. Применительно к лингвистике можно назвать такие относительно недавно появившиеся термины, как *blend(ing)*, *bounding*, *chaining*, *cleft(ing)*, *force*, *landmark*, *path* (как когнитивные категории), *fuzziness*, *pole*, *pivot*, *profile / profiling*, *salience*. На самом деле и традиционная лингвистическая терминология, в том числе греческого, латинского и немецкого происхождения (ср. терминологию компаративистики) тоже изобилует метафорами, но мы здесь говорим об актуальных процессах.

не проводится, ср. характерное толкование в недавно появившемся «Большом толковом словаре русского языка»¹:

Событие, -я; *ср.* То, что произошло, случилось, значительное явление, факт общественной или личной жизни. *Важное, знаменательное с. Историческое с. Международные события. Каждое выступление этого оркестра – с. в жизни города. События на Ближнем Востоке. Сегодня произошло очень странное с. Постоянно следить за событиями в нашей стране и за рубежом. События Девятого января. Событийный*, -ая, -ое; -тиен, -тийна, -тийно. *С-ая последовательность. Образная и с-ая система художественного произведения. Жизнь кого-л. не событийна* (не богата событиями). **Событийность**, -и; **ж.**

В отечественной лингвистике важными этапами в изучении категории события были, помимо уже упомянутой статья В.З. Демьянкова, работа Т.М. Николаевой [4] (обе посвящены семантике и прагматике данной категории), а также разбросанные по монографии Н.Д. Арутюновой фрагменты, в которых обсуждаются многочисленные отличительные признаки события от таких смежных категорий, как факт и случай (см. их итоговую сводку в [1, с. 181]). В нарратологии В.Шмидом были предложены пять критериев «максимальной событийности», рассматриваемой им как градуированное свойство, характеризующее некоторое изменение положения дел с отчетливо выраженными начальным и конечным состояниями: 1) релевантность изменения; 2) его непредсказуемость; 3) наличие у него существенных последствий; 4) необратимость; 5) неповторяемость [7, с. 16–18]. Такой набор представляется чересчур рестриктивным, что было отмечено, в частности, В.И. Тюпой, который сократил число признаков события и переформулировал их: событие, по его мнению, всегда сингулярно (однократно), фрактально (имеет начало и конец) и интенционально в том смысле, что существует ровно постольку, поскольку осознается неким внешним наблюдателем [6].

Анализ реальных употреблений существительного *событие* и особенно прилагательного *событийный* в современных русских текстах позволяет констатировать, что в них достаточно широко представлены употребления, не вполне укладывающиеся в данную схему и, в частности, явно скопированные с некоторых употреблений

¹ Большой толковый словарь русского языка // гл. ред. С.А. Кузнецов. 1-е изд. СПб. : Норинт, 1998. Авторская редакции 2014 г. – URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=событие&all=x>

английской лексемы *event*, причем такие употребления являются не просто заимствованиями, а активизируют некоторый потенциал, имеющийся у рассматриваемых русских слов.

Английское существительное *event*, которое может употребляться также в атрибутивной функции, имеет больше значений, чем рус. *событие* / *событийный*. В «Оксфордском справочном словаре» таких значений пять, одно, кроме того, с оттенками [8 р. 486]; фразеологизмы опущены:

- event** /i'vent/ *n* **1** a thing that happens or takes place, esp. some of importance. **2 a** the fact of a thing's occurring. **b** a result or outcome. **3.** an items of a sports programme, or the programme as a whole. **4.** *Physics* a single occurrence of a process, e.g. ionization of one atom. **5.** Something on the result of which money is staked.

Легко увидеть, что значения **1a** и **2a** достаточно точно коррелируют со значениями рус. *событие*, если семантическая структура последнего в принципе толкуется в терминах двух значений, а не вариантов одного; факультативный компонент 'важность', правда, перемещается в толкованиях русского слова к другому значению / варианту значения. Значение **2b** русскому слову совершенно не присуще и на синхронном уровне непонятно, почему **2a** и **2b** в английском толковании вообще считаются вариантами одного значения, однако поверим, что носителям языка виднее. Напротив, значение **4** явно производно от **1** (если в принципе различать **1** и **2a**¹), а **5** – от **2b**. А вот значение **3** заслуживает внимания.

«Новый большой англо-русский словарь» [3, т. 1, с. 697] фиксирует у англ. *event* гораздо больше значений, а именно – 11, причем *спортивное* – с тремя существенно различающимися вариантами. Некоторые из фиксируемых там значений, как и *физическое*, являются спецификациями основного значения применительно к конкретным предметным областям и сферам деятельности ('эпизод в кино'; 'такт работы двигателя внутреннего сгорания'; 'распродажа' – ср. в современном русском появление специфического значения у слова *акция*), а вот значение 'мероприятие' интересно тем, что присутствует в значительной части употреблений, к которым относится русское *собы-*

¹Кстати, именно различию этих двух значений, парадоксальным образом более понятному логически, чем наглядному интуитивно, посвящены десятки страниц в упомянутой выше книге Н. Д. Арутюновой.

тийный, причем сугубо терминологизированное. Более того, такие выражения, как *организовать событие*, *проводить событие* и т.п. все чаще встречаются в терминологии PR и маркетинга, ср. типичные примеры из Интернета: *Мы организуем деловые и культурные события «под ключ» в масштабах не только города, но даже всей страны; На Кубани предложили проводить массовые события в межсезонье; Также вы можете написать нам через контактную форму, чтобы мы могли обсудить подробности размещения большего количества событий либо их специального оформления* (о где ты, непредсказуемость события, постулируемая в нарратологии?).

Очевидно, что мы являемся свидетелями живого и весьма своеобразного процесса заимствования. Возникает вопрос: стоит ли за подобного рода процессом что-либо, кроме культурной (и, как следствие, языковой) ориентации на зарубежные образцы, приходящие если и не из англоязычного мира, то почти всегда в англоязычном варианте?

Попытка ответить на этот вопрос позволяет выдвинуть гипотезу относительно целесообразности постулировать у категории события два аспекта, не формулируемых, как представляется, в явном виде в литературе, хотя и коррелирующих с некоторыми наблюдениями лингвистов.

Анализ эмпирического материала из Национального корпуса русского языка позволяет выделить в семантической структуре существительного *событие* и прилагательного *событийный* два аспекта, различие которых наиболее наглядно представлено именно в терминологизированных употреблениях прилагательного *событийный*. Событие, как следует из их анализа, имеет две ипостаси.

Первая ипостась, которую в предварительном порядке можно назвать *событие снаружи* (ср. свойство «фрактальности» В. И. Тюпы) фиксирует то обстоятельство, что категория события квантует некоторое развитие извне в терминах дискретной последовательности воспринимаемых внешним наблюдателем изменений, позволяющих описать его в терминах *событийного ряда* (самое частотное сочетание в НКРЯ), а также *потока*, *каркаса*, *костяка*, *жгута*, *шампура*, *движения*, *наполнения*, *цепи / цепочки*, *отношений*, *содержания*, *календаря* и т. п. Примеры неоднородны и требуют отдельных комментариев). Показательно, что «событие снаружи» может не иметь имманентных ярких характеристик (ср. часто встречающееся выражение

незаметное/никем не замеченное/ускользнувшее от внимания и т. п. событие), но должно иметь последствия (в частности, другие события).

Вторая ипостась – это *событие изнутри*, оно предполагает квалификацию называемого событием эпизода с точки зрения его полноты, яркости, интересности, способности привлекать внимание, иногда просто динамизма, но вовсе не обязательно значимых последствий: *событийный праздник, день/год/месяц, дело, акция, вещь, «паровоз», оттенок, форма образовательной деятельности, фотоснимок, явление, праздник, фильм/жанр/кинематограф, форма образовательной деятельности* – в общем, гламур, тусовка и/или экшн, шоу, если использовать эти варваризмы и жаргонизм в качестве толкований.

Разумеется, приведенные соображения носят сугубо предварительный характер как в методологическом, так и в содержательном отношении. Введенное противопоставление нуждается в детализации и, как минимум, в обсуждении взаимоотношений между двумя ипостасями (причем второй ипостаси, очевидно, и со значением ‘мероприятие’), выяснении того, можно ли считать их двумя значениями – различными значениями одного слова, а также возможных контекстов нейтрализации. Тем не менее уже сейчас можно сказать, что различие двух ипостасей события в значительной мере влияют на специфику терминологизации определения событийный: первая фиксируется в таких понятиях, как «событийный ряд» и «событийный анализ» (один из методов политической науки и социологии, он же *event analysis / ивент-анализ / анализ событийных рядов*); вторая – прежде всего в понятии «ивент-маркетинг», он же *event-marketing / событийный маркетинг / маркетинг событий* – популярная сегодня маркетинговая технология), а также в понятии «событийный туризм». Определение *событийный* используется в них по-разному, однако рамки статьи не позволяют детально рассмотреть следствия этого факта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М. : Наука, 1988. – 339 с.
2. Демьянков В. З. Событие в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Известия АН СССР. Сер. Литература и язык. – 1983. – Т. 42. – № 4. – С. 320–329.
3. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. / под ред. Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой. – Т. 1. – М. : Русский язык, 1993. – 832 с.

4. *Николаева Т. М.* «Событие» как категория текста и его грамматические характеристики // Структура текста. – М. : Наука, 1980. – С. 198–210.
5. *Паршин П. Б.* Категория «мягкой силы» в политическом дискурсе: когнитивно-семантические и культурно-идеологические предпосылки разногласий // Политика и политики. Политический дискурс как объект лингвистического анализа: Материалы VIII Конвента РАМИ, 25–26 апреля 2014 г. – М. : МГИМО (У), 2015. – С. 226–235.
6. *Тюпа В. И.* Введение в сравнительную нарратологию. – М. : Intrada, 2016. – 145 с.
7. *Шмид В.* Нарратология. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 311 с.
8. The Oxford English Reference Dictionary. Second Edition. / Ed. by J. Pearsall, B. Trumble. – Oxford ; N. Y. : Oxford University Press, 1996. – XX, 1765 p.

УДК 81'33

Р. К. Потапова

профессор, доктор филологических наук,
заведующая кафедрой прикладной и экспериментальной лингвистики
факультета английского языка МГЛУ;
директор Института прикладной и математической лингвистики МГЛУ;
e-mail: rkpotapova@yandex.ru

ПЕРЦЕПТИВНО-СЛУХОВАЯ ДИВЕРГЕНЦИЯ В ОЦЕНКЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-МОДАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО ПАРТНЕРА ПО КОММУНИКАЦИИ¹

В статье рассматривается феномен перцептивно-слуховой дивергенции в оценке эмоционально-модального состояния иноязычного партнера по коммуникации. Проблема взаимодействия «человек – человек» (vice versa «человек – машина») характеризуется наличием особо сложного явления, связанного с коммуникацией «родной язык – неродной язык» с учетом идиосинкразии речепроизводства и речевосприятия. Идиосинкразия может быть определена с позиций индивидуального смешения различных типов нижеуказанной информации (например, биологической, психологической, социальной, когнитивной и т. д.). Все эти факторы влияют на процесс распознавания эмоционально-модального состояния партнера по коммуникации. Следовательно, можно предположить, что идиосинкразические признаки воспринимающего (в данном случае слушающего) влияют, в свою очередь, на оценку эмоционально-модального состояния прежде всего иноязычного партнера по коммуникации. В нашем экспериментальном исследовании придается особое значение именно этой проблеме, рассматриваемой на базе русско-немецких и немецко-русских соответствий. Полученные данные позволяют предложить новую модель перцептивно-слуховой обработки речевого стимула с включением таких составляющих, как перцептивно-слуховая идиосинкразия и перцептивно-слуховая когнитивная энтропия.

Ключевые слова: эмоционально-модальное состояние; дивергенция; иноязычный стимул; перцептивно-слуховая оценка; устно-речевая коммуникация; идиосинкразия; когнитивная энтропия.

Potapova R. K.

Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Applied and Experimental Linguistics,
Faculty of the English Language,
Head of the Institute of Applied and Mathematical Linguistics, MSLU;
e-mail: rkpotapova@yandex.ru

¹ Исследование проводится при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект №14-18-01059.

PERCEPTUAL-AUDITORY DIVERGENCE IN THE EVALUATION OF EMOTIONAL-MODAL STATES OF FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATION PARTNER

The paper deals with the interpretation of perceptual-auditory divergence regarding evaluation of the foreign language communication partner's emotional-modal state. The "human-human" interaction (vice versa "human-machine") problem constitutes the special complexity in the presence of such factors as "native language – foreign language" communication with regard to idiosyncratic norms of speech generation and speech auditory perception. The idiosyncrasy must be defined as a characteristic of an individual with a set of various types of indexical information (e.g. biological, psychological, social, cognitive, etc.). All these factors influence the process of recognition of the communication partner's emotional-modal state. Idiosyncratic features of listeners influence on the evaluation of the foreign language communication partner's emotional-modal state. The main emphasis of this investigation was on how a foreign language listener recognizes the emotional-modal stimulus of foreign language speakers. There were two separate experimental processes on the basis of Russian-German and German-Russian auditory recognition of the emotional-modal state. As a result of our experiments we propose a new model of the perceptual-auditory divergence in emotional-modal evaluation of a foreign language communication partner with regard to the concept of idiosyncrasy and cognitive entropy.

Key words: emotional-modal state; divergence; foreign language stimulus; perceptual-auditory evaluation; speech communication; idiosyncrasy; cognitive entropy.

В процессе коммуникации важным является не только понимание вербального контента партнера по коммуникации, но и в большей степени распознавание его эмоционально-модального состояния (далее – ЭМС). Дополнительную трудность образует решение подобной задачи в случае коммуникации с иноязычным и инокультурным адресатом. Степень сложности решения такой задачи усугубляется при дистантной опосредованной коммуникации (например, для мобильной связи, социально-сетевой коммуникации в Интернете и др.).

В наших многолетних исследованиях, посвященных изучению эмоций с привлечением различных групп испытуемых (актеров, испытуемых в состоянии гипноза и испытуемых в маниакально-депрессивном состоянии ($n=540$)), мы пришли к выводу, что необходимо принципиальное разграничение между понятиями «эмоция» и «эмоционально-модальное состояние», что позволяет классифицировать эмоционально окрашенное поведение человека с учетом:

а) базовых, так называемых первородных неосознанных эмоций (например, гнев, ярость; страх/страх как неосознанная или осознанная реакция нейронов на раздражители любого типа, в частности на опасность (с активной и пассивной (ступор) формами) / ужас; радость, восторг);

б) неосознанных и осознанных реакций на стимул, образующих сложные социальные эмоционально-когнитивные комплексы, соотносящиеся с понятием «чувство» (например, любовь, ненависть, счастье и др.);

в) комплементарных ЭМС, отражающих субъективное оценочное отношение человека к себе самому, партнеру по коммуникации, текущей ситуации, окружающей действительности и т. д. (например, уверенность, неуверенность, сомнение, безразличие, умиротворенность, участливость, доверчивость, подавленность, безнадежность, тревожность, недовольство, удовлетворенность, отвращение, презрение, досада, обида, ехидство и пр.).

Известно, что общепринятой единой теории эмоций не существует. Так, в частности, большое распространение имеет потребностно-информационная теория П. В. Симонова [11, с. 320–328]. Согласно этой теории, возникновение эмоций определяется некоторой потребностью (разрядка наша. – *Р. П.*) и оценкой возможности удовлетворения этой потребности, что выражается в виде формулы:

$$(\pm) \mathcal{E} = f [-\Pi(\text{Ин} - \text{Ис})];$$

где \mathcal{E} – сила эмоции и ее знак;

Π – величина потребности;

$\text{Ин} - \text{Ис}$ — оценка вероятности удовлетворения потребности на основе имеющегося опыта;

Ин – информация о средствах, объективно необходимых для удовлетворения потребности;

Ис – информация о существующих средствах, которыми индивид располагает.

По данной теории, если существует избыток информации о возможности удовлетворения потребности, то возникает положительная эмоция, если недостаток информации, то отрицательная. Считается, что многообразие эмоций определяется многообразием потребностей. Эта точка зрения совпадает с концепцией депривации [3], которая успешно развивается в наши дни и дает возможность «выхода» к решению проблем изучения природы деструктивных действий, агрессии

и террора, отраженных в значительных масштабах в информационно-коммуникационной среде (например, социально-сетевом дискурсе) [18].

Классификация любого множества означает разбиение его на непересекающиеся подмножества с помощью некоторого набора признаков. Чем больше признаков, тем мельче подмножества. Разбиение, например, на ведущие подмножества и ситуативные. Ведущие подмножества включают неудовлетворенные потребности, соотносящиеся с поиском целевого объекта. Ситуативные эмоции возникают в результате оценок этапов поведения и побуждают действовать либо в прежнем направлении, либо менять поведение [1; 2]. Эмоции делятся также по характеру действий, включающих преодоление, защиту, нападение [12]. Эмоции могут быть результатом наложения двух и более эмоций.

Для описания эмоций В. Вундт выделял три характеристики [25]:

– гедонический тон или знак эмоции (положительный – отрицательный);

– готовность к действию (расслабление – напряжение);

– уровень активации (спокойствие – возбуждение).

Г. Шлосберг развил теорию В. Вундта и ввел характеристику, включающую оппозицию «принятие – отталкивание» [16, с. 40].

Кроме вышеуказанных подходов к анализу эмоций заслуживает внимания концепция, согласно которой учитывается фактор соотношения эмоций и события. В этом случае различаются превосходящие (до события, связанного с достижением/недостижением цели) и констатирующие эмоции (после события, связанного с достижением/недостижением цели). Существенным фактором является направленность эмоций – на себя или вне себя. Первичная функция эмоций – мобилизация организма для быстрой реакции на ситуацию наиболее адекватным способом [15].

Все вышесказанное относится прежде всего к интерпретации понятия «эмоция». Что же касается эмоционально-модального состояния, то в лингвистической литературе рассматриваются три аспекта модальности: субъективная, объективная и вторичная [4, с. 142; 6]. Субъективная модальность содержит оценочное отношение говорящего к степени познанных указанных объективных связей [5], например сомнения, уверенность/неуверенность, предположительность. Иными словами, субъективная модальность понимается как модальность степени достоверности.

Таким образом, субъективная модальность выражает отношение говорящего к вербальному и невербальному поведению адресата: эмоционально-экспрессивное отношение, собственно-оценочное, оценочно-производное от характеристики самого сообщаемого и т. д. (например, уверенность, неуверенность, убежденность, предположительность и т. д.).

Подобно классификации эмоций все эмоционально-модальные состояния (ЭМС) распределяются по следующим основным типам: положительные/отрицательные; субъективные/объективные; первичные/вторичные; однофакторные (единообразные)/многофакторные (смешанные); сильные/слабые.

По нашему мнению, общим для любой классификации ЭМС является прежде всего **оценочный критерий**: собственно оценочный; коммуникативно-оценочный; ситуативно-оценочный; социально-оценочный; этнокультурно-оценочный.

В ходе исследования была сформулирована гипотеза, согласно которой в акте коммуникации реализуется не только принцип идиосинкразии порождения речевого сигнала, но и принцип идиосинкразии слухового восприятия данного сигнала.

Речевые признаки, характеризующие говорящего и особенности его психофизиологического склада (идиосинкразические признаки), содержат, как правило, разные типы информации: *вербальный контент* (информационно-коммуникативное содержание сообщения); *паравербальный контент* (произносительные особенности речепроизводства сообщения, «вплетенные» в просодическую и спектрально-временную субстанцию звуковой материи любого высказывания); *невербальный контент* (мимика, жесты, проксемика и др.); *экстравербальный контент* (пол, возраст, место рождения, место длительного проживания, воспитание, образование, социальный статус, ситуация, прическа, одежда и др.).

Предлагается следующая классификация идиосинкразической информации, содержащейся в речевом сигнале [7–10; 13; 14; 17; 24]:

1. Биологическая: анатомическая, физиологическая, физическая, психо-эмоциональная, психоментальная, гендерная, возрастная, сексуально-генетическая.

2. Психологическая: характеристика психики личности как единой целостной функциональной системы регуляции поведения и деятельности (сознание, внимание, память).

3. Социобиологическая: социоповеденческая (признаки, индицирующие принадлежность к определенной группе лиц, например этническая, культурная, региональная и социальная).

4. Социогуманитарная: эволюционно-генетическая, этническая, межэтническая, культурно-историческая, общепсихологическая, дифференциально-психологическая, психогенетическая.

5. Мультифакторная: интеллектуальная, вербальная, познавательная, факторно-аналитическая.

При описании портрета говорящего по голосу и речи (т.е. атрибуты личности в судебно-криминалистическом аспекте) различают три типа нормы: универсальные, групповые и идиосинкразические. При этом особая роль принадлежит голосовой информации, декодируемой на уровне слуховой перцепции по следующей схеме [9; 20; 21; 22]:

- описание, соотносящееся с портретом говорящего и его местом в жизни воспринимающего;

- соотнесение с именем говорящего;

- физическая форма говорящего (лицо, телосложение, жесты, походка и т. д.);

- голос говорящего, определяемый спецификацией дистинктивных (акустических, перцептивных) характеристик.

Речевые признаки говорящего подразделяются на контролируемые (внешние) и неконтролируемые (внутренние). Некоторые специалисты говорят о потенциально контролируемых признаках. Степень контроля зависит от двух факторов:

- от способности говорящего использовать слуховые и проприоцептивные формы обратной связи в процессе реализации артикуляционной программы;

- от его перцептивной способности применять (использовать) слуховые формы информации для обнаружения звуковых различий [14; 17].

Оба названных выше фактора входят в такое понятие, как «мастерство контроля». Факторы, не поддающиеся контролю, обусловлены органо-генетическими признаками говорящего: структурой речевого аппарата, включающей длину голосового тракта, размеры языка, нёбной занавески, зева, челюсти и всей речевой полости; формой (конфигурацией) гортанного тракта и носовой полости. Сюда же

могут быть отнесены так называемые структурные дефекты (например, наличие расщелины в твердом нёбе («волчья пасть»), отсутствие зубов и т. д.) [17].

Контролируемые факторы не связаны (не «выводятся») с органо-генетическими ограничениями и включают изменения в манипуляциях голосовой динамики и всех потенциально контролируемых мышечных артикуляционных жестов, которые характеризуют манипуляционные компоненты качества голоса.

Неконтролируемые признаки рассматриваются как перманентная и в то же время неперманентная органическая основа для признаков говорящего, базирующихся на его анатомии и физиологии и соотносящихся с инвариантом-нормой физического плана, свойственного для речевых характеристик говорящего.

Перманентность и **неперманентность** неконтролируемых признаков связана с дифференциацией долговременных и кратковременных признаков (принципом выявления кратковременных неконтролируемых признаков является речепроизводство в период болезни горла, после бега, быстрого подъема по лестнице и т. д.). К числу кратковременных не могут быть отнесены такие, например, признаки как возрастная ломка голоса (пубертатный период). Как контролируемые, так и неконтролируемые признаки могут быть сгруппированы по принципу внутридикторских (интрадикторские) и междикторских (интердикторских) сходств и различий [8; 9]. Информация о говорящем скрыта в речевом сигнале, соотносящемся с его анатомическими признаками и хранящимися на нейронном уровне мышечными речевыми образцами, коррелирующими, например, с телосложением говорящего.

Помимо вышеперечисленных признаков особую сложность представляет изучение эмоций и эмоционально-модальных состояний по голосу и речи, в частности проблема их перцептивно-слуховой идентификации [19–24].

Результаты лонгитюдного эксперимента, проводимого нами в России и Германии в течение десяти лет на одном и том же различающемся аутентичном материале (телевизионные Talk-Show России и Германии; объем – 227 часов), предъявляемого для оценки эмоционально окрашенной русской речи испытуемыми – носителями русского и немецкого языков и немецкой речи – испытуемыми –

носителями немецкого и русского языков без визуального ряда (параллельно проводились и проводятся исследования с визуальным рядом), позволили установить, что слуховое восприятие одних и тех же ЭМС-стимулов оценивается представителями вышеуказанных культурно-языковых сообществ по-разному [10; 21; 22].

Было выявлено, что перцептивно-слуховая оценка эмоционально-модального состояния иноязычных и инокультурных коммуникантов по их речевым характеристикам существенно отличается от врожденных и генетически структурированных нейро-эмоциональных механизмов перцептивно-слуховой оценки эмоционально-модального поведения носителей родного языка. В ходе экспериментов удалось установить также статистически надежную специфику немецко-русской и русско-немецкой речевой тактики и речевой стратегии, используемых при принятии решений по оценке эмоционально-модального состояния иноязычных и инокультурных партнеров по коммуникации.

Данные перцептивно-слухового анализа распознавания эмоций и эмоционально-модальных состояний были подвергнуты последующей статистической обработке с применением критерия знаков при двусторонней альтернативе H_0 с 5-процентным уровнем значимости, а также двухфакторному дисперсионному анализу, что позволило получить надежные и значимые различия.

При проведении экспериментов по слуховой оценке эмоционально-модального состояния иноязычных и инокультурных коммуникантов были разработаны специальные анкеты, включающие такие параметры, как мелодический диапазон с определенной системой градаций, мелодический регистр и ступени его изменения, высота голоса, тембр с включением ряда вариформ, динамические и темпоральные особенности речепроизводства и т. д.

В отдельное направление было выделено исследование того же материала с включением параметров вербалики при условии знания соответствующих языков и невербалики, т. е. сопровождающих коммуникацию мимику, жесты и т. д.

Основные выводы, относящиеся к слуховой оценке речевых репрезентаций ЭМС иноязычных и инокультурных коммуникантов, могут быть сведены к следующим положениям:

– большинство носителей немецкого языка воспринимают ЭМС русской речи с оценкой «нейтрально» (66%), меньшее число –

с оценкой «взволнованно» (27%) и значительно меньшее число – с оценкой «агрессивно» (7%);

– для носителей русского языка в некоторой степени типичным является восприятие ЭМС коммуникантов-носителей немецкого языка также с оценкой «нейтрально» (40%). Прочие ЭМС оцениваются крайне вариативно. Вместе с тем, одни и те же русские речевые стимулы-высказывания, оцениваемые немцами как «взволнованно», получают в большинстве случаев слуховую оценку со стороны носителей русского языка «радостно» (27%). Оценка «агрессивно» попадает в одно коннотативно-эмоциональное поле с включением других состояний, например «взволнованно», «радостно» и др. (33%). Наиболее показательны наличие дивергенции в оценках ЭМС «взволнованно» для носителей немецкого языка и «радостно» для носителей русского языка [10].

Сравнение самих просодических средств, используемых для оценки испытуемыми ЭМС, обнаружило также наличие ряда дивергентных особенностей:

– перцептивно-слуховая оценка ЭМС иноязычных коммуникантов испытуемыми-носителями немецкого языка базируется на оценке **тембра** воспринимаемого голоса (73%) и лишь (20%) мелодического варьирования и темпоральных характеристик (7%);

– слуховая оценка ЭМС испытуемыми-носителями русского языка основана на использовании в **мелодических средствах** (60%), темпоральных характеристик (20%), характеристик уровня громкости (13%), показателей паузации (7%).

Полученные результаты свидетельствуют прежде всего о функционировании в процессе коммуникации механизма языковой **категориальности слухового восприятия иноязычного стимула**, что накладывает специфические ограничения на интерпретацию результатов в данном случае слухового анализа иноязычного звучащего материала.

Таким образом, идиосинкрзия на примере устно-речевой коммуникации может быть двух видов: не только на уровне **речепроизводства**, как это принято считать, но и на уровне **речевосприятия**. Применительно к диалогической коммуникации (в данном случае применительно к ЭМС-реакции слушающего на речевой стимул говорящего вследствие процесса дивергенции) реакции на стимул могут быть двух основных видов: **неунисонные** ($S \neq R$) и **приближенно**

унисонные ($S \approx R$). Для иноязычных коммуникантов степень неунисонных реакций возрастает.

Подчеркнем, что перцептивно-слуховая идиосинкрязия, по нашему мнению, усугубляется еще и тем, что в нее входят такие составляющие слуха, как физиологический, музыкальный, эмоциональный, субъектно-голосо-идентифицирующий, ассоциативный, эстетический, когнитивно-индивидуальный, когнитивно-социальный, когнитивно-этнический и др.

В процессе речевой коммуникации при участии иноязычных и инокультурных партнеров идиосинкрязические нюансы ЭМС, являющиеся стимулами, могут вызывать и, как правило, вызывают описанные выше реакции неунисонного или приближенно унисонного вида ($S \neq R$, $S \approx R$). Если учесть, что на ответную реакцию влияют и другие индивидуальные факторы (например, физическое состояние адресата, общий эмоциональный фон коммуникации, пол, возраст и т. д.), то в целом ЭМС-реакция «обрастает» целым рядом дополнительных коннотаций, что ведет, по нашему мнению, к возникновению явления, которое мы предлагаем обозначить как **когнитивная энтропия**. При этом мера неопределенности когнитивной энтропии возрастает с увеличением числа идиосинкрязических индивидуально-личностных составляющих перцептивно-слуховой системы индивидуума, а также его когнитивного «багажа».

Зонный характер когнитивной энтропии – в данном случае при перцептивно-слуховом распознавании ЭМС – может относиться, по нашему мнению, и к другим составляющим сенсорного комплекса человека (например, невербалике), особенно – в условиях коммуникации между иноязычными и инокультурными участниками коммуникативного акта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вилюнас В. К.* Психология эмоциональных явлений. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 142 с.
2. *Вилюнас В. К.* Психологические механизмы мотивации человека. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1990. – 288 с.
3. *Гарр Т. Р.* Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – 464 с.
4. *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 352 с.
5. *Кривонос А. Т.* Модальная частица как сигнал субъективно-модального значения в немецкой разговорной речи // Структурные особенности

- разговорной речи и развитие разговорных навыков и умений. – Иркутск: ИГПИИЯ, 1964. – С. 132–147.
6. *Ломтев Т. П.* Предложение и его грамматические категории. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 199 с.
 7. *Потанова Р. К.* Речь: коммуникация, информация, кибернетика. – М.: Радио и связь, 1997 (доп. изд. М.: URSS, 2001; 2003; 2005; 2010; 2015). – 528 с.
 8. *Потанова Р. К.* Субъектно-ориентированное восприятие иноязычной речи // Вопросы языкознания. – 2005. – № 2. – С. 46–64.
 9. *Потанова Р. К., Потанов В. В.* Язык, речь, личность. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 496 с.
 10. *Потанова Р. К., Потанов В. В.* Восприятие эмоционального поведения иноязычных и инокультурных коммуникантов // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 602–617.
 11. *Симонов П. В.* Мозговые механизмы эмоций // Журнал высшей нервной деятельности. – 1997. – Т. 47. – Вып. 2. – С. 320–328.
 12. *Симонов П. В.* Эмоциональный мозг. – М.: Наука, 1981. – 215 с.
 13. *Abercrombie D.* Elements of General Phonetics. – Edinburgh: University Press, 1967. – 203 p.
 14. *Brown R.* Auditory Speaker Recognition // Forum Phoneticum. – Bd. 38. – Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1980. – P. 1–3.
 15. *Ekman P.* Basic emotions. In: T. Dalgleisch, M. Power (eds.) Handbook of Cognition and Emotion. – Sussex (UK): John Wiley and Sons, Ltd, 1999. – P. 45–60.
 16. *Isard C. E.* Human Emotions. – N. Y.: Plenum Press, 1977. – 495 p.
 17. *Laver J.* Voice quality and indexical information // British Journal of Disorders of Communication. – 1968. – P. 43–54.
 18. *Potapova R.* From deprivation to aggression: verbal and non-verbal social network communication // Global Science and Innovation: Intern. conference. – Chicago, 2015. – P. 129–137.
 19. *Potapova R., Komalova L.* Auditory-perceptual recognition of the emotional state of aggression // A. Ronzhin, R. Potapova, N. Fakotakis (eds.). SPECOM 2015. – LNAI. – Vol. 9319. – Heidelberg: Springer, 2015. – P. 89–95.
 20. *Potapova R. K., Potapov V. V.* Auditory Perception of Speech by Non-Native Speakers // The Phonetician. – 1998. – CL–78. – P. 6–12.
 21. *Potapova R. K., Potapov V. V.* Kommunikative Sprechfähigkeit. Russland und Deutschland im Vergleich. – Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2011. – 312 S.
 22. *Potapova R., Potapov V.* Auditory and visual recognition of emotional behaviour of foreign language subjects (by native and non-native speakers) // M. Železný, I. Habernal, A. Ronzhin (eds.). SPECOM 2013. – LNAI. – Vol. 8113. – Heidelberg: Springer, 2013. – P. 62–70.

23. *Potapova R., Potapov V.* Associative mechanism of foreign spoken language perception (forensic phonetic aspect) // SPECOM 2014. – LNAI. – Vol. 8773. – Heidelberg : Springer, 2014. – P. 113–123.
24. *Potapova R., Potapov V.* Cognitive mechanism of semantic content decoding of spoken discourse in noise // A. Ronzhin, R. Potapova, N. Fakotakis (eds.). SPECOM 2015. – LNAI. – Vol. 9319. – Heidelberg : Springer, 2015. – P. 153–160.
25. *Wundt W.* Grundriss der Psychologie. – Leipzig : W. Engelman, 1896. – 392 S.

УДК 81'373

М. Б. Раренко

кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник Отдела языкознания ИНИОН РАН; e-mail: rarencо@rambler.ru

ЧЕЛОВЕК ПОЛИТИЧЕСКИЙ В ФОКУСЕ

В статье представлен анализ работ, посвященных теме языкового образа политика (на материале русского и английского языков), который рассматривается как сложный лексико-семантический конструкт, имеющий разноуровневую языковую структуру и ярко выраженную экстралингвистическую обусловленность.

Ключевые слова: политик; политический дискурс; языковой образ; языковое моделирование; семантические доминанты языкового образа; номинация; коммуникативные стратегии.

Rarenko M. B.

Ph. D. (Philology), Senior Researcher, Department of Linguistics INION RAS; e-mail: rarencо@rambler.ru

A POLITICIAN IN THE FOCUS

The paper is devoted to the analysis of the language image of a politician based on the material of the Russian and English languages. The image is viewed as a complex lexical and semantic construct that has a multilevel language structure and is determined by social and cultural factors.

Key words: politician; political discourse; language image; language image of the world; language construction; semantic dominants of the language image; nomination; communication strategies.

В последние годы отмечается всевозрастающий интерес лингвистов к проблемам дискурса политиков. Политический дискурс, имеющий особое социальное значение в жизни общества, представляет собой сложный объект для исследования, поскольку находится на пересечении разных дисциплин, в первую очередь политологии, социальной психологии, лингвистики, и оказывается связанным с анализом формы, задач и целей, а также содержанием [5]. Исследовательское внимание к политическому дискурсу отражает непреходящий интерес к феномену власти и ее субъектам – политикам и объясняется «как отсутствием специальных исследований, посвященных этому феномену, так и общелингвистической значимостью системного и многоаспектного описания образа человека в русской ЯКМ (далее – языковой картине мира)» [1, с. 6].

В центре внимания лингвистических исследований оказалось всестороннее комплексное описание глобального образа человека по данным языка, в частности политика, или «человека политического». В основе подобного рода исследований лежит «идея о способности языка отражать, запечатлевать знания, мнения, представления человека о мире и о самом себе как части мироздания» [1, с. 5]. Политик – это «субъект специфической деятельности, связанной с управлением государством, осуществлением властных полномочий, реализацией социально значимых действий, соответствующих задачам политического объединения (партии, движения), к которому данный субъект принадлежит» [1, с. 5].

Описывая отличие «политического языка» от обыденного, В. З. Демьянков отмечает следующие его черты:

1) «политическая лексика терминологична, а обычные, не чисто «политические» языковые реалии употребляются не всегда так же, как в обыденном языке»;

2) «специфическая структура дискурса – результат иногда очень своеобразных речевых приемов»;

3) «специфична реализация дискурса – звуковое или письменное его оформление» [3, с. 116].

Основным методом исследования человека политического стал метод интегративный, который предполагает использование идей, достижений и методов разных направлений антропологической лингвистики. Человек при этом выступает и как субъект, познающий мир и отображающий процесс и результаты познания в языке, и как объект такого познания. Моделирование языкового образа политика базируется на семантических доминантах – «устойчивых, регулярно воспроизводимых смыслах» [1, с. 68], которые отражаются в структурах представления знаний – в концептах.

Семантическое моделирование языкового образа политика начинается с выявления и типизации номинаций человека политического, которые используются в текстах печатных СМИ начала XXI в. Среди номинантов наименований политика выделяются имена существительные, а также их грамматические эквиваленты, представляющие наименования политических деятелей, извлеченные из газетных текстов и их фрагментов. Определенная сложность заключается в том, что в содержании большинства исследуемых номинаций присутствует сема «отношение к политической деятельности», хотя ряд наименований

политиков этой семы не имеет и эксплицируется только в контексте. Ядерным компонентом, который представляет образ политика на лексико-семантическом уровне, выступает слово «политик». Важным этапом семантического моделирования образа-концепта «политик» является установление его семантико-синтаксической представленности в современных печатных СМИ. Согласно проведенным исследованиям, типичными для данного феномена являются следующие структурно-семантические модели: 1) X – какой/каков; 2) X – кто/что; 3) X – что делает / X – что делает как; 4) У X есть нечто.

Вот, например, что пишет о себе депутат Соломон Гинзбург:

Родителями приучен к труду, выполнению обещаний ...

В Калининграде – 40 лет. С отличием окончил наш университет. Преподавая в сельской школе, заочно учился в аспирантуре Ленинградского государственного университета. Кандидат исторических наук. *Автор статей, исследований по проблемам народовластия, справедливости и законности, защиты прав граждан.* Основатель и президент общественной исследовательской организации «Региональная стратегия». <...> Депутат последних созывов. *Автор 16 действующих законов и 20 федеральных законодательных инициатив*, включая федеральные ... Депутат должен быть *открыт, доступен*, профессионален, предсказуем. *Приём веду ежедневно, езжу на общественном транспорте*, общаюсь с избирателями не только в Думе, но и на улицах, во дворах, в подъездах. *Живу с вами в одном избирательном округе.* Его проблемы знаю не понаслышке. Извещаю, над чем работаю, принимаю наказания, советы. *Без обратной связи нельзя добиваться результата в интересах калининградцев* [2].

На следующем этапе семантического моделирования на основании анализа смыслового наполнения высказываний о политических деятелях в текстах современных СМИ выявляются устойчивые смыслы, регулярно воспроизводимые при характеристике политических деятелей.

Семантическими доминантами образа политика в аспекте его профессионально-деловых качеств являются следующие:

- 1) политика – особая сфера человеческой деятельности, которая требует профессионализма;
- 2) профессионализм политика определяется опытом работы;
- 3) опыт и профессионализм влияют на эффективность деятельности политика;
- 4) профессиональная состоятельность политика связана с его трудолюбием, а «языковой образ политика в профессионально-

деловом аспекте характеризуется акцентированием черт характера, которые определяют направленность политической деятельности, ее индивидуализацию» [1, с. 81].

Важной деталью интеллектуального портрета политика следует считать его речь, поскольку деятельность политика ориентирована и на коммуникативное лидерство. Его языковой образ выстраивается также на основе языковых стратегий, специфика которых обусловлена фреймами, т. е. когнитивными структурами, основанными на вероятностном знании основных признаков ситуаций, типичных для субъекта в данной сфере коммуникации. Во фреймах политической коммуникации отражены такие ее признаки, как институциональность, ритуальность (проявляющаяся в сценарности, устоявшейся ролевой структуре и т. д.), особая риторическая организация, целевая направленность, диалогичность (дискуссионность), конфликтность и даже театральность. К основным коммуникативным стратегиям, которые учитываются субъектом в рамках политического дискурса, относятся: стратегии кооперации, борьбы за власть, апелляции к ценностным категориям, стратегии презентации (языковое представление участников коммуникации), семантические стратегии (идеологическое воздействие), аргументативные стратегии (ментальные действия), стратегии речевых действий участников коммуникации и др. [7].

Одними из распространенных коммуникативных стратегий, применяемых в политическом дискурсе, являются стратегии на понижение и повышение, а также на дистанцирование и сближение, в результате применения которых создается нужный говорящему образ. Под стратегиями на сближение и на дистанцирование понимают «стремление политика солидаризироваться не только с аудиторией, но и с некой другой стороной, так как, занимая позитивную позицию по отношению к тому или иному вопросу, участники политической коммуникации наделяют описываемый объект положительными характеристиками и стремятся солидаризироваться (сблизиться) с ним, а критикуя его, – отдалиться от него» [7, с. 189]. Так, приведенные в работе М. А. Семкина примеры показывают, что основными критериями успешности страны (а значит, и президента) являются стабильность и постоянная положительная динамика, наблюдаемая как в сфере политики, так и в области экономики страны:

<America> is stronger now than when I came into office. <...> We ended the war in Iraq, we were able to refocus our attention on not only the terrorist

threat but also beginning a transition process in Afghanistan. <...> Working with Israel, we have created the strongest military and intelligence cooperation between our two countries in history. In fact, this week we'll be carrying out the largest military exercise with Israel in history [Transcript and ... 2012]¹.

Сейчас Америка сильнее, чем когда я заступал на этот пост. Мы завершили войну в Ираке, сосредоточили наше внимание не только на противодействии терроризму, но и на поддержке переходного режима в Афганистане. <...> Работая совместно с Израилем, мы создали самый прочный в истории союз Вооруженных Сил, а также разведок наших стран. По сути дела, на этой неделе мы будем осуществлять совместно с Израилем крупнейшие военные учения в истории (*перевод М. А. Семкина*).

В приведенной выше цитате Барак Обама, говоря о достигнутых результатах, использует личные местоимения первого лица, в основном во множественном числе (*we*), подчеркивая свое единение со страной, и лишь единожды местоимение единственного числа (*I*), говоря о своем вступлении на пост президента, таким образом имплицитно мыслит о том, что именно под его руководством (и, конечно, благодаря его умелому руководству) были достигнуты такие результаты.

В другом фрагменте политик, применяя тактику солидаризации, отождествляет себя с избирателями, подчеркивает свою причастность к происходящему:

I and Americans took leadership in organizing an international coalition. <...> We've neglected ... developing our own economy, our own energy sectors, our own education system.

Я и американский народ позволили Америке занять лидирующее положение в международной коалиции <...>. Мы пренебрегали <...> развитием нашей экономики, нашей энергетики, нашего образования» (*пер. М. А. Семкина*).

Как и в предыдущем примере, используются личные местоимения, в основном первого лица множественного числа (*we*), и лишь единственный раз в единственном числе (*I*) – как своего рода напоминание о том, благодаря кому (под руководством кого) такие положительные результаты в развитии страны были достигнуты.

Вводя избирателей в свой круг, «приписывая» и «разделяя» с ними свои успехи на посту президента, Обама задает нужный для себя вектор

¹Зд. и далее: Transcript and Audio: Third Presidential Debate. 2012. 22 Oct. – URL: <http://www.npr.org/2012/10/22/163436694/transcript-3rd-obama-romney-presidential-debate>

моделирования действительности, одновременно с этим представляя себя, во-первых, надежным, сильным, умелым, знающим потребности страны (и избирателей), радующим за свою державу (и избирателей) политиком, а во-вторых, человеком, обладающим теми же ценностями, желаниями, интересами, что и его избиратели, которые, конечно же, одобряли и будут одобрять выбранную им политику, поскольку сами участвовали и будут участвовать во всех политических процессах страны вместе с профессиональными политиками.

Таким образом, определяющим фактором, влияющим на решение электората, является то, насколько убедительным оказывается речевой портрет политика и насколько он отвечает запросам электората.

При изучении языкового образа политика важным становится исследование оценочных номинаций политиков – «коннотативно осложненных лексических и фразеологических единиц, называющих человека по каким-либо признакам, качествам, свойствам» [4, с. 26], поскольку, как отмечает А. А. Уфимцева, «язык фиксирует концептуальный мир человека, имеющий своим первоначальным источником реальный мир и деятельность в этом мире. При помощи лексических единиц номинации человек осуществляет репрезентацию объектов реального мира. В словах как номинативных единицах языка хранятся определенные знания о действительности, достаточные для того, чтобы идентифицировать обозначаемые словами реальные или идеальные сущности» [8, с. 120]. Оценочные категории важны при определении отношения человека к окружающей действительности и представляют особую разновидность познавательной деятельности. Оценочные категории могут строиться как на экспертных знаниях, так и возникать в результате собственного непосредственного опыта, но всегда обусловленных в той или иной степени национальной картиной мира: «Изучая языковые оценки человека, мы тем самым пытаемся осмыслить, систематизировать и описать их как факты обыденного сознания и национально-образного мышления в универсальных категориях так, как они представлены в языке, в значениях единиц номинации, воссоздав тем самым фрагмент картины мира в сознании языковой личности» [4, с. 27]. В результате этого в коммуникации появляется оценочное высказывание.

Известно, что повышенной образностью обладает сленг, важнейший из пластов субстандартной лексики, представляющий «особый лексико-фразеологический слой, который включает слова и выражения, некогда бывшие достоянием ограниченной сферы употребления,

но впоследствии перешедшие в общий обиход, где подверглись семантической и экспрессивно-стилистической обработке, понятийная неопределенность сленга неким образом стирается» [6, с. 105].

Исторически сложилось так, что в американском политическом дискурсе сленг оказывается исключительно востребованным особенно тогда, когда речь идет о номинации: практически каждый американский президент имеет прозвище. Так, например, в детстве Барака Обаму называли Барри, позже, когда он стал президентом, журналисты прозвали его *Обама-без-драмы* (*No Drama Obama*) за обычно невозмутимую манеру поведения. По аналогии с Рональдом Рейганом Билл Клинтон получил прозвище *Тефлоновый Билл* (*Teflon Bill*) – обоим, казалось, были не страшны любые скандалы. Билла Клинтона также называли *Первым черным президентом* (*the First Black President*) – за поддержку афроамериканцев. У Джимми Картера, после того как он объявил о кризисе доверия и предложил всем членам кабинета написать заявления об отставке, появилось прозвище *Президент Болезнь* (*President Malaise*). За привычку экономить электричество Линдона Джонсона называли *Линдоном-лампочкой* (*Light-Bulb Lyndon*), Теодора Рузвельта прозвали *Беспокойным Теодором* (*Theodore the Meddler*) за излишнюю, по мнению некоторых, законотворческую активность. Авраама Линкольна за принципиальную честность нарекли *Честным Эйбом* (*Honest Abe*).

Согласно исследованиям В. В. Катерминой, в американском дискурсе в основе сленговых единиц, номинирующих политиков, лежит отрицательная оценка, которая может выражаться несколькими способами: 1) благодаря наличию образного компонента в структуре слова; 2) через ключевое слово *political*; 3) через название политических партий.

Образно-мотивированные метафорические номинации становятся экспонентами культурных знаков. Появление метафоры, как правило, связано с концептуальной системой носителей языка, с их стандартными представлениями о мире, с системой оценок, которые существуют в данной лингвокультуре и вербализуются в языке. Таким образом, метафора связывает эмоции с культурой. Рассмотрим следующие примеры:

1. *Lame duck* (букв. ‘хромая утка’) вызывает образ политика, всё еще находящегося у власти, но не имеющего никаких надежд на переизбрание (ср. первичное и переносное значения: *lame* (*хромой, хромающий, прихрамывающий*)). Например, *a lame animal cannot walk*

very well because its leg or foot is damaged – хромое животное не может хорошо ходить, потому что у него повреждена лапа или нога // *pathetically lacking in force or effectiveness* (демонстрирующий отсутствие силы (движения) и эффективности). Метафора «хромого политика» в европейской культуре наложилась еще на одну метафору, поскольку движение неразрывно оказывается связанным с развитием, прогрессом, а отсутствие движения (хромота как нечто ему препятствующее), напротив, воспринимается как что-то отрицательное.

2. *Dark horse* (букв. ‘темная лошадка’) – известный образ в политике, метафоричность которого, выраженная зоокомпонентом, усиливается и цветовой номинацией, занимающей важное место в цветовом коде культуры западных народов: *dark – morally bad, dangerous, or frightening* (темный – плохой, опасный, пугающий). В словосочетании «темная лошадка» в центре номинации оказывается еще одно дополнительное значение, которое можно обозначить как ‘неизвестность’, и через этот смысл выражение оказывается связанным с понятиями ‘dangerous’, ‘frightening’.

Обыгрывание слова *political*, например *politainer – a politician who originally became well-known as an entertainer* (букв. ‘политик, изначально прославившийся как конферансье’) – также довольно распространенный прием. По аналогии образуются лексические единицы *Demican or Demopublicrat – a Democrat said to be acting like a Republican, or vice-versa. Republicrat or Republicrat – a politician of one of the two largest political parties who is said to act as though she or he were a member of the other party* (т. е. политик одной из двух крупнейших политических партий, о котором говорят, что он ведет себя как будто принадлежащий другой партии), являющиеся примерами номинации политиков через название политических партий. Эта оценочная интерпретация внутренней формы возникает как результат телескопического способа словообразования, благодаря которому в одной лексической единице соединяются названия двух противоборствующих партий.

В ходе анализа русской субстандартной лексики, номинирующей политиков, В. В. Катерминой были выделены три основные группы обогащения этого пласта языковых единиц [4].

К первому относятся словосочетания, в состав которых входят слова «политик», «политический», «хозяйственник», встречающиеся в сочетании с лексемами, которые могут придавать единице как

положительное, так и отрицательное значение (*виртуальный политик* – нереальный образ политического деятеля, формируемый в СМИ и навязываемый обществу; *тефлоновый политик* (заимствовано из американского политического жаргона) – политик, к которому не пристаёт («не пригорает») никакая критика; политик, видный государственный чиновник, сохраняющий политическое положение (рейтинг), несмотря на совершаемые им ошибки в политическом управленческом плане; *политический пенсионер* – политический деятель, отправленный в отставку либо утративший политический вес и влияние; *политический тяжеловес* – политик, долгое время занимающий руководящие посты и пользующийся значительным влиянием; *крепкий хозяйственник* – лицо на важной политической должности, имеющее большой опыт работы в хозяйственной сфере, подчеркивающий свою деидеологизированность, сосредоточенность на решении экономических и социальных проблем, а не на выполнении программных установок и лозунгов какой-либо политической организации.

Во втором случае используются: 1) прецедентные имена, например *антиПутин* – обобщающая оценка политика, обладающего качествами, противоположными качествам В. В. Путина; *верный путинец* – политик, своими поступками или заявлениями демонстрирующий лояльность Президенту РФ В. В. Путину; 2) прецедентные выражения, например *кремлевские кукловоды* – применяется, в основном, «левой» прессой в отношении Президента, ключевых фигур в его администрации и влиятельных общественных деятелей и пр.

В. В. Катермина отмечает, что «отрицательная окраска лексемы *антиПутин* создается при помощи негативной приставки *анти-*: *анти-* – приставка, употребляется при многих существительных и прилагательных для выражения противоположности или враждебности, соответствует приставке *против*). Но главное, на что следует обратить внимание, это само имя собственное, которое создает определенный образ в сознании народа» [4, с. 29].

Третья группа включает в себя следующие единицы: *капитаны российского бизнеса* – эвфемизм, которым принято обозначать лиц, называемых олигархами. В более широком смысле это – директора больших предприятий, крупные собственники, успешные менеджеры; *нефтяные генералы* – директора предприятий нефтедобывающего комплекса, занявшие руководящие должности еще в советские

времена; *региональные бароны* – главы регионов, обладающие практически абсолютной властью на своей территории.

Эти лексемы В.В. Катермина определяет как «единицы номинации, в структуре которых присутствуют компоненты, номинирующие определенное социальное положение лица (гендерный компонент “социальный статус”» [4, с. 29]. Также отмечается, что в данную группу входят единицы, обозначающие несколько человек, а не отдельную личность, что, вероятно, связано с распространенностью данного явления, его типичностью.

В заключение можно сделать вывод, что языковой образ политика в современных исследованиях, выполненных на материале русского и английского языков, представлен как сложный семантический конструкт, который имеет разноуровневую языковую структуру и ярко выраженную экстралингвистическую обусловленность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вагенляйтнер Н.В., Никитина Л.Б. Языковой образ политика по данным российских печатных СМИ начала XXI века. – Омск : Омский гос. пед. ун-т, 2014. – 160 с.
2. Гинзбург С. Отчет депутата областной Думы перед избирателями 2011–2016 гг. – URL: www.rugrad.eu/Общение/Блоги/blog_Ginzburg/10194
3. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – С. 116–133.
4. Катермина В.В. Оценочные номинации политиков (на материале русской и английской субстандартной лексики) // Политическая лингвистика / гл. ред. А.П. Чудинов. – Вып. 3 (53). – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2015. – С. 26–31.
5. Паршина О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика. – М.: Либриком, 2012. – 232 с.
6. Саляев В. А. Два источника и две составные части русского сленга // Социальные варианты языка: материалы Междунар. науч. конф., Н.-Новгород, 25–26 апрель 2002 г. – Н.-Новгород : Нижегород. гос. лингвист. ун-т им. Н.И.Лобачевского, 2002. – С. 105–108.
7. Семкин М.А. Коммуникативные стратегии и речевые тактики конфронтационных электоральных риторик (на материале третьего этапа дебатов президентской предвыборной кампании США 2012 г.) // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов. – Вып. 1 (47). – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2014. – С. 188–192.
8. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М.: Наука, 1968. – 287 с.

УДК 81'373

И. А. Семина

доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка МГЛУ;
e-mail: nachakafedra@gmail.com

СОБЫТИЕ В АСПЕКТЕ ШИРОКОЗНАЧНОСТИ (на материале антропонимов современного французского языка)

Статья посвящена изучению связи, существующей между такими явлениями, как широкость и событийность. Показано, что французские широкозначные антропонимы, подобно глаголам, могут содержать в своей семантике структуру событий. В этом случае проявляется их скрытая событийность. В то же время при функционировании в дискурсе событийность широкозначных имен может быть открытой.

Ключевые слова: событие; событийность; широкозначность; широкозначные антропонимы; атрибуты; атрибутивные конструкции; скрытая событийность; открытая событийность.

Syomina I. A.

Doctor of Philology, Associate Professor, Department of French Lexicology and Stylistics, Faculty of the French Language, MSLU;
e-mail: nachakafedra@gmail.com

EVENTS AND NOUNS WITH GENERAL MEANING (Based on French Anthroponyms)

This article is devoted to the study of connection between the phenomena of the general meaning of nouns and the category of event. It is shown that, similar to verbs, French anthroponyms with general meaning can have the semantic structure of event. This implicit semantic feature becomes explicit in discourse.

Key words: event; nouns with wide meaning; anthroponym; attributes; attributive constructions; implicit eventfulness; explicit eventfulness.

Понятие «событие», часто используемое в философии, логике, психологии и лингвистике, с точки зрения теории познания представляет собой определенный этап в процессе осознания и обобщения фактов действительности. Два теоретических направления стоят у истоков событийного подхода: логико-философский анализ, разработанный в 1960–1970-е гг. Д. Дэвидсоном, З. Вендлером, Н. Д. Арутюновой и др., и аргументно-функциональный подход, возникший в начале 1980-х гг. из лексикалистских теорий.

Представители первого направления рассматривают событие очень широко как любое изменение, обладающее пространственно-временными характеристиками, и трактуют его в качестве философской категории [8; 11; 15]. События, к которым З. Вендлер относит такие понятия, как «процессы», «действия», «условия», «ситуации», «изменения», «положения дел», локализованы в пространстве и представляют собой сущности реального мира [15; 16]. Широкому пониманию события З. Вендлером и др. Н. Д. Арутюнова противопоставляет более узкую его трактовку: для события релевантен признак важности, выделенности из потока происходящего [1; 2]. Наряду с логико-философской интерпретацией событийных имен существует и другой достаточно распространенный подход, при котором значение номинализации соотносится с внутренней структурой события, передаваемого глаголом [10; 13].

Событие может быть определено как целостный фрагмент картины мира, отражающий локализованное во времени и в пространстве изменение, важность и уникальность которого отмечены социумом или индивидом. Являясь объектом познания, оно определенным образом организуется в сознании и оценивается людьми, исходя из их коллективного и индивидуального опыта. В данном понятии проявляется то, как человек видит себя в окружающем мире [4].

Мы рассматриваем понятие «событие» на примере так называемых широкозначных антропонимов французского языка.

Лексико-семантическая категория французских антропонимов представляет собой номинативный класс лексических единиц, включающий в свой состав совокупность конкретных существительных (имен собственных, нарицательных, собирательных), называющих человека. Из них нами анализируются имена нарицательные, включающие моносеманты с антропонимическим значением, а также полисеманты с отдельными антропонимическими значениями. Таким образом, к антропонимам относятся такие лексемы, как *homme m*, *personne f*, *individu m*, *femme f*, *enfant m* и т. п.

Антропонимы французского языка составляют значительный лексический пласт, включающий в свой состав более 6 тыс. единиц. Однако явление событийности удобно рассмотреть на примере широкозначных антропонимов. Напомним, что широкозначными можно назвать такие единицы, и в том числе существительные – антропонимы, которые обладают значением особого рода, отличающимся

высокой степенью обобщения в языке, а в речи получающим определенное сужение и конкретизацию. Это наиболее распространенное определение широкозначных единиц было дано Н. Н. Амосовой еще в середине 50-х гг. XX в.

Широкозначные антропонимы представляют для нас интерес, поскольку в целом их предметный характер не исключает свойство событийности. Называя событийные имена «свернутой пропозицией», Е. С. Кубрякова подчеркивает, что «параллельно процессам означивания отдельных элементов мира постоянно протекают процессы означивания событий. Именуются не только явления, процессы и их качества, свойства, атрибуты и т. д., но и целые ситуации. Так, за словом *школьник* стоит мотивирующее его суждение *он учится в школе*, и сказать о ком-то *он – школьник* в общем семантически равносильно тому, что мы бы сказали о нем: «Он учится в школе» [7, с. 226–227].

Ряд антропонимов широкой семантики, подобно глаголам, могут выстраивать вокруг себя ситуации. Свойство непосредственного выхода на ситуацию отражено в словарных дефинициях исследуемых имен существительных. Таковы, например, условно широкозначные антропонимы:

auteur *m*, bénéficiaire *m*, complice *m*, dépositaire *m*, titulaire *m*, victime *f*: auteur *m* – personne qui est la première cause d’une chose, à l’origine d’une chose;

bénéficiaire *m* – personne qui bénéficie d’un avantage, d’un droit, d’un privilège;

complice *m* – personne qui aide qn à commettre un délit, un crime;

dépositaire *m* – personne qui reçoit, possède qch;

titulaire *m* – personne qui a une fonction, une charge pour laquelle il a été personnellement nommé, en vertu d’un titre;

victime *f* – personne qui souffre, pâtit (des agissements d’autrui, ou de choses, d’événements néfastes) [9].

В данных примерах событийность связана с указанием на актанта события. Последний представляет собой одушевленного участника определенного события. Таким образом, событийные антропонимические существительные, как и глаголы, компрессируют в своей семантике аргументную структуру событий.

В то же время, являясь предметными именами, антропонимические лексемы обладают свойством лабильности (термин Е. В. Рахилиной),

т. е. способностью включаться в большое количество различных ситуаций, не будучи связанным с определенным событием (например, антропонимическое существительное человек). Е. В. Рахилина подчеркивает, что, в отличие от глаголов, которые в силу своих семантических особенностей связаны с одной конкретной ситуацией, предметные имена, как правило, лабильны [5, с. 27–29].

Такие широкозначные антропонимы, обозначающие человека, как *personne f, individu m, homme m, être m humain, humain m*, рассматриваются нами как лабильные, так как не связаны с каким-либо определенным событием, не содержат указание на предикативность, составляющую основу событийности, однако могут выступать в качестве участников множества событий. Другие широкозначные существительные способны выстраивать вокруг себя ситуации (см.: *auteur m, bénéficiaire m, complice m, depositaire m, titulaire m, victime f*).

Событийность прослеживается в этимологических, морфологических и словообразовательных характеристиках многих широкозначных антропонимов: *accompagnateur m, accusé m, amateur m, beinfaiteur m, calomniateur m, chercheur m, commençant m, conquérant m, débutant m, député m, entraîneur m, envoyé m, figurant m, fondateur m, gaspilleur m, habitant m, initiateur m, inculpé m, malfaiteur m, natif m, observateur m, occupant m, participant m, persécuteur m, réalisateur m, répondant m, serviteur m, spectateur m, subordonné m, tenant m, tout-venant m, travailleur m, vainquer m, vengeur m, visiteur m, zélateur m*, etc. Отметим, что во французском языке большинство узкозначных имен имеют производную основу, образованную от глагола и прилагательного, и являются, таким образом, также событийными.

Рассматривая событийные широкозначные антропонимы в системе, мы имеем дело с событийностью «внутри» имени (*écrivain m – писатель, victime m – жертва* и т. д.), так называемой **скрытой событийностью**, при которой свойство непосредственного выхода на ситуацию представлено в словарных дефинициях этих слов. Однако широкозначные антропонимы, функционирующие в дискурсе, могут демонстрировать событийность, выходящую за пределы антропонимических единиц и «перерастающую» в атрибутивных конструкциях в **открытую событийность**.

Данные проведенного нами корпусного анализа показывают, что, функционируя в дискурсе, широкозначные антропонимы входят в состав многочисленных атрибутивных синтаксических конструкций,

включающих кроме широкозначных антропонимических единиц целый ряд атрибутов. Атрибут в составе подобных конструкций понимается как «элемент, находящийся в зависимой от широкозначного антропонима синтаксической позиции, как словоформа или словосочетание с признаковым значением, выступающий в роли определения при широкозначном антропониме. Между наименованием субстанции и названием признака реализуются атрибутивные отношения, т. е. такие отношения, при которых признак мыслится не отвлеченно, а в единстве со своим носителем» [3, с. 348–349].

Факт преимущественного функционирования широкозначных антропонимов в дискурсе в сопровождении атрибутов, по-видимому, объясняется функциональным сходством широкозначных антропонимов французского языка с так называемыми словами-«оболочками» (*shell-nouns*), такими как *идея, факт, мнение* и пр. [14]. Последние служат средством ввода и связывания в единое целое информации, содержащейся в следующих за этими словами придаточных предложениях и иных синтаксических конструкциях (*тот факт, что он не приехал; мнение о том, что...*). Широкозначные существительные-антропонимы, подобно словам-оболочкам, обладают неопределенной семантикой и, как правило, находятся вне коммуникативного фокуса предложения. В условиях конкретизированной и регламентированной институциональной коммуникации подобные лексемы нуждаются в относительно компактном уточнении, что в текстах осуществляется с помощью атрибутов.

Большинство атрибутов, составляющих ближайшее окружение широкозначных антропонимов, находятся в постпозиции к ним и выражены при этом прилагательным (A – *adjectif*); адъективным оборотом, т. е. прилагательным с зависимым словом/словами (A+); причастием прошедшего времени (p.p. – *participe passé*), причастными оборотами, вводимыми причастием прошедшего времени (p.p.+); причастием настоящего времени (p.pr.+, где p.pr. – *participe présent*); сложной формой причастия прошедшего времени (p.p.c.+, где p.p.c. – *participe passé composé*), а также придаточным предложением (S – *subordonnée*), вводимым относительными местоимениями – *qui, que, dont, le quel* и т. д. Кроме того, атрибут может быть выражен другим существительным (N₁) или существительным с предлогом *de* (de+N₁). Мы рассматриваем также конструкции типа N+N₁, где N₁ выступает в качестве приложения к широкозначному имени N. Если приложение

N_1 имеет зависимые слова, то атрибутивные конструкции приобретают вид $N+N_1+$.

Перечисленные выше атрибуты, находящиеся во французском языке, как правило, в постпозиции по отношению к широкозначному существительному (N), образуют вместе с ним атрибутивные конструкции. Лишь в одном случае атрибут находится в препозиции к широкозначному имени – в конструкции $A+N$:

$A+N$	$N+p.p.c.+$
$N+A$	$N+qui (que, dont, leque)+S$
$N+A+$	$N+N_1$
$N+p.p.$	$N+N_1+$
$N+p.p.+$	$N+de+N_1$
$N+p.pr.+$	$N+de+N_1+$

Данные примеры еще раз подтверждают специфику французских широкозначных антропонимов, которые, как правило, занимают в подобных конструкциях начальную позицию, предшествуя атрибутам. Такая позиция значима с точки зрения общих процессов категоризации. Согласно Р. Ленекеру [12], для ориентации в мире человеку необходимы некие доступные сознанию ориентиры, которые могут предоставлять доступ к более сложным или менее доступным объектам. Принцип «легкого доступа» действует в актах языковой номинации: например, в случае с лексемой *finger nail* «ноготь» первая часть слова – *finger* обеспечивает переход к частной сущности – *nail* (ногтю) через более крупный объект – *finger* (палец), который изначально легче активизируется в нашем сознании. Аналогичным образом, при построении субкатегории можно начинать с указания на более крупную категорию, и соответствующая лексема будет выступать в роли точки отсчета при референции к более частной категории или индивидуальному объекту (т. е. конкретному человеку). При этом широкозначное имя (*personne, homme, individu, être humain*) служит средством более легкого «ввода» в относительно крупную категорию, а следующий за широкозначным антропонимом атрибут сужает область референции: *homme-orchestre, homme-sandwich, homme-marionette, homme-grenouille, homme-oiseau* и т. д.

Проведя тщательный анализ атрибутов, образующих совместно с широкозначными французскими антропонимами атрибутивные конструкции, мы пришли к выводу, что атрибуты реализуют в дискурсе

многочисленные функции и могут при этом быть категоризирующими и некатегоризирующими, индивидуализирующими и генерализирующими, а также бытийными и событийными [6]. Последние, в соответствии со способностью их семантики обозначать состояние или событие, статичность или динамичность.

Бытийными атрибутами являются такие атрибуты, которые содержат описание состояний человека, связанных со статичностью (*personne vulnérable, invalide, narcissique; l'homme véritable, rationnel; l'individu biologique, rétif, les patients schizophrènes et psychotiques; l'homme anonym, mental, sociable, moderne, contemporain; les êtres historiques; l'humain contemporain, individu capable d'agir selon la volonté; l'homme incapable de parvenir à une entente collective*).

Событийные атрибуты соотносятся с изменениями состояния человека, с определенными событиями, т. е. с динамикой (*personne appelée à témoigner dans une procédure pénale; l'individu participant à la production; l'agent agissant sous la responsabilité d'un officier de la police judiciaire; l'homme qui vit en fonction de la conscience; le client qui n'a pas les moyens juridiques de s'opposer à la cession*). При этом событийность выражена эксплицитно в атрибутах и носит открытый характер (открытая событийность) в противопоставление скрытой событийности, содержащейся в семантике самого антропонима. Факт выделения бытийных и событийных атрибутов, релевантных для общих процессов категоризации в языке, свидетельствует о том, что дискурсивные категории создаются по-разному – с опорой как на статичные, так и на динамичные признаки объектов.

Дальнейший анализ событийных атрибутов показал, что событийность не является однородным явлением. Она может быть **регулярной (повторяющейся)**, т. е. соотноситься с возобновляемым, повторяющимся действием: *l'homme qui entreprend de philosopher*. С другой стороны, событийность может быть связана с однократным действием. В этом случае мы называем ее **однократной (единичной)**: *l'homme agressé dans la rue, la personne infectée par son généraliste, la personne victime de persécution antisémite*.

Нами установлено, что для таких типов дискурса, как юридический, научный (психологический), философский и медийный, конструкции с событийными атрибутами превалируют над конструкциями с бытийными [6].

Таким образом, на примере широкозначных антропонимов, рассматриваемых как в системе, так и в дискурсе, можно убедиться в тесной связи широкозначности и событийности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Большая советская энциклопедия / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Сов. Энциклопедия, 1980. – 320 с. (БСЭ)
4. Ирисханова О. К. Семантика событийных имен существительных в языке и речи: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – 200 с.
5. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.
6. Семина И. А. Когнитивно-функциональные основания теории субстантивной широкозначности (на материале французского языка): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2014. – 414 с.
7. Языковая номинация. Виды наименований / под ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1977. – 357 с.
8. Davidson D. The Individuation of Events // Essays in Honour of Carl G. Hempel. – Reidel, 1969. – P. 216–234.
9. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – P.: Dictionnaires Le Robert, 2001. – 2841 p. (DAALF)
10. Grimshaw J. Argument Structure. – Cambridge, Mass: MIT Press, 1990. – 218 p.
11. Kim J. Causation, Emphasis and Events // Contemporary Perspectives in the Philosophy of Language. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1979. – P. 169–378.
12. Langacker R. W. Foundations of cognitive grammar: in 2 v. – Vol. I. Theoretical prerequisites. – Stanford: Stanford University Press, 1991a. – 540 p.
13. Rozwadowska B. Towards a Unified Theory of Nominalizations: External and Internal Eventualities. – Wroslaw: Wydawnictwo Uniwersitu Wroclawskiego, 1997. – 116 p.
14. Schmid H.-J. English abstract nouns as conceptual shells: from corpus to cognition. – Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2000. – 457 p.
15. Vendler Z. Facts and Events // Linguistics in Philosophy. – Ithaca; N. Y., 1967. – P. 12–146.
16. Vendler Z. Adjectives and nominalizations. – The Hague: Mouton, 1968. – 134 p.

УДК 81'42

И. К. Сескутова

кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры стилистики английского языка факультета английского языка, МГЛУ;
e-mail: seskutova@bk.ru

СОБЫТИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США: ПРОБЛЕМЫ СМЫСЛОФОРМИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются некоторые вопросы дискурсивной организации текстов политического дискурса США. Анализ политического текста в междисциплинарном ключе позволяет сделать вывод о его сложной иерархической структуре, «обремененной» фоновыми знаниями с большим смысловым потенциалом. На примере современных англоязычных форматов показано, что сам набор событий, заслуживающих упоминания, культуурообусловлен.

Ключевые слова: политический дискурс; событие; социокультурная ситуация; интертекстуальность; смыслоформирование.

Seskutova I. K.

Ph. D. (Philology), Professor, Department of English Stylistics, Faculty of the English Language, MSLU; e-mail: seskutova@bk.ru

EVENTS IN POLITICAL DISCOURSE: PERCEPTION AND MEANING CONSTRUCTION

The contributor expresses a viewpoint on complexities of contemporary political discourse in the USA. The paper traces the issue of knowledge and its relevance in discourse as social practice. The author argues for the idea that political discourse recontextualizes social practices. Thus decoding and inferring the message in discourse is dependent on sociocultural competence of the addressee.

Key words: political discourse; event; sociocultural situation; intertextuality; meaning construction.

*И уж никак не сами вещи вторгаются в наше сознание,
воображение способно воскресить лишь образы виденного.
Чьи образы? Как они возникают? Кто ответит нам... ?*

Св. Августин. Исповедь

Статья содержит размышления автора о важности пространственного представления знания, культурной и социальной обусловленности выбора новостных событий для более глубокого понимания природы и сути процессов смыслоформирования в современной социокультурной ситуации в США.

Предлагаемый в статье аспект рассмотрения дискурсивной практики¹ американского социума позволяет не только расширить традиционные представления о диапазоне исследований речевой деятельности познающего субъекта, но и имеет прикладное культурологическое значение, намечая подходы межкультурного взаимодействия в современном динамично меняющемся мире.

Речь идет о попытке рассмотреть тексты политического дискурса² в событийном пространстве американского социума с точки зрения прагматики высказывания, т. е. выполнения ими функций не только в сообществе языковом, но также социальном и политическом.

Актуальность обращения к материалам политического дискурса и его роли в формировании знания в современных языковых коллективах определяется возросшим интересом политологов, культурологов, лингвистов к изучению прагматического аспекта речевого высказывания. Исследование проблематики текста в междисциплинарном ключе позволяет обнаружить моменты, существенные для понимания политического текста как сложной иерархической системы с фоновыми знаниями, со спецификой передачи реалий, с большим смысловым потенциалом.

Мы исходим из того, что рассмотрение текстов политического дискурса представляется значимым для изучения речевого поведения человека и «поведения» языковых единиц как вполне определенного кода пространства власти в США в реальных актах коммуникации. Полагаем, что междисциплинарное изучение языковых явлений на стыке философии, культурологии, лингвистики, социолингвистики, нейробиологии является закономерным и востребованным, позволяя составить более полное представление о разнообразии и многоуровневой

¹ Данная категория обозначает речевую деятельность и подразумевает наличие в повседневной реальности конкретного социума различных типов дискурсов, в том числе и политического, функционирующих одновременно и «пронизывающих» социальное пространство в виде автономных, гетерогенных и непрерывных информационных потоков [3].

² Вслед за Е. И. Шейгал мы рассматриваем понятие «политический дискурс» как политическую коммуникацию, которая включает не только официальный контроль явлений социальной жизни, но и разговоры о политике в самых разных аспектах – бытовом, художественном, публицистическом [14]. В политической коммуникации важной функцией является воздействующая. Именно на достижение воздействия в коммуникации ориентируется политик при выборе лингвистических средств.

сложности текстов с превалированием функции воздействия над функцией сообщения.

Методологической основой рассуждений о необходимости новых подходов к изучению сущности социокультурного знания и естественного языка послужило мнение современных исследователей о том, что всякое культурологическое знание есть определенным образом специфицированная область языковых описаний [1; 4; 5; 7; 10].

Традиционное изучение языка «в себе и для себя» как автономной системы, существующей в независимой от познающего субъекта «объективной реальности», не всегда приводит к положительным результатам. Только подход к знанию как динамичному состоянию, детерминированному социальной практикой социума, может дать ключ к пониманию языка и глубинных когнитивных процессов построения смысла.

За последнее время накопление информации и расширение понятийной области исследований привело к формированию серьезной теоретической базы в отечественной и зарубежной науке. Появился целый ряд оригинальных концепций и мнений, в которых представлены попытки решения поставленных проблем. В орбиту интересов проблематики когнитивной лингвистики, например, активнее включаются вопросы взаимодействия языка, ума и мозга человека [15]. Обзор существующей научной литературы увел бы нас далеко в сторону от основной темы настоящего исследования. Поэтому отметим наиболее важные для нас моменты.

В первую очередь это феномен культуры как своеобразная матрица речи и речевой деятельности. Почему это важно?

Исследование приобретает необходимую объяснительную силу лишь в том случае, если изучение системности и функциональности в языке дополняется анализом тех факторов, которые коренятся во внешней (нередко лишь относительно внешней) среде.

К числу значительных явлений в отечественной лингвофилософской мысли следует отнести книгу М. К. Петрова «Язык, знак, культура» [8]. Основываясь на данных нескольких научных дисциплин и, прежде всего, опираясь на возможности и специфику человеческого биокода, М. К. Петров делает вывод о том, что принадлежность индивида к определенному социальному и культурному типу задает человеку через наследуемые им программы социально значимой деятельности вполне определенный круг реалий окружения, алгоритмы

воздействия на эти реалии, кодированные посредством языкового знака. Подобное комплексное отношение к проблемам языка, знака, знания, культуры характерно и для многих других теоретических построений современного языкознания [16].

Для целей нашего исследования важно отметить набирающую в последнее десятилетие темп тенденцию активного использования языковых технологий и их трансформирующего влияния на язык, когнитивную способность индивида, коммуникацию.

С появлением киберпространства виртуальной реальности происходит стирание границ между реальным и воображаемым, поверхностью и глубиной. Более того, цифровой горизонт в настоящее время формирует принципиально новую метагеографию. В последнем случае мы затрагиваем проблематику формата репрезентации знания, что очень важно для более глубокого понимания природы и сущности процессов смыслоформирования в современной социокультурной ситуации в США. Естественно предположить, что для проникновения в суть происходящего правомерно размышлять о значимости пространственной информации и ее влиянии на восприятие. Ибо каждый последующий поведенческий акт связан с определенной «порцией» информации, всегда содержащей в себе действующий в данный момент раздражитель и опыт прошлого [2].

Теперь остановимся на нашем понимании термина «событие». Как известно, в контексте современной философии *событие* имеет широкий спектр толкований: событие как природное явление; как событие историческое, политическое, психобиографическое; как событие в статусе происшествия или случая. В современных и новейших философских онтологиях феноменологического и постструктуралистского толка понятие «событие» противопоставляется понятию бытия. Таким образом, в человеческий опыт вводится представление о процессуальных образах мира [13].

Подход к языку средств массовой информации под ракурсом пространственного представления знания, процессуальности и событийности «высвечивает» новые тенденции и явления восприятия, заслуживающие пристального внимания.

Каким образом и благодаря какому механизму между событиями формируются внешние отношения совместимости? Почему одно событие совместимо или несовместимо с другими? О каком сцеплении соответствий, отголосков, повторений, резонансов может идти речь? Эти и другие вопросы занимают умы современных ученых.

На изменение базовых принципов организации жизнедеятельности в современном обществе и трансформации человеческого поведения указывают, например, лауреаты Нобелевской премии Ф. Шарпа и С. Яманака [6]. Исследователи приходят к выводу о том, что Интернет усиливает и усложняет многие процессы, трансформируя коммуникативные отношения между людьми, «фильтруя» действительность в своем ритме, со своими референциями, своими критериями восприятия и оценки.

Тенденция усложнения формы и семантического наполнения может быть проиллюстрирована на примере популяризации правительством США исторических знаний об американской политической системе, духе американского индивидуализма – на том, что входит сегодня в качестве интегрального элемента в официальную идеологию США, в установки и лозунги, в литературу, искусство, повседневность. Как известно, цели популяризации исторических знаний о США служит создание так называемых президентских библиотек¹.

Президентские библиотеки, расположенные в разных уголках США, представляют собой не только центры сбора и хранения уникальных исторических документов (от Герберта Гувера (1929–1933) до Джорджа Буша младшего), но и служат своеобразным памятником американским ценностям, президентам США и президентству как институту государственной власти.

На территории президентского центра располагается музейно-образовательный комплекс с характерной интеграцией содержания и пространства, использованием современных технологий и интерактивностью форм взаимодействия с посетителями.

Не будем подробно останавливаться на вербализации тактического репертуара стратегий в таком глобальном конгломерате жанров, как

¹Первый президент США Дж. Вашингтон по истечении срока полномочий в 1797 г. вывез из официальной резиденции накопившийся за 8 лет президентский архив. Так было положено начало традиции.

Цель создания сети президентских библиотек состоит в сборе и хранении исторических материалов, связанных с жизнью и деятельностью президентов США, и обеспечении условий для работы с ними. Библиотеки становятся собственностью правительства США. Они находятся в ведении Управления президентских библиотек (Office of Presidential Libraries) при Национальном управлении архивов и документации (National Archives and Records Administration – NARA), в систему которого входят все 13 существующих на сегодняшний день президентских библиотек [9].

дискурс президентских библиотек в США. Подобные рассуждения увели бы нас далеко в сторону. Для целей настоящей статьи в теоретическом и практическом плане интересна концепция интертекстуальности как одно из основных свойств политического дискурса. Как известно, интертекстуальность как использование элементов уже существующего текста в процессе создания и функционирования нового проявляется, в частности, в воспроизводстве определенных социокультурных установок, характеризующихся многомерностью и ценностной значимостью. Любопытно и то, что под влиянием изменений в идеологии нации непрерывно меняется корпус национальных прецедентных текстов, прежние тексты вытесняются, на их место приходят новые [12].

Степень активизации интертекстуальных связей варьирует в широких пределах: от простого напоминания о том, что на эту тему говорил тот или иной автор, до введения в рассмотрение всего, что хранится в памяти о концепции предшествующего текста, форме ее выражения, стилистике, аргументации, эмоциях.

Начало формы

Конец формы

Начало формы

Конец формы

Рассмотрим пример из газетной статьи, демонстрирующий исторически и социокультурно обусловленный характер восприятия новостного события и его последующего осмысления.

В приводимом ниже фрагменте статьи речь идет о призывах темнокожих студентов университета Принстон убрать имя 28 президента США из названия Школы государственного управления. Причиной конфликтной ситуации явились возросшие в силу определенных причин антирасистские настроения в некоторых штатах США.

Администрация крупнейшего университета в США встала на защиту памяти о политическом деятеле, с президентства которого (1913–1921) началось восхождение США к вершине мирового господства.

Историк-американист А. И. Уткин, в свое время директор Центра международных исследований Института США и Канады РАН, характеризуя вклад Вудро Вильсона в мировой миропорядок, писал, что Вудро Вильсон стоял на стартовой полосе американского всемогущества. А. И. Уткин подчеркивал: «...чтобы обозначить судьбу

этого предприятия, касающегося нас всех, мы просто обязаны видеть этот старт. Без этого нам не разглядеть контуры будущего. Радикальные реформы, внедренные президентом Вудро Вильсоном четыре поколения назад, – это не покрытый пылью исторический архив. Они актуальны и сегодня не только для Америки» [11].

Princeton Rebuffs Calls to Rename Woodrow Wilson School

4 April 2016

Princeton University has rebuffed calls to remove Woodrow Wilson's name from its public policy school.

A group of black students pushed for the name change, saying the former US president was a segregationist and held racist views.<http://www.bbc.com/news/world-us-canada-35964791>

Подводя итоги, отметим следующее.

Во-первых, в условиях новой медиологической конфигурации передачи знания типы отношений между языком и социальным миром претерпевают определенные изменения.

Во-вторых, восприятие нельзя считать просто неким механизмом расшифровки сенсорной информации, обеспечивающим пространственно-временное измерение внешних раздражителей. Результатом восприятия является нечто совершенно новое, созданное работой мозга отчасти из сырого материала реакций органов чувств, отчасти сформированное разнонаправленными процессами центральной нервной системы, протекающими в данное время, а также полученными в результате научения уроками прошлого опыта.

В-третьих, принципы такого отбора по большей части связаны с тем, что восприятие информации сильно зависит от имеющейся у человека установки, от мотивов действий индивида, от того, осознанно или бессознательно мозг исследует непосредственную среду окружения, извлекая из нее те «кадры», которые необходимы индивиду для выполнения его специфических намерений. Другими словами, сам «набор» событий, заслуживающих внимания, культуру обусловлен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архитов И. К.* Язык и его функция: смена парадигм научного знания // *Studia linguistica cognitiva*. – Вып. 2. Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. – С. 100–152.
2. *Демьянков В. З.* Семиотика событийности в СМИ // *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие. Ч. 2 / отв. ред. М. Н. Володина*. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 68–83.
3. *Дискурсивные Практики*. – URL: <http://enc-dic.com/sociology/Diskursivnye-Praktiki-1989.html>
4. *Дискурс и стиль: Теоретические и прикладные аспекты: коллективная монография / под ред. Г. Я. Солганика, Н. И. Клушиной, Н. В. Смирновой*. – М.: Флинта, 2014. – 268 с.
5. *Залевская А. А.* Проблема знания в различных ракурсах // *Studia linguistica cognitiva*. – Вып. 2. Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. – С. 14–64.
6. *Константинов А.* Жизнь – это компьютер. Почему лауреаты Нобелевской премии занялись информатикой // *Русский репортер*. – 2014. – № 24. – С. 46–49.
7. *Кравченко А. В.* Знание, языкознание и язык // *Studia linguistica cognitiva*. – Вып. 2. Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. – С. 5–13.
8. *Петров М. К.* Язык, знак, культура. – М.: Наука, 1991. – 328 с.
9. Президентские библиотеки США. – URL: http://ru.rfwiki.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%B1%D0%B8%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BA%D0%B8_%D0%A1%D0%A8%D0%90
10. *Сескутова И. К.* Многомерность коммуникативного пространства современного медиадискурса // *Стилистика и проблемы контекста*. – М.: Рема, 2009. – С. 70–81. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 573. Сер. Языкознание).
11. *Сидорук А.* Вудро Вильсон: от профессора до президента. – URL: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/vudro_vilson_ot_profecora_do_prezidenta.html
12. *Слышкин Г. Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
13. *Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина*. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
14. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000. – 440 с.
15. *Черниговская Т. В.* Зачем мозгу язык? // *Публичные лекции в лектории «Прямая речь»*. – М., 2013. – URL: http://www.pryamaya.ru/tatyana_chernigovskaya

16. Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика / сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев, ред. А. А. Кибрик [и др.]. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 848 с.

УДК 81'36:81'42

М. А. Таривердиева

профессор, доктор филологических наук, заведующая кафедрой классической филологии, МГЛУ

ОТОБРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ В ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

Статья посвящена проблеме реализации категорий *событие* и *факт* в латинском синтаксисе. Предложена систематизация латинских предложений в соответствии с критерием противопоставления между упомянутыми категориями.

Ключевые слова: событие; факт; латинский синтаксис; сложное предложение.

Tariverdieva M. A.

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Classical Philology, MSLU

REPRESENTATION OF THE EVENTS IN LINGUISTIC TRADITION

The article deals with the representation of the categories of *event* and *fact* in Latin syntax. The author offers a taxonomy of Latin sentences based on the opposition of the two categories.

Key words: event; fact; Latin syntax; complex sentence.

... Сущность выражается грамматикой ...

... Мир – совокупность фактов ...

Л. Витгенштейн

Событие в современной лингвистике определяется как «целостный фрагмент картины мира, отражающий локализованное во времени и в пространстве изменение, важность и уникальность которого отмечены социумом или индивидом» [2, с. 6]. Изучение события является одним из наиболее актуальных направлений современных гуманитарных наук, прежде всего – философии и лингвистики, и осуществляется как с позиции его сущностного статуса, так и в ракурсе языкового воплощения.

В лингвистике событие рассматривается как одна из базовых категорий, обеспечивающих выполнение языком его функций, главной из которых является осмысление в языковых параметрах реалий объективной действительности, *когниция*.

Отображение жизненных ситуаций может осуществляться не только в динамике их развития, но и в статике результата, что соотносится

с существительным *факт*. В процессе обмена между членами языкового социума информацией о фактах реализуется другая важная функция языка – *коммуникация*.

По определению З. Вендлера, события и факты составляют простейшие элементы, входящие в онтологию мира [6, с. 141].

В монографии Н. Д. Арутюновой, посвященной изучению понятий «оценка», «событие», «факт», отмечается, что концепты, представленные именами событие и факт, относятся к разным семантическим типам – событийному (онтологическому) и пропозитивному (фактообразующему) [1, с. 103].

И событийные, и пропозитивные значения могут быть представлены в языке как номинализациями, так и другими языковыми формами. Подчеркивается, что хотя фактообразующее значение допускает развертывание в придаточное предложение, основным средством выражения фактообразующих значений остаются номинализации [1, с. 104]. Это замечание стимулировало направленность исследований по данной проблематике на изучение соответствующих лексических единиц в русском и других современных индоевропейских языках.

Отдавая должное такому подходу к выбору материала исследования, мы одновременно убеждены, что изучение языкового воплощения понятий «событие» и «факт» может оказаться плодотворным на основе не только лексического, но и грамматического (синтаксического) ресурса – и не только на материале современных языков, но и языков прошедших эпох, что позволит лучше понять выразительный потенциал этих языков. Именно такой подход к выбору и изучению материала лег в основу настоящего исследования.

В данном контексте является объективно обусловленным выбор в качестве исследуемого материала литературных текстов. Работа с литературными источниками открывает возможность изучения проблемы на материале языков прошлых эпох, изучение которых доступно лишь на основе письменных свидетельств. Обращение к письменным текстам предоставляет единственную возможность изучения языка, вышедшего из «живого» употребления, на этапе его активного функционирования, позволяя выявить объективную картину выражения в данном языке базовых понятийных категорий и определить содержательную основу грамматического алгоритма.

Материалом настоящего исследования избран латинский язык – средство устной и письменной коммуникации в Древнем Риме и его

провинциях (присоединенных территориях), а после гибели Западной Римской империи (V в. н. э.) в течение следующего тысячелетия – общекультурное койне народов, расселившихся на бывшей римской территории и не имевших собственных письменных языков; инструмент научной мысли и литературного творчества, средство коммуникации в разных областях общественной жизни средневекового европейского социума.

Литературное наследие Древнего Рима, труды историков и философов западноевропейского Средневековья представляются убедительным аргументом в защиту целесообразности рассмотрения латинского языка как инструмента воплощения содержательных категорий, заложившего основу их выражения в новых западноевропейских языках.

В грамматиках латинского языка синтаксис представлен следующими блоками структур [4; 5]:

- предложения с независимой субъектно-предикатной группой («простые» предложения);
- предложения, осложненные инфинитивными и причастными оборотами;
- сложноподчиненные предложения с разными типами придаточных.

Не затрагивая в данной работе предложений с независимой субъектно-предикатной группой ввиду очевидной «прозрачности» логических отношений между их компонентами, обратимся к более сложным синтаксическим структурам.

Предложения, осложненные синтаксическими оборотами:

Pompeium tibi valde amicum esse cognovi (Cicero)

«Я узнал, что Помпей – твой большой друг» – accusativus cum infinitivo;

Pompeius ... visus est mihi vehementer esse perturbatus (Cicero)

«Помпей ... показался мне очень взволнованным» – nominativus cum infinitivo;

Reluctante natura irritus labor est (Seneca)

«Когда природа сопротивляется, труд бесплоден» – ablativus absolutus.

Придаточные предложения в описаниях латинского синтаксиса традиционно систематизируются по формальному признаку – многозначным союзам *ut* и *cum*, посредством которых они

вводятся в высказывание. Интерпретация значений союзов определяется характером логической связи между частями высказывания:

Esse oportet *ut* vivas, non vivere *ut* edas (Herennius)

«Нужно есть, *чтобы* жить, а не жить, *чтобы* есть» – цель.

/Eraminondas/ erat enim ... adeo veritatis diligens *ut* ne ioco quidem mentiretur (Nepos)

«/Эпаминонд/ ведь ... до того любил правду, *что* даже в шутку не лгал» – следствие.

Nam *cum* solitudo et vita sine amicis insidiarum et metus plena sit, ratio ipsa monet amicitias comparare (Cicero)

«*Так как* одиночество и жизнь без друзей полна козней и страха, сам разум побуждает приобретать дружбу» – причина.

/Phocion/ fuit enim perpetuo pauper, *cum* divitissimus esse posset (Nepos)

«/Фокион/ был всегда беден, *хотя* мог быть очень богатым» – уступка.

В передаче многозначными союзами *ut* и *cum* разного содержания синтаксической связи, в зависимости от общего содержательного контекста, проявлялся принцип языковой «экономии» (термин А. Мартине [3, с. 532], опирающийся на общеязыковую архаическую традицию (ср. стиль русских былин с повторяющимся союзом *и*)).

Доказательством присутствия в ментальности античного социума классического периода диверсификации обстоятельственной связи является параллельное спорадическое употребление в текстах «разговорных» союзов конкретной семантики: *dum* – *пока*; *postquam* – *после того как*; *quia*, *quoniam* – *так как*; *quamquam* – *хотя* и др. Рассматривая реализуемую авторами классического периода архаизацию стиля как литературную норму, мы должны признать адекватную сюжету интерпретацию адресатом связи, обозначенной союзами *ut* и *cum* – иначе коммуникация не состоялась бы.

Отдельно рассматриваются придаточные предложения «косвенный вопрос», присоединяемые к главной части вопросительными словами, функция которых – обозначение смыслового центра высказывания:

Quaerunt a me, *ubi* sit pecunia (Cicero)

«Они спрашивают у меня, *где* деньги».

Литературная модель латинского синтаксиса, ориентированная на формальный критерий обозначения логической связи между частями

синтаксического целого, использовалась на протяжении более полутора тысячелетий – всего периода активного функционирования литературного латинского языка. Она и поныне изучается в курсе нормативной грамматики латинского языка для последующей работы с латинскими источниками (принцип «от формы к смыслу»).

Если же обратиться к рассмотрению синтаксиса латинского языка в ракурсе отражения в синтаксических структурах понятийных категорий, отображающих отношение между человеком и окружающим миром – «мир в отвлечении от наблюдателя» (события) и «мир в восприятии человека» (факты) – рассмотренные синтаксические структуры распределятся в этой классификации следующим образом:

события	факты
«простые» предложения синтаксический оборот <i>ablativus absolutus</i>	«простые» предложения синтаксические обороты <i>accusativus cum infinitivo</i> , <i>nominativus cum infinitivo</i>
придаточные с союзом <i>cum</i>	придаточные с союзом <i>ut</i> , «косвенный вопрос»

Поясним некоторые моменты, связанные в данной классификацией:

1. «Простые» предложения, включенные в обе части схемы, различаются формами глаголов-сказуемых: обозначение событий – времена системы инфекта (*praesens*, *imperfectum*, *futurum I* – описательный контекст); обозначение фактов – времена системы перфекта (*perfectum*, *plusquamperfectum*, *futurum II* – результативный контекст).

2. Придаточные «косвенный вопрос» ориентированы на инициативу человека – искателя или передатчика информации, обозначенной в их содержании. Это объясняет отнесение данных придаточных в графу «факты».

Универсальный алгоритм литературного латинского синтаксиса обеспечивал высокую степень его адаптируемости к разным содержательным контекстам в письменном тексте и общелитературной традиции. После падения Западной Римской империи в изменившихся исторических условиях, при низкой грамотности основной массы пришедшего германского населения, а нередко – и вообще незнания им латинского языка, необходимость коммуникации с местными жителями стимулировала активизацию процесса лексической диверсификации

выражения связи между компонентами высказывания – вытеснению универсальных литературных союзов *ut* и *cum* их однозначными разговорными аналогами с конкретным значением, бывшими в устном употреблении, согласно свидетельству текстов, и ранее (отметим, что замена союзов *ut* и *cum*, имеющих обобщенное понятийное значение, их аналогами с конкретными значениями не меняла типа высказывания – событийного или фактивного, оставаясь в плоскости плана выражения).

В сочетании с другими процессами в области грамматики (замена флективных форм падежей предложными конструкциями, вытеснение морфологических способов обозначения временных и залоговых характеристик глаголов вспомогательными служебными словами) эти тенденции стимулировали формирование аналитического строя складывавшихся на основе латыни новых, романских, языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Ирисханова О.К. Семантика событийных имен существительных в языке и речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – 24 с.
3. Мартине А. Основы общей лингвистики / пер. с фр. В.В. Шеворошкина // Новое в лингвистике. – Вып. III. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. – С. 366–566 .
4. Kühner R., Stegmann C. Ausführliche Grammatik der lateinischen Sprache. – Band II. Satzlehre. – Teile 1–2. – Darmstadt, 1955. – 738 S.
5. Leumann M., Hofmann J. B., Szantyr A. Lateinische Grammatik. – Bd. II. Lateinische Syntax und Stilistik. – München: C. H. Beck, 1964. – 342 S.
6. Vendler Z. Linguistics in philosophy. – Ithaca ; N. Y., 1967. – 203 p.

УДК 81'42

М. В. Томская

кандидат филологических наук, доцент, заведующая лабораторией гендерных исследований Центра СКОДис, МГЛУ; e-mail: scog@linguanet.ru

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КАК СОБЫТИЕ¹

Научная коммуникация состоит из научных событий, к наиболее значимым из которых относятся научные форумы, конгрессы, конференции, симпозиумы, где ученые представляют результаты своих исследований. В статье научные конференции рассматриваются как многосоставные, полисубъектные коммуникативные события, которые обладают гетерогенным характером. Как коллективные события конференции проходят по определенному сценарию. При этом их участники являются как субъектами, так и адресатами единого комплексного высказывания, сформулированного в названии конференции. Коммуникативное событие «научная конференция» ритуализировано, что приравнивает его к понятию дискурса в одном из его значений.

Ключевые слова: событие; коммуникативное событие; академический дискурс; научная конференция.

Tomskaya M. V.

Ph. D. (Philology), Associate Professor, Head of the Gender Laboratory of the Center for Socio-Cognitive Discourse Studies at MSLU; e-mail: scog@linguanet.ru

ACADEMIC CONFERENCE AS AN EVENT

Academic communication is represented in scientific events. These are academic forums, congresses, conferences, symposiums, where scientists present their findings. In the article academic conferences are considered as communicative events, which have a heterogeneous character. Academic forums are multi-faceted communicative events with a lot of participants. Conferences as collective events follow a particular scenario. The participants are both the subjects, and the recipients of a single comprehensive message, formulated in the title of the conference. Communicative event «conference» is ritualized, and in this sense it is similar to the concept of discourse in one of its meanings.

Key words: event; communicative event; academic discourse; academic conference.

Введение

Онтологический статус события с давних пор осмысливается в логико-философских трудах (достаточно упомянуть имена А. Бергсона,

¹Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 14-48-00067.

А. Н. Уайтхеда, Ж. Делеза, М. Хайдеггера и др.), что в дальнейшем нашло отражение в лингвофилософских (работы З. Вендлера, Ю. Лотмана, М. М. Бахтина, В. П. Руднева и другие), а затем в лингвистике, лингвопрагматике, в когнитивной лингвистике и др. (Н. Д. Арутюнова, В. З. Демьянков, Т. М. Николаева и др.).

В обыденном представлении наша жизнь складывается из событий, это созвучно и с метафизикой М. Хайдеггера, который считал, что истоком бытия является событие [13, с. 391]. Более тривиально определила событие Т. В. Булыгина, по ее мнению, событием в широком смысле считается «всё, что случается, происходит в мире, имеет место» [5, с. 108]. Однако несмотря на кажущуюся простоту дефиниции, описать, вычленить и систематизировать онтологические признаки события представляется иногда затруднительным, так как оно принадлежит к ряду явлений, имеющих похожий статус, таких как ситуация, процесс, факт, случай и пр., но отличается от названных явлений определенными характеристиками.

Н. Д. Арутюнова в своей известной работе о языковых значениях сформулировала положения, которые представляются нам актуальными в свете нашей тематики. По ее мнению, событие имеет тройкую локализацию – оно «происходит»: 1) в определенной сфере деятельности человека (например, в научной); 2) в некоторое время (например, установленная дата проведения конференции); 3) в некотором реальном пространстве (например, в университете). Для нас являются также принципиальными замечания Н. Д. Арутюновой о том, что событие представляет собой определенную веху, оно часто изменяет дальнейшую жизнь; событие характеризуется динамичностью и кульминативностью, т. е. ему присуща «точка осуществления», иногда определяемая достаточно условно; в силу этого событие «сценарно», т. е. разворачивается либо по естественному сценарию (солнечное затмение, землетрясение и т. п.), либо создается ритуалом (свадьба, конференция и проч.); событие включено в интерпретирующий контекст и т. п. [2, с. 519]. Эти концептуальные признаки события отличают его от других форм бытия, которые упоминались выше.

Событие: взгляд с позиций лингвистики

С лингвистической точки зрения целесообразно говорить о коммуникативном событии, под которым чаще всего подразумевается «ограниченный в пространстве и во времени, мотивированный,

целостный, социально обусловленный процесс речевого взаимодействия коммуникантов» [4, с. 13].

В первую очередь возникает проблема разграничения понятий «коммуникативное событие» и «коммуникативная ситуация». Последняя рассматривается как модель коммуникативно релевантных условий и параметров, задающих определенные социальные ограничения коммуникативного поведения лиц в рамках некоторого события. При этом коммуникативная ситуация характеризуется статичностью, типизированностью, общепринятой социальной регламентированностью поведения. Признаками коммуникативного события являются процессуальность (т. е. динамичность), индивидуализированность, личностная окрашенность поведения, которая может привести к отклонению от модели, представленной коммуникативной ситуацией.

Об этих различиях говорил в свое время В. З. Демьянков, называвший следующие дифференциальные признаки события:

- а) статичность – динамичность;
- б) контролируруемость – неконтролируемость; моментальность – длительность – повторительность;
- в) достигнутость – недостижимость цели;
- г) степень достоверности;
- д) пространственно-временная локализация события;
- е) причинность – беспричинность и др. [7, с. 325–329].

Вторая проблема заключается в разделении так называемых простых и сложных коммуникативных событий. По мнению исследователей (З. Вендлер, Т. ван Дейк, В. И. Тюпа), «простые» коммуникативные события «манифестированы» одним текстом и в составе участников имеют, соответственно, только одного «субъекта дискурсии (молитва и проповедь, прошение и приказ, произведение искусства, статья, лекция и т. п.)» [11]. Тогда как сложные, многокомпонентные (или полисубъектные), коммуникативные события манифестированы некоторым множеством текстов и имеют множество коммуникантов, выступающих попеременно то в роли субъектов, то в роли адресатов текстов [11].

Вышеказанное приводит к проблеме, которая заключается в определенном совпадении понятий «коммуникативное событие» и «дискурс» в одном из его значений.

Т. А. ван Дейк, рассматривая дискурс, приходит к мысли, что он мог бы быть наилучшим образом охарактеризован с помощью понятия

коммуникативного события, которое определяется им как завершенное речевое общение, разговор, интеракция, что соответствует в речи макродиалогу или (макро)тексту. В нем важное место отводится говорящему и слушающему, их социальным и личностным характеристикам, другим аспектам социальной ситуации. При таком подходе собрание, слушание дела в суде, урок в классе, а также конференция: «Все они могут быть названы сложными коммуникативными событиями» [6, с. 122]. Об этом же говорит В. И. Тюпа, описывая школьный урок как коммуникативное событие, тяготеющее к «диалогу согласия» [12]. Как отмечают отдельные авторы, «событие есть условие существования дискурса, а дискурс – коммуникативное реализация в речи коммуникативного события» [8, с. 121].

Коммуникативное событие «научная конференция»

Институт науки предполагает определенную организованность и структурированность профессиональной коммуникации ученых. Каждый вступающий в мир науки застает научную коммуникацию уже сложившейся в виде комплекса различных ее каналов, средств, форм и т. д. Именно регламентированность института науки определяет условия коммуникативного поведения. Ученым предоставлены широкие возможности для научных контактов, но, действуя в установленных рамках, они одновременно испытывают некоторые ограничения.

Научная коммуникация охватывает ряд задач, среди которых выделяются: 1) информирование членов научного сообщества о достижениях в тех или иных исследовательских областях; 2) обеспечение научной деятельности информацией; 3) легитимация той или иной научной практики, того или иного научного видения; 4) профессиональная социализация ученых, в том числе формирование отношения к себе [9; 10].

Научная коммуникация состоит так же, как и наша жизнь, из научных событий, к наиболее значимым из которых относятся научные форумы, конференции, симпозиумы, где ученые представляют, как правило, результаты своих исследований.

В рамках научной конференции, которую мы рассматриваем как коммуникативное событие, все названные выше задачи реализуются в полной мере.

Для научных конференций характерны те же признаки, что и для событий вообще. Поскольку научная конференция манифестирована определенным количеством научных текстов, предусмотренных программой конференции, имеет множество коммуникантов, выступающих попеременно то в роли докладчиков, то в роли слушателей докладов, то она относится многосоставному, или полисубъектному, коммуникативному событию.

Кроме того, научная конференция обладает и иными параметрами, которые присущи коммуникативным событиям гетерогенного свойства. Такого рода события, обладая коллективным характером, протекают и осуществляются по определенному сценарию, более того, они ритуализированы. При этом участников конференции следует рассматривать как субъектов, так и адресатов единого комплексного высказывания, сформулированного в теме конференции. Тем самым коммуникативное событие «научная конференция» представляет собой дискурс в одном из его значений.

Научная конференция может рассматриваться как некое макро-событие, состоящее из микрособытий, в качестве которых могут служить пленарные и секционные доклады участников конференции. Пленарные доклады, несомненно, более значимы, так как они по сценарию должны определять основное направление конференции, выраженное в ее названии, являться некой точкой отсчета для дальнейшего разворачивания коммуникативного события «научная конференция».

В пленарных, а затем и в секционных, докладах должно быть в том или ином виде представлено знание, которое должно быть признано научным сообществом в качестве нового знания. Поэтому доклад на научной конференции становится событием, которое приобретает символическое значение как своеобразный коммуникативный акт в процессе институционализации нового знания.

Процесс институционализации объективируется в языковом выражении, при этом язык используется как главный инструмент. Так, регламентированность как основной признак институциональности в речевом поведении проявляется, прежде всего, в клишированности речи, реализуемой в виде речевых стереотипов, готовых оборотов, используемых в качестве легко воспроизводимого в определенных коммуникативных условиях речевого стандарта. Например: *Уважаемые коллеги, позвольте представить Вашему вниманию доклад на тему ...* в устном выступлении на научной конференции, или *Доклад*

посвящен проблеме изучения ... в письменном тексте тезисов доклада и т. п. Отметим, часто именно в этих фразах аккумулировано новое знание, представляемое на общее обсуждение.

Институциональный контекст события научной конференции характеризуется активным использованием терминологии соответствующей области, так называемого метаязыка науки, другими словами, профессионального языка, под которым понимается, во-первых, язык, употребляемый учеными при устной и письменной коммуникации, а во-вторых, как терминология, ставшая частью профессионального словаря.

Научная конференция как коммуникативное событие, несомненно, является частью институциональной коммуникации, поскольку в ее рамках реализуются статусно-ролевые возможности людей, вступающих в речевое взаимодействие.

Роли представляют институциональный порядок на двух уровнях [3, с. 123]. Во-первых, исполнение роли представляет самое себя. Например, читать доклад на научной конференции – значит, представлять роль исследователя. Во-вторых, роль представляет институциональную обусловленность поведения. Исследователь действует как представитель социального института науки. Роль исследователя связана с другими ролями (преподаватель вуза, автор статей и пр.), вся совокупность которых является составной частью института науки.

Роли, по мнению П.Бергера и Т.Лукмана, – это типы деятелей в институциональном контексте. Конструирование ролевых типологий – необходимый коррелят институционализации поведения, с помощью которого институты воплощаются в индивидуальном опыте. Играя определенные роли, индивиды становятся участниками социального мира, а интернализируя эти роли, они делают этот мир субъективно реальным для себя [3, с. 122].

Понятие «роль» тесно связано с понятием «статус», который рассматривается как «позиция в рамках социальной системы. Статус обозначает то, чем является человек, тогда как тесно связанное с ним понятие роли относится к поведению, ожидаемому от людей, обладающих каким-либо статусом» [1, с. 321].

Выступление на научной конференции с докладом является важным этапом в «конструировании» статуса ученого, это шанс получить определенное признание научного сообщества, поскольку одной из доминирующих функций докладов, наряду с публикациями

(см. подробнее [9; 10]), является маркирование интеллектуальной территории. Научные доклады свидетельствуют о проделанной исследователем работе и представляют собой заявления об эксклюзивном владении конкретным сегментом определенной области знания. Доклад, а затем и публикация, является своего рода «меткой», посредством которой исследователь пытается «застолбить» за собой тематику и область исследования, тем самым доклад как микрособытие свидетельствует о научных притязаниях и об интересах его автора.

Кроме того, в случае социализации молодого ученого микрособытие «научный доклад» имеет и иную символическую эффективность (в терминологии П. Бурдьё), которая становится осязаемой, поскольку молодой ученый, как правило, аспирант, проходящий своего рода инициацию, действительно изменяется.

Доклад на конференции как акт институционализации является актом коммуникации, который способствует конструированию идентичности ученого, предписывая человеку действовать в соответствии с социальным статусом ученого.

Заключение

В контексте коммуникативного макрособытия «научная конференция» выступление с докладом, являясь микрособытием, играет порой более существенную роль, чем макрособытие, поскольку приобретает символическое значение акта институционализации, другими словами – становится своеобразным переходом из «обыденного» научного дискурса в институциональный научный дискурс, более значимый и желанный.

Как коммуникативное событие научная конференция участвует в организации дискурсивного пространства научного дискурса, принимая на себя при этом функцию социальной регуляции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С.* Социологический словарь / пер. с англ.; под ред. С. А. Ерофеева. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 1997. – 420 с.
2. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и производные от него значения // *Язык и мир человека.* – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 403–542.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

4. *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: Структура и динамика. – 3-е изд. – М.: ЛКИ, 2009. – 320 с.
5. *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Идентификация событий: онтология, аспектология, лексикография // Логический анализ языка. Модели действия. – М.: Наука, 1992. – С. 108–115.
6. *Дейк Т. А., ван.* Язык. Познание. Коммуникация: пер с англ. / сост. В. В. Петрова ; под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
7. *Демьянков В. З.* «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – Т. 42. – № 4. – 1983. – С. 320–329.
8. *Селезнева Л. В.* Исследования дискурса в современной лингвистике: опыт, направления, проблемы // Вестник СВФУ. – Т. 8. – № 4. – 2011. – С. 119–124. – URL: http://s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/strukturnyye-podrazdeleniya/unir/vestnik-svfu/arkhiv/arkhiv-2011/vestnik_nefu_4_2011.pdf
9. *Томская М. В.* Акты институционализации в научной коммуникации // Многоаспектность лексикологических исследований: английский язык и проблемы перевода. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010. – С. 203–210. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 21 (600). Сер. Языкознание).
10. *Томская М. В.* Конструирование гендера в процессе институционализации знания (на примере научных публикаций, посвященных гендерным исследованиям) // Этнокультурные и дискурсивные проблемы лингвистики. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 104–110. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 24 (603). Сер. Языкознание).
11. *Тюна В. И.* Архитектоника коммуникативного события (к первоосновам коммуникативной дидактики) // Дискурс: Коммуникация, образование, культура. – № 1. – Новосибирск : Наука, 1996. – 146 с. – URL: http://www.nsu.ru/education/virtual/discourse1_6.htm
12. *Тюна В. И.* Коммуникативное событие урока (статья руководителя методического семинара преподавателей литературы ЦДО РГГУ) – URL: <http://cdo.rggu.ru/article.html?id=1243>
13. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления / сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В. В. Библихина. – М.: Республика, 1993. – 447 с. (Сер. Мыслители XX в.).

УДК 81-33

Н. Н. Трошина

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник;
и. о. ведущего научного сотрудника Отдела языкознания ИНИОН РАН;
e-mail: troshinat@mail.ru

О ЯЗЫКОВОМ АСПЕКТЕ КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ

Когнитивный стиль может быть охарактеризован в плане его языкового выражения в двух аспектах: 1) парадигматическом – в аспекте ментального лексикона как совокупность культурообусловленных стилистических параметров, характеризующих структуры представления знаний – концепты; 2) синтагматическом – в аспекте коммуникативного события, протекание которого воспринимается в плане его соответствия культурообусловленным фреймам с типичными для него стилистическими коннотациями и ассоциациями.

Ключевые слова: когнитивный стиль; ментальный лексикон; концепт; фрейм; языковая личность; стилистическое значение; коннотация; ассоциация.

Troshina N. N.

Ph. D. (Philology), Senior Researcher, Acting Leading Researcher, the Department of Linguistics INION RAS; e-mail: troshinat@mail.ru

ON THE LINGUISTIC DIMENSION OF COGNITIVE STYLE

Cognitive style can be characterized in terms of its linguistic expression in two ways: 1) paradigmatically – in the aspect of the mental lexicon as a set of stylistic features based on cultural phenomena that characterize the representation of knowledge structures – concepts; 2) syntagmatically – in the aspect of the communicative event, the flow of which is seen in terms of its compliance with the frames based on cultural phenomena with the typical stylistic connotations and associations for the event.

Key words: mind style; mental lexicon; concept; frame; language person; stylistic meaning.

25 августа 1763 г. Французская академия избрала своим членом естествоиспытателя Жоржа Луи Леклерка Бюффона, который выступил по этому случаю с речью «Рассуждение о стиле» и произнес фразу, ставшую крылатой: «Стиль – это человек». Эта фраза повлияла на концептуальную основу очень многих исследований стиля в самых различных областях человеческой деятельности. Но особенно благодарны Бюффону должны быть люди, занимающиеся когнитивной стилистикой, так как пребывание человека в языке, т. е. речевая коммуникация,

невозможна без стилистической «подачи» этого пребывания. Автор имеет в виду не только форму речевых высказываний, но и их смысловое наполнение, так как языковой стиль – это понятие и структурно-семантическое, и содержательное, т. е. касающееся как семантической структуры языковых единиц в **системе языка**, так и **контекстуальных** изменений семантики. Гюнтер Хайнц – автор замечательной книги «Структура языка и поэтическое воображение: Очерки лингвистической поэтики» определяет эти изменения как развитие семантического процесса, а формирующийся в результате этого стиль – как всеобъемлющий семантический план текста [16, с. 1978].

Феномен стиля представляет исключительный интерес для когнитивной лингвистики как направления языкознания, тесно взаимодействующего с психологией, так как термин «когнитивный стиль» предложил именно психолог – австриец Альфред Адлер. Этот термин обозначает устойчивые характеристики того, как человек думает, воспринимает и запоминает информацию, какие эмоциональные акценты он расставляет при этом. Одним из основных положений нейросайенс, т. е. комплекса наук, занимающихся естественным интеллектом, является утверждение, что интеллект не может работать без эмоций. Эмоциональное восприятие вместе с логическим определяет индивидуальный взгляд на воспринимаемую ситуацию, что в значительной степени зависит от концептуальной системы личности. Показательно, что российский психолог, специалист в области психологии интеллекта М. А. Холодная видит в стилевом подходе первую в истории психологии попытку «понять особенности устройства и функционирования индивидуального ума» [14, с. 17; 11].

Проблема стиля мышления (когнитивного стиля) активно обсуждается в научной литературе, например в философской, где говорится, что стиль мышления ориентирован на выполнение определенных функциональных задач [12, с. 12]. Такая постановка проблемы коррелирует с концептуальной основой функциональной стилистики, разработанной профессором Э. Г. Ризель, много лет проработавшей в стенах МГЛУ [17, с. 1963].

Второй научной концепцией, позволяющей понять взаимосвязь языка и когнитивного стиля, является теория языковой личности, разработанная Ю. Н. Карауловым [4; 5] и выделяющая в структуре языковой личности когнитивный уровень, т. е. набор систематизированных идей, понятий, концептов.

Соотнесение основных положений двух названных концепций делает возможным рассмотрение языкового аспекта когнитивного стиля в двух планах:

1) **в парадигматическом**, т. е. в аспекте ментального лексикона – как совокупность культурообусловленных стилистических параметров, характеризующих структуры представления знаний – прежде всего, концептов и фреймов;

2) **в синтагматическом**, т. е. в аспекте коммуникативного события, воспринимаемого человеком, – как специфику взаимодействия этих параметров в реальных речевых актах порождения и восприятия текстов.

Таким образом, речь идет о стилистически эффективном применении знания, об оптимальном соотношении коммуникативной интенции отправителя сообщения и ожидаемого ситуативно оправданного прагматического эффекта его восприятия.

Очевидно, что стилистически эффективная реализация знания невозможна без влияния человеческих эмоций как на познавательный процесс, так и на коммуникацию. Как выразился Шарль Балли, «наша мысль постоянно и непреднамеренно добавляет к малейшему восприятию элемент оценки. Конечно, эта тенденция, присущая нашей природе, отражается и в языке. Проявлением этой тенденции в речи является экспрессивная доминанта» [2, с. 183].

Основа для рассмотрения когнитивного стиля в аспекте ментального лексикона была заложена в трудах отечественных лингвистов И. Р. Гальперина [1] и Э. Г. Ризель [10; 19] – в публикациях, посвященных участию стилистических параметров в семантике языкового знака. Как указывал И. Р. Гальперин, значение может иметь в большей или меньшей степени субъективно-оценочный характер, с одной стороны, и выделительно-познавательный – с другой. В качестве первого признака появляется эмоциональный компонент семантической структуры слова, а в качестве второго – денотативное значение слова. Таким образом, возникают эмоциональные значения, которые могут сопровождать предметно-логические значения слова, а могут быть и самостоятельными значениями.

В рамках концепции Э. Г. Ризель абсолютное, т. е. **парадигматическое** стилистическое значение делится на компоненты: функциональный, экспрессивный и нормативный. В соответствии с этим абсолютная стилистическая окраска слова определяется как компонент значения слова,

указывающий на его положение в лексико-семантической системе языка относительно употребления в функциональной сфере (функционально-стилистическая окраска) и в ситуации общения (нормативно-экспрессивная окраска). Эта трактовка парадигматической стилистической окраски языковых единиц подводит к трактовке единиц ментального лексикона не только как «склада» этих единиц, но, как писала Е. С. Кубрякова, скорее как действующей системы, в которой каждая единица «записана» с инструкцией ее использования [7, с. 68]. Именно эта инструкция записана в парадигматических стилистических параметрах языковой единицы, поскольку «слова светятся отраженным светом вещей» [6, с. 3]. Во взаимодействии стилистических характеристик компонентов текста как единицы коммуникации состоит синтагматический аспект когнитивного стиля, который формирует стилистическую структуру текста и направляет его восприятие адресатом в соответствии с авторской коммуникативной интенцией.

Эффективность использования языковых единиц в процессах речевой коммуникации обусловлена знанием концептуально-типичных контекстов, которые фиксируются другим типом структур представления знаний – фреймами, т. е. когнитивными структурами, основанными на вероятностном знании о типичных ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу типично связанных друг с другом объектов [9]. Обладая более или менее конвенциональной природой, фреймы, с одной стороны, конкретизируют, что для данной культуры характерно, а что – нет [3, с. 188], а с другой – входя в индивидуальную систему представления знаний, отражают индивидуально-личностное восприятие внеязыковых реалий и ситуаций.

Исследования по структуре фреймов значительно дополнили исследования по структуре концептов и тем самым внесли существенный вклад в рассмотрение когнитивного стиля с позиций языковой парадигматики, поскольку выявили компоненты, выполняющие роль инструкций по речевому использованию этих вербализованных когнитивных структур. В концептах роль таких инструкций выполняют стилистические значения, во фрейме – зафиксированные в нем объективные коннотации и типичные ассоциации. Именно эти компоненты задают конвенциональную оценку ситуации и соответствующее использование/восприятие вербализованных концептов в речевой ситуации, т. е. определяют синтагматический аспект конвенционального когнитивного стиля коммуникации. В этом плане очень точное

наблюдение об «авторитарности языка» (*Autorität in Verbindung mit Sprache*) принадлежит У. Фикс: «Авторитарность языка может проявляться двояко:

1) как давление языка на сознание самого отправителя языкового сообщения, т.е. как давление языковых норм и представлений, зафиксированных в языковых выражениях;

2) как давление отправителя языкового сообщения на его получателя, осуществляемое с помощью языка, т. е. как целенаправленное персуазивное воздействие, осуществляемое в целях коммуникативного превосходства» [15, с. 63]. Это наблюдение У. Фикс соответствует двум вышеназванным языковым аспектам когнитивного стиля – парадигматическому и синтагматическому.

Рассмотрение обоих этих аспектов невозможно без обращения к понятию видов знания, представленного в ментальном лексиконе. На сегодняшний день у специалистов нет единого мнения по вопросу, сколько же существует видов знания и как они соотносятся друг с другом. Представляется целесообразным различать [20, с. 96–97]:

1) энциклопедическое знание, т. е. объектное знание, или знание о мире, включая знание социокультурных стандартов коммуникации;

2) языковое знание, т. е. знание языковых единиц и конструкций, а также правил их грамматического использования (ср. замечание С. А. Хахаловой о том, что «формальная сторона фрейма может быть представлена в виде сетки, контуры которой трудно очертить, со структурированными в ней вершинами, уровнями и подуровнями, нишами, лингвистическими и нелингвистическими слотами») [13, с. 198] (курсив авт. – *Н. Т.*);

3) интеракциональное знание, т. е. коммуникативно-прагматическую, или стилистическую компетенцию; она играет особо важную роль в речевой коммуникации, обеспечивая «стыковку» энциклопедического и языкового знания под тем углом зрения, под которым данный человек воспринимает коммуникативную ситуацию и решает свои проблемы. Иными словами, интеракциональное знание в наибольшей степени определяет когнитивный стиль языковой личности, который может быть представлен в двух планах – парадигматическом и синтагматическом.

Сформулированные теоретические положения могут быть проиллюстрированы на примере анализа фрагмента из рассказа Г. М. Освальда «Всё, что считается» («*Alles, was zählt*») [18]:

Ich bin stellvertretender Leiter der Abteilung Abwicklung und Verwertung. Banker pflegen eine moderate Sprache. Abwicklung und Verwertung, das heißt: Chaos, Nervenzusammenbruch, geschlossene Anstalt, Selbstmord, Mord. Banker sagen: Wir stehen mit dem Kunden in angenehmer Geschäftsbeziehung. Das bedeutet, er zahlt seine Kreditraten pünktlich. Sie sagen: Ein Kredit wird notleitend. Bedeutet: Die Raten werden unregelmäßig oder gar nicht mehr bezahlt. Natürlich wird nicht der Kredit notleidend oder gar die Bank, notleidend wird der Schuldner, der nicht bezahlen kann, aber das ist bei allem Verständnis für die Situation, verdammt noch mal sein Problem. Wenn so ein Kredit lange genug notleidend war, sagen Banker: Das Engagement ist nicht mehr vertretbar. An dieser Stelle kommen wir von der Abteilung Abwicklung und Verwertung ins Spiel. Wir schicken ein sogenanntes

Aufforderungsschreiben an den Kunden. Bedeutet: Der Kredit wird fristlos gekündigt und das ganze Geld auf einmal zurückverlangt. Spätestens wenn der Kunde dieses Schreiben erhält, empfindet er die Geschäftsverbindung als äußerst unangenehm. Er ruft an und teilt uns das mit. Wir sagen: Sie müssen schon entschuldigen, aber die Enttäuschung ist ganz auf unserer Seite. Wie soll ich denn in vierzehn Tagen – wir setzen aus Kulanzgründen, wie wir es nennen, eine Zahlungsfrist von vierzehn Tagen – wie so soll ich denn in vierzehn Tagen hundert-, hundertfünfzig-, achthunderttausend oder zwölf Millionen – das ist je nach Kredit ganz verschieden – herbringen? Das, sagen wir, wissen wir leider auch nicht.

Повествование ведется от имени служащего банка – заместителя руководителя по работе с проблемными клиентами, т. е. с теми, кто не возвращает вовремя и с процентами взятый кредит. Ситуация разворачивается вокруг концепта «банковский кредит», являющегося стержнем фрейма «ситуация ‘выплата банковского кредита’» – фрейма, в котором зафиксирована соответствующая часть банковской концептосферы, две типичные ситуации (благополучная и проблемная) и варианты коммуникативно-речевого поведения участников этих коммуникативных ситуаций. Они воспринимаются с трех разных позиций, т. е. с трех точек зрения:

1) с точки зрения банка, т. е. с точки зрения официальной – отстраненно-обезличенной;

2) с точки зрения сотрудника банка, который должен выполнить свои служебные обязанности и поэтому эмоционально напряжен, тем более, что подобные ситуации в его работе нередки и каждая стоит ему нервов;

3) с точки зрения должника, который не может собрать в отведенный срок требуемую сумму.

Стилистическая структура этого фрагмента строится на взаимодействии текста и подтекста, что основано на:

1) присутствию во фрейме этой ситуации конвенциональной ее оценки и схемы типичных вариантов протекания;

2) интеракциональном знании участников этой ситуации – банкиров, сотрудника банка и должника;

3) различии когнитивных стилей участников, что определяет различия в восприятии ими ситуации и, следовательно, стилистический выбор языковых средств и, как результат, – тональность высказываний.

Первые два аспекта относятся в равной степени ко всем участникам ситуации (все хорошо знакомы с правилами предоставления кредита и его выплаты, т. е. фрейм «выплата банковского кредита» – общая для всех когнитивная структура; смысл формулировок, принятых в банковской сфере, и случаи их использования также относятся к общему интеракциональному знанию). Однако когнитивный стиль, обусловленный различной жизненной и официальной ситуацией, у всех оказывается разным, соответственно различается и тональность высказываний:

Ср. стилистически официальную тональность высказываний **банкиров**:

Wir stehen mit dem Kunden in angenehmer Geschäftsbeziehung;

Ein Kredit wird notleidend; Das Engagement ist nicht mehr vertretbar

– с эмоциональным комментарием **сотрудника банка**:

Abwicklung und Verwertung, das heißt: Chaos, Nervenzusammenbruch, geschlossene Anstalt, Selbstmord, Mord. ... Aber das ist bei all dem Verständnis für die Situation, verdammt noch mal, sein Problem

– и раздраженно-отчаянной тональностью **должника**:

Wie soll ich in vierzehn Tagen hundert-, hundertfünfzig-, achthunderttausend oder zwölf Millionen herbringen?

Близкое контекстуальное соседство высказываний банкиров и должника с комментариями сотрудника банка и особенно его жесткое, почти афористическое высказывание *Wer Hilfe braucht, hat keine verdient*, создает тот подтекст, который играет решающую роль для восприятия всего текста читателем – подтекст, обусловленный различиями в когнитивном стиле персонажей и вербализованный в стилистической структуре текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балли Ш.* Французская стилистика / пер. с фр. К. А. Долинина. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – 394 с.
2. *Гальперин И.Р.* О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 267–290.
3. *Демьянков В.З.* Фрейм (frame) / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – С. 187–189.
4. *Караулов Ю.Н.* Предисловие: Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. – URL: http://destruction.narod.ru/karaulov_jasikovaja_licnost.htm
5. *Караулов Ю.Н.* «Четыре кита» современной лингвистики, или предпосылки включения «языковой личности» в объект науки о языке: (От содержания науки к ее истории) // Соотношение частнонаучных методов и методологии в филологической науке: сб. науч. тр. / Центр. совет филос. (методол.) семинаров Президиуме АН СССР; [отв. ред. Э.Ф. Володин, В.П. Нерознак]. – М.: ЦС филос. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1986. – С. 33–52.
6. *Кубрякова Е.С.* Части речи в ономаσιологическом освещении. – М.: Наука, 1978. – 114 с.
7. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. (Язык. Семиотика. Культура).
8. *Левонтина И.* Русский со словарем. – М.: Азбуковник, 2010. – 335 с.
9. *Минский М.* Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.
10. *Ризель Э.Г.* Стилистическое значение и коннотация // Лингвистические проблемы текста: сб. науч. тр. / МГПИИЯ им. М. Тореца. – Вып. 158. – М.: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореца, 1980. – С. 134–143.
11. *Трошина Н.Н.* Когнитивная парадигма в лингвистике // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. – М.: ИНИОН РАН, 2008. – С. 109–127.
12. *Фролов А.А.* Проблема стиля мышления в философии В.В. Розанова: дис. ... канд. филос. наук. – СПб., 2014. – 157 с.
13. *Хахалова С.А.* Концептосфера личной пристрастности // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. – М.: Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2003. – С. 195–228.
14. *Холодная М.А.* Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. – М.: ПЕР СЭ, 2004. – 304 с.
15. *Fix U.* Autorität als Topos: Verweigerung und Anerkennung von Sprachautorität unter den Kommunikationsbedingungen der DDR // Autorität der / in der

- Sprache, Literatur, Neuen Medien: Vorträge des Bonner Germanistentages 1997. – Bd. 1. – Bielefeld : Aisthesis-Verlag, 1999. – S. 59–78.
16. *Heintz G.* Sprachliche Struktur und dichterische Einbildungskraft: Beiträge zur linguistischen Poetik. – München : Hueber, 1978. – 434 S.
 17. *Riesel E.* Stilistik der deutschen Sprache. – М. : Иностранная литература, 1959. – 467 с. (2-е изд., 1963. – 487 с.).
 18. *Oswald G. M.* Alles, was zählt // *Zebra*streifen: Neue deutsche Literatur. = Зебра: Новая немецкая литература / zusammengest. G. Hasenkamp. – М. : Goethe-Institut, 2004. – С. 6–25.
 19. *Riesel E., Schendels E.* Deutsche Stilistik. = Э. Г. Ризель, Е. И. Шендельс. – М. : Высшая школа, 1975. – 316 S.
 20. *Troschina N.* Kommunikativer Kontext und stilistische Frames // *Totalitäre Sprachen – Langue de bois – Language of dictatorship* / R. Wodak, F. P. Kirsch (Hrsg.). – Wien : Passagen, 1995. – S. 93–104.

УДК 81'42

Г. М. Фадеева

кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка МГЛУ;
e-mail: galina_fadeeva@rambler.ru

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ТЕЛЕОБРАЩЕНИЕ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА КАК МЕДИАСОБЫТИЕ

Рождественское обращение (послание) главы европейского государства к гражданам страны рассматривается как медиасобытие, связанное с основными ценностными ориентациями лингвокультурного сообщества, относящимися к ядерной части коллективной идентичности. Подчеркивается роль взаимодействия различных каналов коммуникации данного полимодального медиасобытия, а также его ориентированность на достижение консенсуса.

Ключевые слова: рождественское обращение; медиасобытие; медиатексты; дискурс; лингвокультурное сообщество; ценностные ориентации.

Fadeeva G. M.

Ph. D. (Philology), Professor, Department of German Lexicology and Stylistics; Faculty of the German Language, MSLU; e-mail: galina_fadeeva@rambler.ru

HEAD OF STATE CHRISTMAS ADDRESS AS A MEDIA EVENT

The article regards a Christmas address from a leader of a European country to the citizens as a media event that correlates with the basic values of the linguo-cultural community and targets the core of the collective identity. It is stressed that consensus is reached due to the interaction of different communication channels of this multimodal media event.

Key words: Christmas message; media event; media texts; discourse; linguo-cultural community; cultural values.

Ежегодное рождественское обращение главы государства к гражданам страны рассматривается в статье как медиасобытие, связанное с ценностными ориентациями, доминирующими в данном лингвокультурном сообществе и относящимися к ядерной части коллективной идентичности. Как справедливо замечает Л. И. Гришаева, для изучения способов конструирования дискурсивной реальности в медиапространстве важно учитывать, что событие разворачивается не только в пространственно-временном континууме, но и в **ценностном контексте** [2, с. 91, 109]. Ценностный контекст данного реального и медиасобытия связан, во-первых, с референцией к традициям одного из важнейших для всего христианского мира праздников; во-вторых,

с референцией к актуальной политике, определяющей жизнь страны в целом и жизнь отдельных индивидуумов на определенном историческом этапе. Специфика рождественского обращения как медиасобытия проявляется на уровне текста или комплекса текстов, связанных с данной темой. Такой корпус мы рассматриваем как частный дискурс «рождественское обращение (послание) главы государства», т. е. как конституент вышестоящей единицы – общественно-политического дискурса (*öffentlicher Gesamtdiskurs*) [5; 11]. Вслед за М. Юнгом (Jung) мы понимаем дискурс как совокупность (корпус) высказываний на определенную тему, сделанных в рамках разнообразных текстов. Текст редко бывает монотематичным, т.е. текст, посвященный одной теме, может содержать и высказывания на другие темы, а, следовательно, быть элементом сразу нескольких дискурсов. Таким образом, в предлагаемой статье *под дискурсом понимается виртуальный, постоянно развивающийся во времени и в пространстве корпус высказываний на определенную тему, реализуемых в различных текстах* [5; 6; 7; 11]. В данном случае речь идет о корпусе высказываний на тему «Рождество», реализуемых в различных сферах коммуникации, а также типах текстов и частных дискурсах, разворачивающихся вокруг центральной (ядерной) темы (концепта).

Рассматриваемое нами медиасобытие, как и любое событие, локализовано в некоторой человеческой сфере. В случае Рождества как повода для медиасобытия это как единоличная, так и общественная сфера. Любое событие происходит в некоторое время и имеет место в некотором реальном пространстве [1, с. 509]. Время в нашем случае является чрезвычайно важным показателем, так как рождественское обращение связано с определенной датой.

Мы разделяем мнение Л. И. Гришаевой, утверждающей, что медиасобытие и событие, имеющее место в реальной действительности, не обязательно тождественны друг другу. Не всякое реально значимое событие может стать медиасобытием, вызывающим, судя по медиопубликациям, острый и/или устойчивый интерес у реципиентов. СМИ выстраивают иерархию значимости событий [2, с. 188]. Достаточно привести в качестве примера акцию «Бессмертный полк» как реальное событие и медиасобытие в России и намеренное снижение роли этого реального и медийного события во многих западных СМИ. В рассматриваемом нами случае выступления главы государства можно говорить о тождественности реального события и медиасобытия, по меньшей мере, для данной страны.

При лингвокультурологическом анализе телеобращения главы государства как медиасобытия необходимо принимать во внимание гетерогенность механизмов его репрезентации. То есть, анализируя ТВ-обращение главы государства, следует рассматривать не только вербализацию медиасобытия, но и весь комплекс механизмов (каналов) воздействия на реципиента, каждый из которых решает свою частную коммуникативную задачу в рамках общей цели рождественского обращения. Поскольку развитие во времени и в пространстве – важный признак дискурса, целесообразно в процессе анализа данного частного медиасобытия и формирующегося вокруг центральной темы «Рождество» дискурса, учитывать его различные фазы: этап подготовки; всплеск интереса по мере приближения события; кульминацию (момент выступления главы государства); реакцию на событие (отзывы прессы, граждан, политических обозревателей); спад интереса (до следующего года). Каждая фаза (этап) связана с формированием особого частного дискурса вокруг медиасобытия «рождественское обращение главы государства».

В западном христианском культурном пространстве рождественское обращение (послание) – это традиционная речь политического или религиозного деятеля, которая, как правило, предшествует посланию главы Римской католической церкви *Urbi et orbi* (Граду и Миру). История рождественских и новогодних обращений лидеров к народам своих стран в современном медийном пространстве насчитывает более 80 лет. Первым монархом, который обратился с рождественским радиопосланием к нации, был британский король Георг V в 1932 г. С 1939 г. рождественские радиобращения стали традиционными. Первое рождественское телеобращение королевы Елизаветы II было записано в 1957 г.

В Германии первая *телетрансляция* рождественских и новогодних обращений состоялась в 1952 г. В период с 1949 по 1969 гг. с рождественским посланием к гражданам обращался глава правительства ФРГ (канцлер), но, начиная с 1970 г., с рождественской речью 25 декабря выступает глава государства (федеральный президент). Рождественские обращения сегодня представляют собой довольно короткие политические речи продолжительностью в несколько минут, которые содержат как ретроспективный взгляд главы государства на прошедший год, так и перспективный взгляд на новый год. С точки зрения иерархических отношений лингвостилистических систем и основных

текстологических единиц традиционное ежегодное выступление главы государства по случаю Рождества рассматривается нами как одна из разновидностей политической речи, как тип текста, входящий в определенный класс типов текстов политической речи [4]. В классической риторике такая речь называлась *genus deliberativum*. Адресатом являются граждане страны, т. е. широкая общественность [9, с. 84].

В каждой стране есть свои национальные обычаи и традиции, связанные с рождественским посланием главы государства, но референция к смыслу, идее этого христианского праздника является общей для всех христианских стран. Именно к этим ценностям в первую очередь апеллируют главы государств, связывая идеи Рождества с такими актуальными проблемами современного общества, как сохранение мира на Земле и необходимость миротворческих усилий; милосердие к бедным, несчастным, обездоленным, беженцам; помощь всем, кто в ней нуждается; толерантность; любовь к ближним и забота о них и т.д. Напоминание о подлинном значении Рождества в наши дни особенно необходимо ввиду его коммерциализации. Как показывают опросы среди молодежи, многие граждане скептически относятся к Рождеству, критикуя использование христианских традиций в коммерческих целях, сведение празднования Рождества к покупке подарков и шумным массовым развлечениям.

Тема телевизионного коммуникативного пространства была проанализирована немецкими лингвистами Х. Гирнтом (Girnth) и С. Михелем (Michel) на материале формата политических ток-шоу [9]. Поскольку в исследовании немецких лингвистов и в данной статье речь идет о телекоммуникации, многие выводы немецких ученых могут быть с полным основанием отнесены к рассматриваемому нами медиасобытию.

Традиционная (полито)лингвистика изучала в первую очередь вербальную составляющую устных и письменных текстов: структурирование политического лексикона, вопросы номинации, функции языка в общественно-политической коммуникации, текстовый уровень политического дискурса. Телевидение, в отличие от других СМИ, соединяет в единое целое средства аудиовоздействия с динамическими визуальными возможностями, т. е. соединяет вербальную и невербальную коммуникацию, что получило название *аудиовизуальность*. Лингвокультурологический анализ обязан учитывать как процесс создания, так и процесс восприятия вербальной и невербальной коммуникации, а также ее ценностный контекст [9; 10, с. 86–87].

В настоящее время роль невербальных средств воздействия общепризнанна, «невербальная коммуникация вышла из тени вербальной коммуникации и доказала свою значимость» [10, с. 88]. Так, Х. Гирнт и С. Михель рассматривают роль всех паралингвистических феноменов, которые сопровождают вербальную коммуникацию и не всегда являются вторичными и вспомогательными: а) коммуникативно значимые акустические свойства и характеристики звучащей речи: продолжительность, ритм и темп речи, тембр, голосовой уклад, высота тона, интонация, громкость, фразовое и словесное ударение и др.; б) кинетические средства: мимика, поза, жест, зрительный контакт и др., которые доказывают эффективность визуального ряда, взаимосвязь текста и картинки [10, с. 91–94]. Немецкие ученые выделяют еще одну группу коммуникативно значимых средств, так называемых экологических каналов (*ökologische Kanäle*), роль которых в аудиовизуальной коммуникации очень велика. К экологическим каналам, по их мнению, относятся, наряду с сигналами социального статуса и внутренних качеств героя, телепрограммы, оформление телестудии (или любого пространства, в котором ведется видеозапись), одежда, прическа, грим – всё, что создает определенный образ участника и становится предметом обсуждения в СМИ. Как справедливо отмечают немецкие исследователи, именно «экологические каналы» часто привлекают особое внимание общества и обсуждаются в различных дискурсах [10, с. 96–98]. Совершенно очевидна особая роль этих каналов в формате «рождественское обращение главы государства».

Проиллюстрируем вышесказанное на примере Великобритании как парламентарной монархии, и Германии как парламентской республики.

В записи телеобращений глав государства по случаю Рождества, как правило, присутствуют все внешние атрибуты праздника, которые украшают и большинство обычных домов в эти дни: рождественская ель, свечи, Вифлеемская звезда, многочисленные конверты и поздравительные открытки на камине и/или на столе, общая теплая, светлая атмосфера. (В Германии президент выступает не только на фоне рождественских символов, но и на фоне государственных символов: государственного флага и герба). Уже на этапе подготовки к рождественскому обращению королевы, а затем и на этапе его обсуждения СМИ обращают внимание на весь комплекс механизмов воздействия, включая описание платья / костюма королевы, ее украшений, перечень членов королевской семьи на фотографиях и событий, произошедших

в королевском семействе в уходящем году и др. Подчеркивается, что текст рождественского послания королевы готовит лично. В 2012 г. послание королевы было записано в формате 3D. Последнее обстоятельство играет важную роль, так как формат 3D позволяет реципиенту, для которого и создается данная видеозапись, ощутить эффект личного участия в этом событии.

Следует отметить, что не только все медиасобытие «рождественское обращение главы государства», но и его ядерная часть – видеозапись выступления королевы или президента ФРГ – представляет собой сложное образование, включающее подготовку реципиента к кульминационному моменту. Так, в видеозаписи рождественского обращения королевы в 2015 г. можно выделить следующие структурные компоненты: предваряющие речь королевы кадры с видом Букингемского дворца, из которого королева обращается к народу; кадры, отражающие основные события года с участием королевы и членов королевской семьи; музыкальное сопровождение; кульминацию медиасобытия – обращение (послание) королевы, записанное в ее кабинете; сопровождающие речь королевы кадры с рождественскими мотивами; завершающие послание слова королевы: «Я желаю Вам счастливого Рождества!»; хор мальчиков в старинных костюмах, исполняющих рождественскую песню; завершающий видеозапись послания королевы вид Букингемского дворца, который создает своего рода рамочное/кольцевое оформление речи королевы как медиасобытия.

В 2015 г. все СМИ выделили как одну из ключевых идей рождественского послания Елизаветы II выраженную ею надежду на «свет во тьме», несмотря на трудности и печальные события 2015 г. Как отмечала радиостанция Би-би-си, послание еще раз подчеркивает, насколько важна для королевы ее христианская вера. Так, обращаясь к ситуации с беженцами в Европе, Елизавета II напомнила, что «Иисус Христос, несмотря на все гонения и преследования, продолжал проповедовать любовь, а не месть и насилие». Королева процитировала вселяющие надежду строки из Евангелия от Иоанна, часто читаемые во время рождественских служб: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». Наряду с этим королева напомнила, что в 2015 г. мир отметил 70-летие окончания Второй мировой войны, и выразила благодарность всем, кто принес победу. Королева обратилась также к событиям личной жизни, которые в связи с ее особым статусом являются одновременно и событиями общественной сферы. Речь

шла о предстоящем в 2016 г. 90-летию королевы и рождении ее пятой правнучки в 2015 г. (http://www.bbc.com/russian/news/2015/12/151225_queen_elizabeth_christmas_message).

Исследовавшая лингвокультурный типаж «британская королева» И. А. Мурзинова пришла к выводу, что важнейшей ценностью в поведении британской королевы в глазах ее подданных является осознание ею своей миссии как хранителя британской монархической традиции. В своем коммуникативном поведении королева стремится к поддержанию в сознании британцев положительного образа монарха, соответствующего принятым в британском обществе представлениям о поведении королевы. Речь британской королевы представляет собой особую форму английского языка (Queen's English), употребляемую представителями высшего класса и узнаваемую в британском лингвокультурном сообществе. Фонетически правильная речь королевы в сочетании с индивидуальными особенностями создает своеобразный речевой портрет британской монархини, знакомый большинству носителей британской лингвокультуры. По мнению И. А. Мурзиновой, отношение к королеве в индивидуальном сознании британцев характеризуется асимметричной амбивалентностью с преобладанием позитивной оценки [3].

Первое рождественское видеобращение президента ФРГ К. Вульфа (2010) было записано в его берлинской резиденции Дворце Бельвио в присутствии более 200 рядовых граждан. Все компоненты данного реального события и медиасобытия подчеркивали демократический характер общения избранного президента с гражданами страны. В Большой Дворцовый зал были приглашены общественные активисты, солдаты бундесвера, полицейские, студенты, школьники, которые пришли в повседневной одежде и непринужденно расположились в зале, дети просто сидели на ковре. Присутствовала также супруга президента и двое их детей. По мнению немецких СМИ, все это должно было снизить официальность церемонии и продемонстрировать близость президента к народу. В 2011 г. К. Вульф повторил этот формат рождественского обращения.

Лейтмотив выступления главы государства по случаю Рождества создается семантической изотопией, т. е. повторяемостью определенных мотивов, тем, слов, в результате чего создаются изотопические цепочки, обеспечивающие семантическую когеренцию текста и дискурса [5, с. 96]. Так, в рождественском обращении президента ФРГ

К. Вульфа (2010) семантическую связность текста создают многочисленные изотопические цепочки с местоимением *мы* (*wir*), абстрактные существительные, несущие в себе положительный заряд и воспринимаемые большинством людей как абсолютные величины [6, с. 68]: *единение, сплоченность (Zusammenhalt); взаимопонимание (Verständigung); способность мирно уживаться с другими (Miteinanderauskommen), мотив люди (Menschen)* др. Все эти средства направлены на создание у граждан страны чувства солидарности, единства (так называемого *Wir-Gefühl*), когезии как понятия социальной психологии, описывающего феномен сплочения, единения, солидарности:

Wir spüren: Wir gehören zusammen. Wir stützen einander. Wir sind einander verbunden.

Zusammenhalt, Verständigung, Miteinanderauskommen: Das brauchen wir in unseren Familien, in unserem privaten Leben und in unserer ganzen Gesellschaft. <...>

Aber jemandem Mut zusprechen, jemandem auf die Schulter klopfen, jemandem die Hand reichen: Dafür braucht es Menschen, für die Menschlichkeit wichtig ist. Dafür braucht es Menschen wie sie:

	<u>Menschen, die</u> sich in der Nachbarschaft um
Kinder kümmern ...	<u>Menschen, die</u> Kranke besuchen...
	<u>Menschen, die</u> sich im Verein
engagieren ...	<u>Menschen, die</u> sich mit
	<...>
anderen zusammentun, um ...	<u>Zusammenhalt,</u>

Verständigung, Miteinanderauskommen: All das geschieht nicht von allein. Dafür muss man etwas tun.

Наряду с актуальными проблемами современной общественной жизни рождественское обращение обязательно содержит референцию к религиозным мотивам и прецедентным текстам, и президент К. Вульф завершает свою речь (2010) этими обязательными отсылками:

Von Weihnachten geht die Botschaft des Friedens und der Zuversicht aus. Was vor 2000 Jahren auf den Feldern von Bethlehem als Gruß der Engel an die Hirten erklang, das ersehnen wie uns auch heute: Friede auf Erden. <...> (<http://www.bundespraesident.de>)

В 2012 г. К. Вульфа на посту президента ФРГ сменил протестантский пастор Й. Гаук (Gauck). Новый президент вернулся

к традиционному формату, отказавшись от приглашения во Дворец Бельвю рядовых граждан. В телезаписи мы видим только президента, государственные и рождественские символы, но в тексте обращения он, как и его предшественники, уделяет большое внимание морально-этическим и социальным аспектам жизни общества. Немецкие СМИ отметили необычайную политизированность основной части речи Й. Гаука (2012) с ключевой идеей *солидарности* (*Solidarität*). Тем не менее начало и заключение речи традиционно реферируют к истории Рождества Христова:

Liebe Bürgerinnen und Bürger hier im Land, liebe Landsleute in der Ferne, es ist Weihnachten. Viele von uns lesen und hören in diesen Tagen die Weihnachtsgeschichte. In dieser Geschichte um das Kind in der Krippe begegnen uns Botschaften, die nicht nur religiöse, sondern alle Menschen ansprechen: „Fürchtet Euch nicht!“ und „Friede auf Erden!“

Wir sehnen uns nach Frieden – auch und gerade, weil in der Realität so viel Unfriede, so viel Krieg herrscht. <...>

In der Sprache der Politik heißt das: Solidarität. In der Sprache des Glaubens: Nächstenliebe. In den Gefühlen der Menschen: Liebe. <...>

Der Stern aus der Weihnachtsgeschichte führte Menschen einst von fernher zu einem ganz besonderen Ziel – zu einem Menschenkind. Einen solchen Stern wünsche ich jedem in unserem Land. Einen Stern, der ihn zum Mitmenschen, der uns zueinander führt.

Mit diesem Wunsch also: gesegnete Weihnachten!

(<http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Joachim-Gauck/Reden/2012/12/121225-Weihnachtsansprache.html>)

Отметим, что рождественское обращение президента Германии К. Вульфа в 2011 г. было опубликовано на официальном сайте президента на турецком языке, а обращение президента ФРГ Й. Гаука в 2015 г. сопровождалось субтитрами на арабском языке, что подтверждает динамику развития данного реального события и медиасобытия, его модификацию в соответствии с требованиями жизни страны на данном этапе ее исторического развития.

Анализ рождественских обращений королевы Елизаветы II и президентов Германии подтверждает, что одной из важнейших характеристик этой разновидности политической публичной речи является ***ориентированность на достижение консенсуса в обществе***, которая заключена в самой идее Рождества и находит вербальное выражение в языковых средствах всех уровней. Во всех текстах рождественских

обращений речь идет об основных социальных и моральных ценностях, которые связываются с актуальными политическими задачами и проблемами общественной и личной жизни. Апелляция к христианским ценностям, использование широко известных цитат из авторитетных источников, утверждающих значимость и неизбежность этих ценностей, относятся к основным способам аргументации в рождественских обращениях глав государств. В таких речах нет места полемике, а стратегия аргументации направлена на убеждение граждан в необходимости согласиться с основными идеями послания, которые связывают текст выступления в единое целое благодаря сквозной идее Рождества. Так, в заключительном абзаце речи президента Й. Гаука (2015) ключевым мотивом стало человеколюбие, человечность (*Menschenfreundlichkeit*):

... es ist doch auch das *Weihnachtsfest* selbst mit seiner *Botschaft*, die uns in schwierigen Zeiten hilft, Wege der *Mitmenschlichkeit* zu finden. Die *Heilige Schrift der Christen* erzählt davon, dass sich *im Wehnachtsgeschehen die Menschenfreundlichkeit Gottes zeigt*. Es ist schön, von dieser *Menschenfreundlichkeit* umfassen zu werden. Aber noch schöner ist es, diese *Menschenfreundlichkeit* selbst zu leben und in unsere Welt hinein zu tragen. Mit dieser leisen Ermutigung wünsche ich uns allen, dass wir *ein frohes und gesegnetes Weihnachten* feiern können und miteinander in ein neues gutes Jahr gehen.»

Отклики на рождественские обращения главы государства можно разделить на дискурс критиков президента и его политики и на дискурс его сторонников, одобряющих и поддерживающих его призывы и провозглашаемые идеи. Дискурс критиков рождественских обращений президента Й. Гаука содержит публикации с заголовками типа «*Gaucks verlogene Weihnachtsansprache*» (*Лживое рождественское послание Гаука*) и отличается чрезвычайно резкими эмоциональными оценками, что вызвано обострением социальной и криминогенной ситуации в Германии в связи с наплывом иммигрантов. Дискурс сторонников, включая крупные печатные издания, поддерживает ключевую мысль президента и его призыв к солидарности в обществе (www.pi-news.net/.../gaucks-verlogene-weihnachtsansprache).

Анализ вербальной части рождественского видеообращения на микро- и макроуровнях позволяет уточнить значимость разнообразных средств отдельного медиатекста и медиасобытия, разворачивающегося через разные фазы. Это позволяет выявить особенности макротекстовой организации медиатекстов и их совокупности, т. е. частного

дискурса, освещающего медиасобытие [ср.: 2, с. 19]. На лексическом уровне призыв к гражданам проявлять солидарность, взаимопомощь, толерантность выражается многократным использованием ключевых слов, которые аккумулируются в перечислениях и повторах, создавая лейтмотив обращения (послания). Цель исследования на данном этапе анализа заключается в уточнении мотивов для выбора языковых средств на разных фазах развития события, что позволяет понять, как системно нейтральные языковые средства приобретают аксиологические смыслы, будучи погруженными в дискурсивный континуум с известными признаками [2, с. 91]. Следует подчеркнуть, что при определенных обстоятельствах и в определенной комбинации каждая единица лексики и каждая синтаксическая структура могут стать важным дискурсообразующим элементом и реализовать свой стилистический потенциал, оказывая эффективное воздействие на получателя информации и влияя на смысл текста. Помимо этого, в арсенале языка имеются классы стилистических фигур, потенциально связанные с созданием дополнительного стилистического смысла, важного для реализации его прагматической установки [6, с. 69].

Рассматривая взаимодействие и значимость различных компонентов рождественского обращения как реального события и медиасобытия, целесообразно обратиться к разработанной М. Книллом (Knill) «пирамиде убеждения» (Überzeugungspyramide), которая иллюстрирует значимость разных каналов коммуникации (механизмов воздействия). Согласно выводам М. Книлла, наибольшее влияние на реципиента оказывает *личность выступающего* (Persönlichkeit), которая составляет основание пирамиды; далее по значимости воздействия следует *голос оратора* (Stimme), и лишь последнее место (наименьшую часть пирамиды, ее верхушку) составляет *содержание речи* (Inhalt) [12]. Как мы видим, в этой модели учтены не все механизмы (каналы) аудиовизуального воздействия современного рождественского телеобращения, тем не менее, она наглядно демонстрирует роль основных составляющих.

В заключение можно сказать, что рождественское телеобращение главы государства представляет собой сложный семиотически гетерогенный феномен, в котором важную роль играет сочетание и взаимодействие различных каналов коммуникации. Совокупность анализируемых текстов рождественских обращений глав государства (частный медиадискурс), на наш взгляд, можно понимать как одно

медиасобытие, разворачивающееся во времени и пространстве, проходящее при этом определенные фазы развития и связанное с ценностным контекстом. Объектом анализа и интерпретации могут быть либо отдельные медиатексты, входящие в данный корпус, либо весь корпус (его репрезентативный сегмент).

Думается, что можно говорить о совокупности высказываний на тему «Рождество Христово» как об одном из вневременных дискурсов культурной памяти. Дискурс рождественских обращений (посланий) политических и религиозных лидеров государств является в этом случае одним из конститuentов данного общего сквозного дискурса. При этом с точки зрения существования данного дискурса в памяти культуры не имеет значения, *кто* именно говорил тот или иной глава государства по поводу Рождества. Важно, что совокупность высказываний на данную тему образует дискурс, который имеет давнюю историю, развивается во времени и в пространстве, пересекая границы эпох и культур и сохраняя ряд константных признаков, несмотря на закономерный характер их трансформации¹.

К важнейшим характеристикам рождественского обращения как медиасобытия и реального события относится его ориентированность на достижение консенсуса в обществе, что обусловлено самой идеей Рождества и находит вербальное выражение в языковых средствах всех уровней.

¹Цит. по: [7, с. 610, 613].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. *Гришаева Л.И.* Парадоксы медиалингвистики. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. – 295 с.
3. *Мурзинова И.А.* Лингвокультурный типаж «британская королева»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2009. – 24 с.
4. *Ризель Э.Г.* К вопросу об иерархии стилистических систем и основных текстологических единиц // Из научного наследия профессора Э.Г.Ризель: к 100-летию со дня рождения / сост. Н. В. Любимова, Г. М. Фадеева. – М.: МГЛУ, 2006. – С. 67–81.
5. *Фадеева Г.М.* «Лексикон – текст – дискурс» с позиций исследовательской практики // Язык в мире дискурсов. – М.: МГЛУ, 2009. – С. 90–99 (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 559. Сер. Языкознание).
6. *Фадеева Г.М.* Стилистические аспекты лексикона немецкого экологического дискурса // Лексикология и фразеология: актуальные проблемы и решения. – Ч. 2. – М.: ИПК МГЛУ «Рема» 2011. – С. 58–71. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 19 (625). Сер. Языкознание).
7. *Фадеева Г.М.* О понятии вневременный дискурс на материале «Максим и рефлексий» И.В.Гёте // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. – С. 608–616. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 6 (717). Сер. Языкознание и литературоведение).
8. *Eroms H.-D.* Stil und Stilistik. – Berlin : Erich Schmidt, 2008. – 255 S.
9. *Girnth H.* Sprache und Sprachverwendung in der Politik. – Tübingen : Max Niemeyer, 2002. – 127 S.
10. *Girnth H., Michel S.* Von diskursiven Sprechhandlungen bis Studiodekorationen // Der Sprachdienst. – 2007. – # 3. – S. 85–99.
11. *Jung M.* Linguistische Diskursgeschichte // Öffentlicher Sprachgebrauch. Praktische und historische Perspektiven. Georg Stötzel zum 60. Geburtstag gewidmet / K. Böke, M. Jung, M. Wengeler (Hrsg.) – Opladen : Westdeutscher Verlag, 1996. – S. 453–472.
12. *Knill M.* Beeinflussung – Manipulation – Propaganda. – URL: <http://www.rhetorik.ch/Beeinflussen/Beeinflussen.html>

УДК 81'33

А. Ю. Хахалева

преподаватель кафедры интегрированного языкового обучения в профессиональной деятельности факультета непрерывного образования, МГЛУ;
e-mail: mglu04@mail.ru

ПОЛИМОДАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ПРЕЗЕНТАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО СОБЫТИЯ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются особенности употребления полимодальных средств в интернет-дискурсе на материале информационного бюллетеня. Автор анализирует взаимодействие графического и вербального компонентов текстов ньюслеттер, распространяемых посредством Интернета, в процессе интерпретации коммуникативного события. Подчеркивается, что невербальная составляющая играет важную роль, делая восприятие информации более удобным, повторяет и дополняет текстовый компонент.

Ключевые слова: интернет-дискурс; интернет-коммуникация; коммуникативное событие; PR-дискурс; информационный бюллетень; полимодальность.

Khakhaleva A. Yu.

Lecturer, Department of Integrated Language Teaching in Professional Activities, Faculty of Continuing Education, MSLU; e-mail: mglu04@mail.ru

MULTIMODAL MEANS OF PRESENTING A COMMUNICATIVE EVENT IN INTERNET DISCOURSE

The article considers the use of multimodal means in Internet discourse, taking information bulletin as an example. The author analyses the interaction of the graphic and verbal components of newsletters texts distributed via Internet in the process of interpretation of a communicative event. It is underlined that the non-verbal component plays an important role, making the perception of information more convenient; it replicates and complements the text component.

Key words: Internet discourse; Internet communication; PR-discourse; information bulletin; multimodality.

Интернет-дискурс понимается как «совокупность сетевых продуктов, созданных и существующих в виртуально-реальных условиях, в рамках лингвистического и паралингвистического контекста и воспринимаемые адресатом с учетом реализующейся коммуникативной и когнитивной деятельности» [2, с. 65]. Тексты PR-дискурса часто распространяются посредством Интернета; это позволяет рассматривать PR как разновидность интернет-дискурса. PR-дискурс играет важную роль в организации успешной деятельности частных лиц и компаний.

Объектом нашего исследования стал PR в сфере экономики. Одним из жанров PR-дискурса, широко используемых компаниями, является информационный бюллетень (*англ. newsletter*). Он определяется как периодическое издание, которое рассказывает о текущих новостях и событиях предприятия, объясняет философию и политику фирмы [3]. Интернет является наиболее популярным средством распространения информационного бюллетеня: онлайн-версия регулярно рассылается подписчикам по электронной почте. В целевую аудиторию могут входить как сотрудники компаний (внутренняя общественность), так и потребители, акционеры, конкуренты (внешняя общественность). Основные коммуникативные функции информационного бюллетеня – информирующая и воздействующая.

Акт взаимодействия между компанией и целевой аудиторией посредством информационного бюллетеня – это *коммуникативное событие*, составляющей которого является процесс интерпретации. Успешность данного процесса зависит от многих факторов, включая личность интерпретатора (представителя целевой аудитории). Рассмотрим, какие средства используются создателями информационного бюллетеня для того, чтобы интерпретация события происходила в направлении, соответствующем целям компании.

Важную роль в презентации коммуникативного события в рамках интернет-дискурса играет невербальная составляющая. По мнению Г.Г.Слышкина и М.А.Ефремовой, благодаря развитию онлайн-коммуникации в XX – начале XXI вв., невербальный компонент дискурса приобретает все большее значение, в то время как полностью вербальные произведения, свободные от элементов других семиотических систем, отходят на второй план [5]. В процессе формирования смысла языковые знаки различных семиотических систем не используются отдельно друг от друга, а взаимодействуют для формирования единого смысла в сознании реципиента [1]. Проанализируем этот процесс на материале ньюслеттер компаний «Apple», «Coca-Cola» и «PepsiCo».

В качестве первого примера использован информационный бюллетень компании «Apple» (см. рис. 1), который имеет формат страницы А4 для удобства восприятия. Текст информационного бюллетеня ориентирован на пользователей современных технических средств, что подтверждается употреблением лексических единиц *download the update, connect iPhone to computer, AirPrint* (технология беспроводной печати) и др.

Our best software update yet. Your best iPhone yet.

The free iOS 4.2 Software Update is our best yet. And it brings all-new features to your iPhone. Just connect your iPhone to your computer to download the update today. [Learn more about iOS 4.2](#)

Get iOS 4.2 for all your devices. This update is available for iPad, iPhone, and iPod touch.

4.2 iOS 4.2 Software Update Features

Here are just a few of the new features you'll get when you update your iPhone to iOS 4.2.

AirPrint

With just a few taps, wirelessly print photos, email, web pages, and more from your iPhone to an AirPrint-enabled printer.

AirPlay

Wirelessly stream music, photos, and video to your Apple TV. Or stream music to your AirPlay-enabled speakers and receivers.

Find My iPhone

Locate your missing iPhone on a map, display a message, set a passcode lock, or initiate a remote wipe to delete your data.*

Once you download iOS 4.2, it's easy to activate this feature on your iPhone. All it takes is a few steps. [Learn how to set up Find My iPhone](#)

Never updated before? iOS 4.2 also gives you all the features of iOS 4, including:

- Multitasking**
Run your favorite third-party apps and switch between them instantly.
- Folders**
Organize apps into folders with drag-and-drop simplicity.
- Even Better Mail**
See all your messages together in a unified inbox, organize messages by threads, and more.

Update to iOS 4.2 and get all these great features. [Learn more](#)

Рис. 1. Информационный бюллетень компании «Apple»

Изображения представляют собой важную часть данного информационного бюллетеня: более крупные и мелкие картинки, которые по форме напоминают иконки из меню смартфона Apple. Картинки повторяют содержание кратких текстовых отрывков, посвященных последним инновациям компании. Например, предложение *this update is available for iPad, iPhone and iPod* сопровождается визуальным изображением соответствующих устройств; предложение *wirelessly print photos ... from your iPhone to an AirPrint-enabled printer* проиллюстрировано изображением принтера, на котором осуществляется печать с iPhone.

Благодаря тому, что полимодальная презентация данных подразумевает смену кодов, обеспечивающую переключение внимания реципиента [4], использование изображений в тексте ньюслеттер облегчает восприятие представленной информации.

Поскольку ньюслеттер рассылается по электронной почте, вероятность того, что он может остаться без внимания адресата, весьма велика. Получатель может просто удалить сообщение, не заинтересовавшее его или слишком перегруженное информацией. Чтобы не размещать большие текстовые отрывки в письме с информационным бюллетенем, создатели ньюслеттер активно используют гипертекст: каждый текстовый отрывок состоит максимум из двух предложений, сопровождающихся ссылкой. Перейдя по ней или нажав на «иконки», можно загрузить обновления для iPhone, музыку и новые полезные программы. Например, согласно информации бюллетеня, программа Find My iPhone позволяет определить расположение потерянного смартфона на карте, заблокировать его, сменив пароль или удалить из него персональные данные. В этом информационном бюллетене гипертекстовость служит для удобства адресата.

Данный ньюслеттер направлен на информирование читателя о нововведениях и привлечение внимания к продукции «Apple»; изображения позволяют сделать сообщение более наглядным, а использование технологий – удобным и доступным.

Компании стремятся приурочить рассылку информационного бюллетеня к различным общественно значимым событиям, например к праздникам. Данный подход активно использует «Coca-Cola» для повышения популярности своей продукции и закрепления в сознании покупателя идеи о том, что продукция является важным элементом праздника «Coca-Cola». Например, специальное издание

информационного бюллетеня от 23 декабря 2015 г. посвящено Рождеству (см. рис. 2). В соответствии с требованиями к оформлению ньюслеттер текст составлен из небольших отрывков, указывающих на основное содержание статьи, которые можно прочитать, перейдя на официальный сайт по ссылке *Read More*. Каждый из отрывков отнесен к определенной рубрике (*History, Culture, Innovation, Community*) в соответствии с тем, о каком событии он информирует читателя, и имеет свой яркий заголовок (*Holiday Dream Comes True*). Визуальные образы, ассоциирующиеся с празднованием Рождества, иллюстрируют данные текстовые отрывки. Так, картинка с изображением Санта-Клауса сопровождает текст, посвященный роли компании «Coca-Cola» в создании этого образа: *Did you know Coca-Cola helped shape the image of Santa?* Неотъемлемая часть рождественской кампании «Coca-Cola» – украшенные гирляндами красочные грузовики с символикой компании – также передает атмосферу праздника за счет устойчивых ассоциаций (*Coke's Holiday Trucks Roll On*).

Рис. 2. Фрагмент информационного бюллетеня компании «Coca-Cola» «Coca-Cola Christmas Newsletter»

Таким образом, воздействие на читателя достигается за счет превращения продукции в один из важных компонентов сценария празднования, а информация о ней представляется в контексте, связанном с положительными эмоциями (встреча с родственниками и друзьями, подарки, отдых, прогулки, приятное времяпрепровождение). Еще один пример праздничного ньюслеттер компании «Coca-Cola» – рассылка, посвященная празднику Хэллоуин (см. рис. 3 и 3а).

Enter Fanta's Spooky Snack Lab

Fanta lava lamps? See how you can make one at home. TV personality Evette Rios serves up an array of spooktacular DIY Halloween ideas and Fanta recipes that are frightfully easy to make.

5 Spooky Ghost Towns

There are around 25,000 to 35,000 ghost towns in the U.S. Here are five haunting locations that are worth the trek.

Рис. 3. Фрагмент информационного бюллетеня компании «Coca-Cola» «10 Things That Go Better With Coke»

Haunted Houses Go Hollywood

Thrill seekers beware! These haunted attractions across the U.S. are taking their scare tactics to the next level with Hollywood effects.

Candied Apples

Sink your fangs into this tasty Halloween treat made with Honest Tea.

Black Tea

Рис. 3а. Фрагмент информационного бюллетеня компании «Coca-Cola» «10 Things That Go Better With Coke»

Текст информационного бюллетеня имеет заголовок «10 Things That Go Better With Coke (Fall Edition)» и содержит краткие тематические отрывки, сопровождающиеся ссылками «Read More». Картинки и фотографии повторяют содержание текстовых отрывков и изображают типичные атрибуты празднования: угощения из яблок (*candied apples*); традиционные фонари, вырезанные из тыквы (*jack-o'-lantern*); костюмы и маски волшебных существ. В текстах содержится лексика, связанная с празднованием Хэллоуин (*treat, ghost, thrill, haunted attractions, scare tactics*), передающая атмосферу праздника (*spooky snack lab, frightfully easy to make*), и стилистически окрашенные выражения (*sink your fangs into this tasty Halloween treat, spooktacular*).

Данный информационный бюллетень интересен не только детям, но и взрослым: он содержит информацию, которая может быть использована при подготовке тематических вечеринок, детского праздника (*Enter Fanta's Spooky Snack Lab*) или организации поездки (*5 Spooky Ghost Towns, Haunted Houses Go Hollywood*). Благодаря этому значительно повышается вероятность того, что данный текст привлечет внимание читателя. Текст ньюслеттер связывает празднование

Хэллоуина с продукцией «Coca-Cola», делая ее неотъемлемой частью сценария праздника.

Другая стратегия, используемая компаниями для достижения эффективной коммуникации, – акцентирование внимания на общественно значимых аспектах их деятельности. Например, компания «PepsiCo» посвятила ньюслеттер от 28 апреля 2015 г. проблеме занятости (см. рис. 4).

Рис. 4. Информационный бюллетень компании «PepsiCo»

Первый отрывок посвящен проблеме создания рабочих мест для женщин. Он сообщает о том, что «PepsiCo» стала одним из лидеров в рамках программы «Opportunity Now»: *PepsiCo UK also recently won the Advancing Women Award through Opportunity Now.* Для иллюстрации события используется фотография трех женщин, которые, очевидно, являются сотрудницами компании и организаторами премии «Top 50 Employers for Women». Одна из женщин держит в руках символ премии. Фотография визуализирует процесс вручения награды и имеет информирующую функцию. Кроме того, изображение дополняет

содержание текста: поскольку в жанрах PR-дискурса не подразумевается прямая положительная оценка деятельности компании, создатели текстов информационного бюллетеня ограничены в возможности использования лексических средств. Данный PR-текст только сообщает о факте получения награды, в то время как картинка изображает положительные эмоции (улыбки на лицах трех женщин), связанные с деятельностью компании.

Второй отрывок в информационном бюллетене «PepsiCo» посвящен решению компании поддержать программу «Movement to Work», направленную на обеспечение занятости молодежи: *PepsiCo UK will be supporting 'Movement to Work'*. В качестве иллюстрации используется логотип проекта, выступающий в роли знака-символа.

Вопросы занятости и равноправия полов в обществе остаются важными, обращаясь к ним, компании затрагивают темы, интересующие многих потенциальных потребителей. За счет этого достигается упрочение репутации компании.

На основе проанализированных примеров можно сделать вывод о том, что графические изображения в информационном бюллетене играют важную роль, не только поддерживая, но и дополняя содержание текстового компонента. Средства полимодальности служат для удобства читателя и помогают передать больший объем информации на ограниченном пространстве. Полимодальность является распространенным инструментом в интернет-дискурсе и способствует достижению цели PR-коммуникации компании, обеспечивая эффективность присущих ей таких коммуникативных событий, как информационный бюллетень, послуживший предметом рассмотрения в настоящей статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Волоскович А. М.* Процессы гибридизации в тексте: семиотическая модальность // Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий: Коллективная монография / под ред. И. И. Халеевой. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 198–317.
2. *Горина Е. В.* Дискурс Интернета: определение понятия и методология исследования // Вопросы теории и практики: в 2 ч. – Ч. II. – № 11 (41). – С. 64–67. (Филологические науки).
3. *Кривонос А. Д.* PR-текст в системе публичных коммуникаций – изд. 2-е, доп. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. – 288 с.

4. Куликова О. В. Формирование корпоративной идентичности в полимодальном дискурсе печатной рекламы // Институциональный дискурс в лингвокогнитивных исследованиях языка специальности. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. – С. 9–21. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 9 (720). Сер. Образование и педагогические науки).
5. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). – М. : Водолей Publishers, 2004. – 153 с.

УДК 81`38:42

К. И. Шпетный

кандидат филологических наук, профессор кафедры стилистики английского языка факультета английского языка МГЛУ; e-mail: kon5804@yandex.ru

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОРАТОРСКОГО ДИСКУРСА В ДИАХРОНИИ (ЧАСТЬ II¹)

Искусство красноречия и его артефакты являются вербально-историческим событием. Их предназначение – в сложные исторические периоды дать людям ясное понимание происходивших событий при переходе от сложившихся порядков к новым условиям. Красноречие оратора является особым и редким даром Божиим. В литературе описаны лингвистические особенности ораторских дискурсов шести выдающихся риториков – от М. В. Ломоносова в России в XVIII в. до Comandante Фиделя Кастро Рус на Кубе в XX–XXI вв. На смену византийскому стилю (формируется в V–IV вв. до Р. Х.), для которого характерно обилие средств речевой выразительности, приходят большая простота и ясность изложения. С позиций когнитивно-стилистического метода исследования предлагается периодизация истории возникновения и развития искусства красноречия.

Ключевые слова: красноречие; событие; когнитивная наука; ораторский дискурс; лингвостилистика; средства образности; проповедь; ясность изложения.

Shpetny C. I.

Ph. D. (Philology), Professor, Department of English Stylistics, Faculty of the English Language, MSLU; e-mail: kon5804@yandex.ru

LINGUOSTYLISTIC FEATURES OF ORATORY DISCOURSE IN DIACHRONY (PART II)

The art of eloquence and its artifacts are a verbal-historic event. The aim is offering people at the turn of major historic developments a clearer understanding of new realities. Oratory subsists as a special and rare gift of God. Linguistic features of the oratory discourse of six distinguished orators are revealed – from M. V. Lomonosov in Russia in the XVIII century up to Comandante F. C. Rus in Cuba

¹ Настоящая статья является второй в серии из двух статей, посвященных исследованию ораторского дискурса в диахронии. См. *К. И. Шпетный. Стилистические характеристики ораторского дискурса в диахронии // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. – Ч. I. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. – С. 672–689. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 6 (717). Языкознание и литературоведение).* – URL: vestnik-mslu.ru.

in the XX–XXI centuries. The Byzantine style of eloquence formed up in the V–VI centuries B.C. characterized by abundance of imagery is changed for simpleness and clearness of narration. The cognitive-stylistic method of research avails of tendering systematized periods in the history of the art of eloquence.

Key words: eloquence; event; cognitive science; discourse; oratory; linguistic stylistics; imagery; homily; clearness of narration.

Понятие «событие» впервые возникло, вероятно, в исторической науке. Она обычно представляет историю как множество произошедших событий – некоторых фрагментов прошлого. Событие означает нечто выходящее за рамки обычной жизни и поэтому со-причастное истории. Событие и его индивидуальность есть со-бытие, или сосуществование в том мире, в котором личность разделяет его с другими индивидуумами [10].

Событием обозначается то, что индивидуализируется и становится уникальным. В отличие от пассивного явления, оно обретает автономность и индивидуальность. По отношению к событию возникает вопрос о соотношении события и времени.

Ю. М. Лотман говорит о взрывном характере событийного времени всякий раз, когда событие «предъявляет» себя наблюдателю, оно влечет за собой радикальные изменения, обновляющие и трансформирующие систему, в которой оно себя проявило [7]. Событие мыслится как то, что произошло, хотя могло и не произойти.

Искусство красноречия, как событие едва ли не уникальное, неизменно занимает особое место в истории человеческой мысли и практики. Оно издревле высоко ценилось всеми просвещенными людьми, имея своим предназначением **преподнести человечеству в сложные исторические периоды ясное понимание происходящих событий** при переходе от сложившихся порядков, обычаев и традиций к изменившимся условиям, нововведениям и инновациям.

Совсем не случайно автором настоящего исследования выделены и описаны лингвистические особенности ораторских дискурсов (всего 12 выдающихся раторов) – от Аристотеля до Comandante Фиделя Кастро Рус., которые отражают вполне закономерные вербально-исторические события в искусстве красноречия за всю его историю существования протяженностью в 2 500 лет.

В Части I данного исследования рассматривались лингвистические характеристики ораторского дискурса в период с V–IV вв. до Р.Х. до XV–XVI вв. по Р.Х.

Во второй части представлены результаты исследования ораторского искусства в дискурсах периода с XVII–XVIII по Р. Х. до настоящего времени – XX–XXI вв.

В эпоху Просвещения (*англ.* The Enlightenment, *нем.* Zeitalter der Aufklärung, *фр.* Siècle des Lumières) – центр искусства красноречия перемещается из греко-латинской парадигмы в пространство Российской Империи, где трудами, в первую очередь, выдающегося русского ученого М. В. Ломоносова и других замечательных риторов оно получает новое дыхание и дальнейшее развитие. Два труда М. В. Ломоносова посвящены искусству красноречия: «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия» (1743) и «Краткое руководство к красноречию» (1748). Книги, показывающие общие правила обоего красноречия, т. е. оратории и поэзии, «сочиненная в пользу любящих словесные науки» (1748), явились во многом новаторскими [6]. Как позже напишет академик В. В. Виноградов, в них «были не только заложены основы стилистики русского языка, но и предначертан проект ее будущего величественного здания» [2, с. 3].

По мнению М. В. Ломоносова, «риторика есть учение о красноречии вообще»:

§ 1. Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению. Предложенная по сему искусству материя называется речь или слово.

§ 2. К приобретению оного требуется пять следующих средств: первое – природные дарования, второе – наука, третье – подражание авторов, четвертое – упражнение в сочинении, пятое – знание других наук.

§ 3. Природные дарования разделяются на душевные и телесные ...

§ 4. Наука состоит в познании нужных правил, которые показывают подлинный путь к красноречию ...

§ 5. Изучению правил следует подражание авторов, в красноречии славных, которые учащимся едва не больше нужно, нежели самые лучшие правила ...

§ 6. Подражание требует, чтобы часто упражняться в сочинении разных слов. От беспрестанного упражнения возросло красноречие древних авторов ... [5, с. 13–17].

Здесь М. В. Ломоносов прямо подчеркивает преемственность отечественной риторики в искусстве красноречия риторов прошлого классического периода: «Сие прежде началось у греков, а потом уже в Риме возвысилось на самый высочайший степень» [5, с. 13–17].

Ораторских дискурсов в прозе у М. В. Ломоносова немного; он обычно воплощал свои принципы красноречия в стихотворной форме торжественных од. Подобно Аристотелю, М. В. Ломоносов вошел в историю риторического искусства скорее как ученый-теоретик красноречия.

Стиль изложения речи русского ритора и витии отличает книжная высокопарность и подчас выпренность обращений, сопровождаемые сложными лексическими, грамматическими и синтаксическими оборотами, пышными метафорическими сравнениями, «цветистостью» стилистических оборотов, так свойственных эпохе просвещенного разума.

Объем нижеприводимого в отрывках панегирика на освящение Академии Художеств России, написанного в связи с празднованием годовщины коронации Императрицы Екатерины II, составляет 2000 слов. Приведем отрывок из зачина:

Слово благодарственное Е[я] И[мператорскому] В[еличеству] на освящение Академии художеств, именем Ея говоренное

Радеть о благоденствии общества, защищать оное прозорливым мужеством, управлять милосердным правосудием, обогащать домостроительством и купечеством, просвещать науками, украшать художествами есть великих монархов упражнение, какового довольные радостные примеры и двулетное еще только благословенного царствования Вашего Императорского Величества оказанныя, ободряют благополучную Россию.

Нынешний день умножает ясныя доказательства неусыпного попечения Вашего о приращении общих удовольствий торжественным освящением сего важного учреждения, простирающегося к украшению Отечества, к увеселению народа, ко введению в России дивных дел, почитаемых издревле от всего света, к похвальному употреблению домашних избытков, к поселению в России трудолюбия и ко всеконечному истреблению невежества.

Коль великого уважения достойно такое благодеяние, за которое тем большее должно воздавать благодарение, чем обширнее распространяется пользою! Хотя оную и не всяк ныне объемлет и мыслям представляет, чего со временем ожидать должно, однако просвещенное сие собрание любителей, почитающих искусства, а паче сия расцветающая под всемилостивейшим покровом Вашего Императорского Величества Художеств Академия изображает ясно и благодарности своя чувства по достоинству изъявить усердствует, что не токмо слабым моим словом, но ниже самым полным красноречием начертано быть может [6].

М. В. Ломоносову блестяще располагает слушателей к себе и к содержанию ораторской хвалебной речи, использует обусловленные духом эпохи и придворным этикетом фигуры преувеличения, возгревает благочестивые чувства и эмоции внимающих его словам, обрисовывает подлинную значимость торжества и вдохновенно напоминает Государыне Императрице Екатерине II и всем присутствующим на освящении Академии Художеств о важнейших свершениях Монарха и народа Российского на благо Отечества¹.

В России наблюдается расцвет и других видов речевого красноречия, в частности судебного и военного.

Как отмечает составитель и редактор книги речей русских адвокатов Е. Л. Рожникова, «ни одна страна в мире в течение одного столетия не произвела на свет больше гениев, чем Россия в XIX в. Развитие получили все направления искусства и науки, в том числе и юриспруденция» [10, с. 3].

Русские юристы были всесторонне образованными людьми, уверенно владели ораторским искусством, их речи отличались остроумием и безупречной логикой.

Самым ярким представителем и теоретиком судебного ораторского искусства является выпускник юридического факультета МГУ А. Ф. Кони. Он быстро завоевывает известность как блестящий оратор. Речи А. Ф. Кони только при его жизни издаются четыре раза. Его перу принадлежат критические статьи «Искусство речи на суде» и «Советы лекторам» как теоретические работы по ораторскому искусству [4, с. 6–15; 10].

А. Ф. Кони справедливо называют создателем русской школы судебного красноречия, продолжающего славные традиции создателей теории риторики: «Он в редкой степени обладал способностью, – пишет В. Соловьев, – отличавшей лучших представителей античного красноречия: он умеет в своем слове увеличивать объем вещей, не извращая отношения, в котором они находились в действительности» [10, с. 10]. Его личностные качества, по мнению современников,

¹ Неизвестные обстоятельства задержали ход утверждения регламента и штата Академии Художеств, и инаугурация состоялась 7 июля 1765 г., т. е. уже после смерти М. В. Ломоносова. Данная речь, которую он как член Академии (слово 275) собирался произносить от имени последней, произнесена им не была. Вместо М. В. Ломоносова с речью выступил иеромонах Платон, будущий Московский Митрополит.

характеризуют А. Ф. Кони как человека высоких нравственных принципов: честного, интеллигентного и человеколюбивого.

А. Ф. Кони чужд распространенный ораторский прием – музыкой слова, размеренностью и четкостью формы речи обязательно склонить слушателей на свою сторону. Он стремится облегчить слушателям восприятие основного содержания своих судебных речей. Вот пример предисловия (зачина) одного из его судебных дискурсов, общий объем которого составляет 5 200 слов:

Судебные дела

По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем

Господа судьи, господа присяжные заседатели!

Вашему рассмотрению подлежат самые разнообразные по своей внутренней обстановке дела, где свидетельские показания дышат таким здравым смыслом, проникнуты такою искренностью и правдивостью и нередко отличаются такою образностью, что задача судебной власти становится очень легка. Остается сгруппировать все эти свидетельские показания, и тогда они сами собою составят картину, которая в вашем уме создаст известное определенное представление о деле. Но бывают дела другого рода, где свидетельские показания имеют совершенно иной характер, они сбивчивы, неясны, туманны, где свидетели о многом умалчивают, многие боятся сказать, являя перед нами пример уклончивого недоговаривания и далеко не полной искренности. Я не ошибусь, сказав, что настоящее дело принадлежит к последнему разряду, но не ошибусь также, прибавив, что это не должно останавливать вас, судей, в строго беспристрастном и особенно внимательном отношении к каждой подробности в нем. Если в нем много наносных элементов, если оно несколько затемнено неискренностью и отсутствием полной ясности в показаниях свидетелей, если в нем представляются некоторые противоречия, тем выше задача обнаружить истину, тем больше усилий ума, совести и внимания следует употребить для знания правды. Задача становится труднее, но не делается неразрешимой [1, с. 117].

Речь А. Ф. Кони на самом процессе была столь яркой и убедительной, что присяжные выносят свой приговор Емельянову: «Да, виновен».

Судебные дискурсы А. Ф. Кони характеризуются неповторимостью силы представления, филигранностью отделки изложения, высокой художественностью качества презентации. Он говорит образным языком, подчас умело пользуясь поговорками, афоризмами, литературными образами, активно использует метафоры и сравнения.

Известный в дореволюционное время в России адвокат О. О. Грузенберг в одном из писем к А. Ф. Кони (30 декабря 1923 г.) пишет так: «Вы создатель русского судебного слова и в то же время творец таких форм его, что не многим удалось не только что сравниться, но даже близко подойти к ним» [10, с. 20].

В XX в. лучшие традиции красноречия последовательно развиваются в проповедях иерархов Русской Православной Церкви, прежде всего, в ораторских дискурсах Митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича).

Имя Митрополита Крутицкого и Коломенского Николая «вполне закономерно может быть включено в число выдающихся ораторов, которых на протяжении веков дала Христианская Церковь» [8, с. 7]. В печатном органе Русской Православной Церкви – «Журнале Московской Патриархии» – в течение ряда лет из номера в номер печатались его проповеди. Они вышли также в отдельном издании в четырех томах, один из которых (первый) был переведен на французский язык.

Названия целого ряда его ораторских дискурсов свидетельствуют о несомненном литературном даре автора: *Новогодние думы; Зов Христа; Иго и бремя Христовы; Правило жизни; Слово Божие; Божий дар, Радости веры; Пасхальная радость; О радости; Осенние думы; Корабль; Победа.*

Объем его дискурсов, как правило, невелик. Они сообразуются с временными возможностями звучания слов и поучений к пастве при православном богослужении и составляют в среднем 600 слов.

В зачине (предисловии) Святитель нередко приводит цитату из Священного Писания Нового и Ветхого Завета, опираясь на содержание которых он разворачивает проникновенное обращение к слушателям:

Ты надежда моя, Господи Боже, упование мое от юности моей (Пс. 70, 5);

Ищите прежде Царствия Божия и правды Его (Мф. 6, 33). – Приидите ко мне, все труждающиеся и обремененные, и Я упокою вас (Мф. 11, 28);

Иго Мое благо, и бремя Мое легко есть (Мф. 11, 30);

Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки (Мф. 7, 12);

Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром (Лк. 2, 29).

Иногда он ссылается на великого ритора Святителя Иоанна Златоуста:

Св. Иоанн Златоуст говорил однажды своим слушателям: «Все мы стремимся к радостям, но не все умеем находить путь к ним».

Изложение дискурса раскрывает смысл приводимого высказывания так, как его видит и понимает Митрополит Николай с позиций сегодняшнего дня и заботы о пастве своего Отечества.

Способ убеждения в его проповедях – это безмерная вера самого Митрополита Николая в Спасителя Иисуса Христа, пришедшего в мир для его спасения, оформляемая образами, производящими глубокое впечатление, и словами, понятными любому человеку.

Выразительность и образность слов Святителя Николая ставят его в один ряд с экспрессивностью слов и поучение великих риторов прошлого. В качестве примера приведем отрывки из его проповеди *Осенние думы* (860 слов), произнесенной буквально на едином дыхании, где использован стилистический прием развернутой метафоры – метафорическое сравнение истин бытия, кратковременности жизни земного человека и сменности времен года в Богом данной природе – весны, лета, осени, зимы:

Осенние думы

Со страниц Священного Писания мы видим, что, часто, поясняя истины Своего Божественного учения, Господь наш Иисус Христос приводим примеры из жизни природы (см. Мф. 6, 28-29; Ин. 4, 35; Мк. 13, 28).

И мы с вами, послушные заветам Своего Божественного Учителя, бросим наш мысленный взгляд в эти дни поздней осени на просторы лесов, полей, лугов. Что мы сейчас видим там?

Деревья сбрасывают с себя засохшие листочки и оголяют свои ветви; трава сохнет, никнет, темнеет; цветы завяли и погибают; ветер кружит опавшие листья по дорогам и тропинкам; часто моросит мелкий дождь. А на полях? Хлеб уже убран, поля почернели ... Природа умирает медленной смертью.

А ведь недавно была весна в природе: раскрывались деревья, покрывались цветами луга, сады; весело щебетали птицы. Природа ликовала, переживая свой расцвет. Было и лето, когда природа цвела и зрела во всем блеске своей силы и красоты, когда она дышала тысячами разнообразных ароматов своих цветов, когда на полях колыхались густые ряды колосьев жита, пшеницы.

Но ... прошла весна, окончилось лето, наступила неизбежная осень, пору которой переживаем мы сейчас.

Разве не говорит нам – так властно, так ярко – эта осень в природе об осени человеческой жизни, о той осени, в которую вступили уже многие из нас и вступят те, кто еще идет тем же неизбежным путем к этой поре? Серебром покрывается голова человека, со всей силой открываются все таившиеся раньше болезни ... руки и ноги теряют свою крепость и силу, мутнеет зрение, слабеет слух, угасают все жизненные силы.

А была весна и у каждого из нас, когда в дни золотого детства и ранней юности так легко дышалось ... И вот видит человек себя вступившим в осень своей жизни ...

Осень в природе – это время созревания плодов, время сбора урожая. И каждый из нас, к осени своей жизни, должен стать богатым плодами любви к Богу и ближнему ...

Каждый из нас, детей Божиих, должен быть живым колосом на ниве христианской жизни.

Мы знаем, что за осенью идет неизбежная зима. Земля обледенеет и покроется снежным саваном. Холод скует льдом озера и реки, заснет природа. Но знаем мы и то, что опять придет весна ...

И знает каждый из нас, что за осенью его жизни его ждет неотвратимая смерть. И холодом будет сковано наше бездыханное тело, и земля примет это тело в свои объятия и саваном своим покроет его.

Но никто из людей не умирает, хотя бездыханное тело его и опускается в землю, почему и умерший на церковном языке зовется «усопшим», то есть уснувшим ... [8].

Не менее значительным феноменом миссии христианской церкви в XX в. и ярким событием в истории ораторского искусства являются гомилии святителя Николая Сербского (*серб.* Епископ Николај Велимировић, в миру Никола Велимирович – епископ Охридский и Жичский Сербской Православной Церкви).

Крупнейший богослов современной Православной Церкви, философ, почетный доктор нескольких всемирно известных университетов, Святитель Николай является самой крупной фигурой в сербской духовной литературе. Его по праву называют Сербским Златоустом. После освобождения в мае 1945 г. из концентрационного лагеря Дахау он не возвращается в Югославию и переезжает в США, где пребывает в монастыре Святителя Тихона Задонского. Святитель Николай канонизирован в мае 2003 г. в Белграде.

Литературные и богословские труды святителя, написанные простым и доступным языком, поражают разнообразием содержания и силой слова, глубиной проникновения в смысл бытия, блестящим мастерством красноречия [9].

Искреннее и глубокое слово Святителя Николая Сербского содержит ответы на очень многие насущные вопросы людей, живущих в середине XX в. уже в эпоху глобализации. Для этого достаточно взглянуть на названия некоторых из его многочисленных ораторских дискурсов: *Библия и сила Божия; О поисках рая на земле; Нет ничего тайного; Мытарь и фарисей; Если должно мне хвалиться, то буду хвалиться немощью моею; Чему дважды удивлялся Господь Иисус Христос?; Почему Господь не смеялся? Что удивляло Господа?*

Подобно другим выдающимся ритором прошлого, Святитель Николай использует цитацию как прием, позволяющий сразу и предметно охватить значение предлагаемого на рассмотрение вопроса. Например, в дискурсе «Вопрос Пилата» он приводит едва ли не самый острый и обычный вопрос неверующего ума всех времен и народов: «Что есть истина?» Приведем предисловие (зачин) дискурса:

Вопрос Пилата

Одна из главных тем богословия – вопрос Пилата, заданный Христу: «Что есть истина?» (Ин.18:38).

Господь ничего не ответил. Он молчал. Почему Он не ответил на вопрос Пилата?

Потому, что вопрос был поставлен неверно. В чем ошибка Пилата? В том, что он спросил: что есть истина? – а не **Кто** есть истина?

Если бы Пилат спросил Христа: **Кто** есть истина? – то, конечно, получил бы ответ, так же как он получил ответ на вопрос: «Ты Царь Иудейский?» (Мф.27:11; Мк.15:2)?

Истина – это **Кто**, а не что.

Истина – это личность, а не предмет.

Изложение предлагает слушателю – неожиданно, возможно, для него самого – возможность задуматься над самыми, казалось бы, обыкновенными вещами в окружающей жизни, о чем здесь и говорится:

Бог есть истина. Как абсолютная, не подлежащая сравнению личность, Бог есть истина.

Следовательно, насколько неверен вопрос: «что есть истина?» – настолько же неверен и вопрос: что есть Бог? Ставить вопрос так столь же ошибочно, сколь ошибочно спрашивать: кто есть камень? кто вода? кто воздух? кто земля? кто огонь? Ибо **кто** можно сказать только о личности, а о предмете – **что**.

Опираясь на это вполне очевидное предположение, Святитель обращается ко дню сегодняшнему в ключевой по смыслу части дискурса:

Неужели мы упрекнем в этой ошибке одного только Пилата? Посмотрите: этот важнейший вопрос не умели верно поставить и многие неоязыческие европейские мыслители: пантеисты¹, материалисты, эпикурейцы и стоики². Всем им свойственно мыслить по образу мышления Пилата, потому-то они спрашивают, как Пилат: что есть истина, а не Кто есть истина.

Они путают истину и факт. Но разве истина и факт не одно и то же? Разве факт не истина?

Простое и ясное изложение, столь доступное для понимания человеку, сменяется далее образами сравнения при сопоставлении фактов и истины.

Нет. Факты – предметы и отношения – предметы, они служат только символами истины, образными иероглифами природы. Это могут быть слова, знаки, «печать» или «мимика» истины, ее предчувствие, – но не сама истина. Истина и факт находятся в таком же соотношении, как писатель и перо. Красочное перо вселенной таинственно повествует людям о величественной личности Писателя, Который есть суть и сущность.

Факты изменчивы и преходящи, истина всегда неизменна (насколько прекрасно и точно сербское слово «истина»³). Весь видимый мир изменчив и преходящ согласно и церковному учению, и науке. Как же может быть истиной то, что временно и переменчиво?

Вечен и неизменен только Бог. Следовательно, только Бог – истина. А Бог – личность.

Кроме Бога, личностями являются люди и Ангелы. И они как личности предназначены для вечности, будучи чадами Бога истинного.

На основе антитезы «что – Кто» ритор делает в заключение бесспорный и блестящий вывод, которому предлагается твердо следовать:

С той поры, когда они начали тихо прорастать, с того дня, когда Сеятель сказал: «Я есмь истина», началась в мире борьба между **что** и **Кто**. Началась она девятнадцать столетий назад, а в наши дни разгорелась так, что охватила весь мир. Об этом должны знать все христиане на земле.

А для того чтобы знать, необходимо понять, насколько вопрос Пилата был неверным и недостойным ответа Христа.

¹ Пантеисты – последователи учения пантеизм, которое утверждает, что «всё есть Бог», т. е. обожествляет Вселенную, природу. По словам А. Шопенгауэра, пантеизм – это прежде всего форма атеизма.

² Стоики – последователи школы греческих философов, основанной в III в. до Р. Х. Согласно учению стоицизма, мудрец обладает силой духа, которую составляют четыре добродетели: *рассудительность, мужество, воздержание и справедливость*.

³ В сербском языке «исто», «исти» – «тот же», «такой же», «неизменный».

Центр искусства ораторской речи в современную эпоху глобализации перемещается на американский континент.

На смену так называемому византийскому стилю (он формируется еще в V–IV вв.), для которого характерны эlegantность формы, богатство и великолепие красок, обилие средств речевой выразительности, привнесение в дискурс золотистых оттенков, некоторая вычурность изложения, во второй половине XX – начале XXI вв. приходят бóльшая простота, ясность и естественность изложения, которые становятся во многом определяющими стилистическими особенностями ораторской речи новейшего времени.

Одним из таких блестящих ораторов является юрист по образованию, государственный и политический деятель Кубы *Comandante* Фидель Кастро Рус. После победы революции 1 января 1959 г. он становится главой Республики Кубы.

Кубинский лидер известен в истории как человек, который произнес самую длинную речь в истории ООН: 26 сентября 1960 г. он потратит 4 часа 29 минут на то, чтобы огласить и обосновать тезис «Когда исчезнет философия грабежа, тогда исчезнет и философия войны» [3]. Это достижение попало в Книгу рекордов Гиннеса и до сих пор остается непревзойденным. Однако это далеко не единственная его длинная и пламенная речь. На III съезде Коммунистической партии в Гаване в 1986 г. он держит внимание зала, по одним свидетельствам, 7 часов 10 минут, по данным АН Cuba-vision, – 27 часов. По этому параметру ораторский дискурс *Comandante* Фиделя Кастро может сравнить только с дискурсами Святителю Иоанна Златоуста.

Приведем примеры из ораторского дискурса *Comandante* Фиделя Кастро, речи, которую он произнес 2 января 1969 г. по случаю 10-й годовщины победы Кубинской революции. Ее общий объем составляет 12 300 слов [3].

В плане архитектоники дискурс вполне соответствует тем принципам и структуре, которые были определены в IV в. Аристотелем: предисловие, изложение, способ убеждения, заключение.

Вот заголовок дискурса и его предисловие, где *Comandante* рассказывает об особенностях празднования 10-й годовщины кубинской революции, в год, когда не проводится военный парад вследствие напряженной работы и больших трудов на сафре (уборке сахарного тростника):

**Discurso pronunciado por el Comandante Fidel Castro Ruz,
Primer Secretario del Comité Central del Partido Comunista de Cuba
y Primer Ministro del Gobierno Revolucionario,
al conmemorarse el X aniversario del triunfo de la Rebelión,
en la Plaza de la Revolución, el 2 de Enero de 1969**

(Departamento de Versiones Taquigraficas del Gobierno Revolucionario)

Señores invitados;

Trabajadores:

En este X aniversario nuestra conmemoración se caracteriza por la sencillez. No hay desfile militar, a pesar de que habíamos considerado en el X aniversario una posible conmemoración con desfile militar. Pero en realidad ha sido este un año de duro trabajo, ha sido un año de grandes esfuerzos en todos los campos, de grandes ahorros en todos los sentidos, y en el que cada hombre y cada mujer de nuestro país han tenido que jugar un rol importante. Y como más esencial para nosotros era el trabajo y el cumplimiento de los objetivos señalados, decidimos – en la seguridad de que interpretábamos el interés de nuestro pueblo – no gastar un galón de combustible en desfile militar este X aniversario, ni perder un solo minuto de trabajo (APLAUSOS).

Здесь и в дальнейшей части речи *Comandante* слушатели многократно прерывают горячими аплодисментами.

Изложение дискурса представляет собой рассказ о достижениях в области экономики, политической и социальной жизни Кубинского народа за прошедшие десять лет. Речь сопровождается конкретными данными и цифрами о состоявшихся очевидных переменах в жизни простых тружеников его страны.

Говоря о непростых задачах, стоящих перед страной, оратор прибегает к использованию форм различных вопросов, на которые *Comandante* тут же предлагает убедительные ответы:

¿Qué tenemos para hacer esto? ¿Esto era una cosa fácil? No. No era fácil.
¿Lo podríamos haber hecho al principio de la Revolución? Hay que decir la verdad: al principio de la Revolución no conocíamos ni la geografía de Cuba, ¡ni la geografía! Digamos que ni el paisaje. Imaginense el desarrollo agrícola de un país por quienes no conocen ni la geografía.

Широко используются различные разговорные речевые вставки, часто с многочисленными дополнительными вопросами или восклицаниями:

¿Máquinas? ¿Máquinaria para hacer esto? No.
¿Tractores? No hay datos estadísticos.

Ahora bien: ¿Cuántas ... ?
 ¡Y desde luego el 3% promedio en 12 años no lo alcanzan!
 Y, desde luego, ¡qué contraste, qué diferencia!

Одним из распространенных усилительных приемов в его дискурсах является семантически связанное перечисление номинативных единиц:

Arroz, caña, vianda, leche, todos esos productos estarán multiplicados en 1970 APLAUSOS).

Каждый из следующих друг за другом абзацев может предвлекаться устной речевой вставкой, особенно по мере приближения к окончанию дискурса – это прагматически необходимо для поддержания внимания слушателей:

Pero era la costumbre ...
 Pero también hay otras cosas ...
 Ahora ...
 Y la zafra de 1969 ...
 Ahora bien ...

Собственно стилистические средства и приемы особой выразительности речи в дискурсах *Comandante* немногочисленны, такие как, например, в речи “Discurso pronunciado por el Comandante Fidel Castro Ruz, en el Parque Céspedes de Santiago de Cuba, el 1ro. De enero de 1959”, где можно встретить народные поговорки и пословицы, метафорические сравнения и метонимии [3].

Ораторские дискурсы *Comandante* Фиделя Кастро отличает неизменное присутствие четкого набора лексико-семантических единиц по шести тематическим категориям, формирующих когнитивную базу его речей [12]:

Estructuras Globales – Базовые когнитивные категории

Categorías del Cuento

Victima	El pueblo de Cuba
Villano	Batista y los dictadores cubanos
Héroe	Los revolucionarios liderados por Fidel
Crimen	Se le robó al pueblo sus derechos y la paz
Victoria	Se recuperó la paz, se derrotó la tiranía
Trama	Rescate

Основу экспрессивности дискурсов *Comandante* Фиделя Кастро составляет, на наш взгляд, особая харизматичность самой личности этого выдающегося ратора, выраженный дар красноречия, высокая образованность и интеллигентность, способность видеть, чувствовать и понимать нужды простых людей своей страны, каждого человека, практическая способность и желание решать сложнейшие задачи современности в интересах своего Отечества.

Современник *Comandante* Мартин Лютер Кинг (*англ.* Martin Luther King), лидер движения за гражданские права чернокожего населения США, самый молодой в истории лауреат Нобелевской премии мира (1964), является одним из самых ярких ораторов в истории мирового искусства красноречия.

Его речь «I Have A Dream» (*рус.* «У меня есть мечта»), которую во время марша на Вашингтон 50 лет тому назад 28 августа 1963 г. у подножия монумента 16-му президенту США А. Линкольну (1861–1865) слушали около 300 тыс. американцев, получила широкую известность. В ней М. Л. Кинг восславил расовое примирение в современном ему обществе и попытался заново определить суть американской демократической мечты (the American Dream) и разжечь в ней новый духовный огонь.

Подобно многим другим ярким личностям американской истории, М. Л. Кинг в своих политических выступлениях прибегает к религиозной христианской философии и ораторской речевой образности, неизменно вызывая при этом восторженный отклик у своей аудитории. Подробный анализ дискурса «I Have A Dream» приведен нами в отдельной посвященной ему статье в связи с 50-летием произнесения речи [11]. Поэтому здесь ограничимся краткими замечаниями в виде общего заключения.

Свои политические речи М. Л. Кинг иногда произносит, зачитывая находящийся перед его глазами текст; он не пользуется письменной подсказкой в случае обращения к народу с протестантской, или богослужебно-сакраментальной проповедью, – видом ораторской речи. Размер дискурса «I Have A Dream» составляет 1 700 слов. Речь М. Л. Кинга, полную запись которой в черно-белом варианте можно найти в электронном виде в Интернете, длится чуть более 16 минут. В видеозаписи ей предшествуют кадры грандиозного шествия американцев – участников политического ралли продолжительностью примерно полминуты.

Концепт «мечта» дает название всей его речи, прочно закрепившееся в истории. В жанровом отношении эта часть содержит целый ряд признаков дискурса проповеди, как ее понимают в баптистской деноминации.

Ораторская речь М. Л. Кинга – это вдохновенный митинговый монолог, развернутое высказывание одного лица, заверщенное в когнитивном и прагматическом отношении, в котором все обильно использованные стилистические приемы и средства и композиционные элементы подчинены главной мысли и его основной прагматической цели – призыве к единству нации перед лицом социально-политических вызовов XX–XI вв.

Пассионарная часть дискурса «I Have A Dream» (261 слово), не имеющая аналогов в современной истории публичных выступлений, произносится на одном дыхании:

I have a dream that one day this nation will rise up and live out the true meaning of its creed. We hold these truths to be self-evident that all men are created equal.

I have a dream that one day on the red hills of Georgia the sons of former slaves and the sons of former slaveowners will be able to sit down together at the table of brotherhood.

I have a dream that one day the state of Mississippi, a state sweltering with the heat of injustice, sweltering with the heat of oppression, will be transformed into an oasis of freedom and justice.

I have a dream that my four little children will one day live in a nation where they will not be judged by the color of their skin but by the content of their character.

Повтор всемирно известного рефрена – I have a dream (всего восемь раз), наряду с аллюзией на Конституцию США – all men are created equal, аллюзией на Ветхий и Новый Заветы – sisters and brothers; every valley shall be engulfed, every hill shall be exalted and every mountain shall be made low, the rough places will be made plains and the crooked places will be made straight and the glory of the Lord shall be revealed and all flesh shall see it together [Исаия 40, 3–5; Мф. 3, 3; Мк. 1, 3; Лк. 3, 4–6], эпитеты, метафоры, метонимии, сравнения – все эти средства мощно завершают кульминационную часть речи М. Л. Кинга.

Искусство красноречия афроамериканского политического деятеля XX в. М. Л. Кинга в его речи «I Have A Dream» можно, несомненно,

поставить в один ряд с артефактами признанных ораторов и теоретиков красноречия в истории.

В заключение следует отметить, что с учетом выбранных подходов к анализу материала, именно с позиций когнитивно-стилистического метода исследования, позволительно предложить периодизацию истории возникновения и развития искусства ораторского красноречия:

- I. Классицизм (У – I вв. до Р.Х.)
- II. Раннее христианство (I – IV вв.)
- III. Возрождение (У – XV вв.)
- IV. Просвещение (XVIII – XIX вв.)
- V. Глобализация (XX – XXI вв.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Д. Н. Риторика: учеб. пособие. – 3-е изд. – М. : Наука, 2004. – 623 с.
2. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М. : АН СССР, 1963. – 256 с.
3. Discurso pronunciado por el Comandante Fidel Castro Ruz, en el Parque Céspedes de Santiago de Cuba, el 1ro. de enero de 1959. – URL: <http://www.cuba.cu/gobierno/discursos/1959/esp/f010159e.html>
4. Кони А. Ф. Собрание сочинений: в 8 т. / под общ. ред. В. Г. Базанова, Л. Н. Смирнова, К. И. Чуковского. – Т 3: Судебные речи. – М. : Юридическая литература, 1967. – 535 с.
5. М. В. Ломоносов и современные стилистика и риторика: сб. ст. к 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова ; науч. ред. И. Б. Александрова, В. В. Славкин / факультет Журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. – М. : Флинта ; Наука, 2008. – 352 с.
6. Ломоносов М. В. Полное собр. соч.: в 10 т. – Т. 8: Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1738–1764. – 2-е изд., испр. и доп. – М. ; СПб. : Наука, 2011. – 1133 с.
7. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве. – СПб. : Искусство–СПБ., 1998. – С. 14–285.
8. Радость и утешение христианина: сборник слов и поучений Митрополита Николая Ярушевича / сост. Епископ Афанасий Кудюк. – Брюссель : Жизнь с Богом, 1991. – 190 с.
9. Святитель Николай Сербский (Велимирович). Творения: в 3 кн. / ред. С. А. Еремина, М. Г. Жукова ; пер. с серб. А. Евстратовой; худ. иеродиакон Магфей (Самохин). – М. : Сретенский ставропигиальный мужской монастырь, 2010. – 1136 с.
10. Судебные речи знаменитых русских адвокатов / сост. и ред. Е. Л. Рожникова. – М. : Гардарика, 1997. – 392 с.

11. *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. ; вступ. ст. И. В. Минакова. – Харьков : Фолио ; АСТ, 2003. – 503 с.
12. *Шпетный К. И.* Лингвостилистические особенности ораторского дискурса М. Л. Кинга «I Have A Dream» / Linguostylistic Features of Martin Luther King's oratory «I Have A Dream» // Анализ дискурса и стилистика. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 79–94. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 17 (703)).
13. *Belisario A. V.* Sistemas metafóricos en discursos de Fidel Castro. Decir La verdad es el primer deber de todo revolucionario. – URL: http://www.scielo.org.ve/scielo.php?pid=S0459-12832010000100007&script=sci_arttext

Сетевое электронное научное издание

**ВЕСТНИК МГЛУ. ВЫПУСК 7 (746)
СОБЫТИЯ В КОММУНИКАЦИИ И КОГНИЦИИ**

*Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка Г. П. Лопатиной
Дизайн обложки А. Г. Проскурякова*

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 05.06.2016 г.
Усл. печ. л. 19,6 Формат 60х90/8
Заказ № 1458

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru